

THE INTERNATIONAL FEDERATION OF RUSSIAN WRITERS

Ἰἄϕᾶοίἄθἰἄίἄβ ὀἄἄθἄὀἔβ θὀἄἄἔἔ ἰἔἄἄἔἔ ἰἔἄἄἔἔ

Николай Ржевский

КРУГОСВЕТКА

Повесть • зарисовки • эссе •
сказка • пьеса

Санкт-Петербург • 2009

**ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Р48**

Р48 Ржевский Н. Н.

Кругосветка / Повесть. Зарисовки. Эссе. Сказка.
Пьеса. СПб.: Издательство «Журнал „Нева“»,
2009. — 192 с.

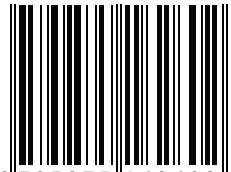
ISBN 5-89740-265-7

В книгу вошли

Кругосветка

ПОВЕСТЬ

.....

ISBN 5-89740-265-7

© Н. Н. Ржевский, 2009
© Изд-во «Журнал „Нева“»,
оформление, 2009

1. Защита

Судно медленно, как бы ощупью, кралось по заливу. Его очертания то скрывались какими-то строениями, или деревьями, то расплывались в дымке. Было необычно видеть движущееся судно, когда кругом мороз, лед, по льду бегают лыжники, смельчаки катаются на досках, уцепившись за воздушных змеев. Вон один даже подпрыгнул, сжался, подтянулся и снова опустился и помчался по заснеженному заливу. Чудно!

А судно идет себе и идет. Вот и второе выглянуло из порта и тоже важно и степенно пошло вслед за первым. Они дойдут до Кронштадта, там соберутся в караван, их возглавит ледокол и проведет до чистой воды, или до тонкого льда. Главное — выйти из Финского залива. В его самом узком месте, где лед часто образует мощные завалы, почти всегда дежурит большой линейный ледокол, который помогает судам проходить сложные места.

Эти картины — зима и плывущие в белом безмолвии вереницы судов — виделась Сергею нередко. Видел он и себя, стоящего на палубе или на мостике, и тогда ностальгия находила его — хотелось в море.

Вспомнилось Сергею, как «повезло» им давней зимой, на выходе из Ленинграда. Три дня не могли они выйти в море: то груз какой-то забыли, то таможня не приехала, то портовые власти что-то усмотрели в бумагах и потребовали исправлений. И все бы ничего, но каждый день приходилось проставлять отвальную. Все запасы спиртного он тогда израсходовал. «Веревки обрубил» неожиданно. Ушли ночью, торопились, чтобы не опоздать к каравану, ведомому ледоколом. По Морскому каналу прошли уже под утро, летели на всех парах.

Наверное, кто-то также смотрел из окна и удивлялся, как это вереница судов идет по льду? Идут, друг за дружкой, гуськом, точно — как гуси.

Помнится, после Кронштадта неожиданно увидели вмерзшее во льды судно. Сколько лет прошло, а до сих пор слышится ворчание капитана, рассматривающего в бинокль ледового пленника:

— Он еще ночью дал СОС. Сидит, ждет. Его надо не только освободить, но и тащить «за усы». Что-то с машиной приключилось. Наш ледокол вернется и вытащит. Чудак, сам нарвался. Пошел без каравана. У нас усиленный ледовый корпус, и то я поостерегся в одиночку идти. Он, наверное, с Балтикой не знаком. А тут столько на дне лежит чудачков, что и не пересчитаешь. Ничего, теперь научился.

Капитан беззлобно бубнил, пил кофе, сидя в своем высоком капитанском кресле на мостике. Сидел до чистой воды, пока не закончилась ледовая проводка — дело тонкое и опасное. На открытой воде можно отдохнуть немного, а потом опять сидеть, пить кофе — начнется проход Датских проливов. Там тоже надо быть начеку, но там другая «засада» — движение, как на Невском. Отоспаться ему удастся только в открытом океане. Там спокойно, никого нет. Там хорошо.

Трудно без моря. Сколько не сиди на берегу, а, побывав раз в океане, тянет туда всю оставшуюся жизнь. Вот и сейчас Сергея тянет побежать, полететь вслед за уходящим караваном.

Воспоминания о море становятся то мутными, то яркими и отчетливыми и кажется, что уже завтра снова собирать чемоданы, тогда как завтра — совсем другие заботы...

Защита диссертации, судя по всему, окончательно накрылась медным тазом. Два года работы псу под хвост. После удачных съемок на Охотском море материал получился отличный. Было закрыто «белое пятно» в геологии шельфа и прилегающей Камчатки. Геологи только цокали языками, прослеживая по геофизическим картам

продолжения геологических структур побережья на шельф. Не использовать такую возможность для подготовки диссертации было бы непростительной глупостью. Новизна всех положений была очевидной, что повышало шанс удачной защиты. После некоторых мытарств уже была определена дата защиты. Сергей вышел на финишную прямую...

Но сейчас, в кабинете «Палпалыча», начальника морской геофизической экспедиции, он не мог понять, почему вместо уже утвержденного «Угорька» — его коллеги Игоря Федоровича, стоящего рядом, — в рейс вдруг посылают его, срывая защиту диссертации.

— Сергей Васильевич, не может он идти в рейс. У него серьезные семейные обстоятельства.

Коллега стоял, насупившись, и важно кивал головой.

— Ты что, заболел? — спросил Сергей и тотчас понял, что задал вопрос риторический; все уже было решено до его прихода.

— Нет, у меня сын в институт поступает.

Сергей опешил:

— Ты что, только сегодня узнал об этом? — едва не закричал он.

Угорек замялся:

— Он у меня в элитный институт поступает. Там двадцать человек на место.

— Да уж, аргумент, — с ударением на «у», съязвил Сергей, — Но и у меня сын, и тоже поступает, и тоже в элитный. Кстати, в наш, в Горный. Он что, хуже...

— Сергей, — вклинился Палпалыч, придавая голосу дружеский тон, — ну, ты же понимаешь, Игорь, ну, это, ну, не может он, понимаешь.

Тон стал совсем доверительным, кошачье мягким, а разговор медленным, вкрадчивым и уже совсем каким-то невнятным.

— Не понимаю. Ничего не понимаю. У меня же защита, — уже чуть не плача, мямлил Сергей.

Так он ничего и не добился: решение принято, в рейс идти ему.

Придя домой, Сергей никак не мог найти себе места: почему «босс» так упорно посылал его, почему не применил власть, чтобы заставить Угорька выполнить свой служебный долг? — спрашивал он себя. Он еще не знал, что пути и мотивы решения производственных проблем лукавы и витиеваты. Это потом, спустя годы, он стал понимать, что, принимая то или иное решение, начальник должен решить задачу со многими неизвестными. Ему, надо подумать и о том, как выполнить работу, и о том, как угодить вышестоящему начальству, при этом, не обидев своих подчиненных, в том числе и личных друзей, старых сослуживцев, которые не выбились в начальники, но рассчитывают на какие-то привилегии, поскольку начальник — не только коллега, но и их старый кореш. Вот и думай, как поступить: сохранить свои принципы, или использовать чужие, с которыми, может быть, совсем не согласен? А, если сохранишь свои принципы, то сумеешь ли сохранить свое место?.. Все это Сергей постиг со временем. А сейчас... Сейчас он ничего не понимал: как он пойдет к профессору, какими словами будет просить о переносе защиты диссертации, которая нужна ему позарез, хотя бы из меркантильных соображений?

Дело в том, что Сергей долго не получал повышения по службе и, соответственно, — жалованья. Тут — семья, дети, а денег кот наплакал. Вот он и пришел три года назад к Палпалычу с просьбой разрешить поступление в заочную аспирантуру в надежде на будущую кандидатскую надбавку. Но — получил отказ.

— У нас такие люди, — вещал начальник, называя работников с солидным стажем, — и все еще не остепенелись, а ты, совсем зеленый, и уже... здрасте-пожалуйста, собрался остепениться. Молод еще. Хочешь защищаться, — пожалуйста, увольняйся и поступай в очную аспирантуру.

Ежу понятно: на стипендию аспиранта и одному не прокормиться, не то, что с семьей. Да и кто там, в аспирантуре даст ему материал для научной работы? Нет, защищаться надо здесь, на своей работе, увольняться нельзя.

Получив отказ на заочную аспирантуру, Сергей не сдался и устроился в соискатели. После сдачи экзаменов на кандидатский минимум, ему установили тему исследований по геологии Белого моря. Он долго готовил материалы, но работы на Белом море неожиданно прекратились и были перенесены в Охотское море. Вот тут-то он и развернулся, за два года написав солидный фолиант. Но, когда принес свой труд своему научному руководителю, тот завернул работу, не читая:

— У вас, Сережа, ошибка на первой странице, что же я найду дальше? Приведите все в порядок, тогда посмотрю.

— Какая ошибка? — опешил Сергей.

— У вас тема по Белому морю, так? А на титуле что написано? Охотское море. Это, как вам должно быть известно, немного в стороне, чуть дальше, чуть ниже и правее, — шутил руководитель.

— Да, нет же, все правильно, я написал по Охотскому морю. Почитайте.

— Как по Охотскому? Без согласования со мной, с Ученым советом? Это как?..

— Но ведь программу по Белому морю закрыли. Я думал, Вы знаете. И что мне теперь делать?

Сергей весь съежился при мысли, что придется все начинать по новой.

— Не знаю, что Вам делать. Все, что могу — это не устраивать скандал по поводу Вашего поведения. Если уладите сами, приносите работу, посмотрю. Но только не этот талмуд. Его надо сократить вдвое. Приносите автореферат.

На счастье ученый секретарь Совета оказалась просто чудом: она что-то переписала, что-то согласовала с профессором — председателем Совета, что — то согласовала с членами Совета. Очень скоро диссертация оказалась на «легальном» положении, и научный руководитель дал «добро» на защиту. Сергей отнес диссертацию на просмотр профессору, хотя было очевидно, что он, большой ученый, занятый своими делами, не будет читать его рукопись, а передаст одному из своих замов. Так оно и получилось. Посмотрев работу, зам порекомендовал дора-

ботать все главы, введение и заключение полностью переделать, а графику сократить. Это означало переработку всей диссертации. Как переработать два года труда за месяц до защиты?.. Сергей вновь пошел к профессору.

Тот послал к другому заму. Пошел к другому...

— Не понимаю, что не понравилось моему коллеге, — заявил другой, — введение надо немного конкретизировать, а все остальное вполне диссертабельно. Пишите и быстрее рассылайте автореферат. Только обязательно оповестите всех членов Совета и развезите им рефераты сами по домам. Наши ученые — люди забывчивые.

Сергей быстренько доработал введение, прошел предзащиту в родственном институте, назначенном «ведущей организацией», составил акты внедрения своей работы в деятельность своей же родной экспедиции (благо, что материалы действительно использовались в отчетах), просмотрел и подготовил с ученым секретарем Совета все необходимые для защиты документы и бумаги, написал и согласовал с научным руководителем автореферат и, наконец, начал развозить его членам Совета, а текст диссертации — официальным оппонентам. Все! «Лед тронулся!» Дата защиты назначена! И — на тебе... Выход «в поле», вернее, в море — как раз в день защиты. Все — псу под хвост.

На следующий день после разговора с Угорьком и Палпалычем Сергей, совершенно убитый нахлынувшими оказиями, вновь пришел к боссу.

— Ничего, дату защиты можно передвинуть, я поговорю с профессором. Какая-нибудь лазейка найдется, — утешал Палпалыч, явно для отвода глаз. Он сам недавно защитился и не мог не знать, что план работы Совета жесткий: все заседания расписаны на год вперед, найти дыру в работе Совета не удастся, и защиту придется переносить на следующий год. А через год «или эмир умрет, или ишак умрет», но что-то обязательно произойдет, и как там будет с защитой, — не ясно. Да и не объяснить всем членам Ученого Совета, что произошло форсмажорное обстоятельство. Большинство решит, что это

профессор отложил защиту по какой-то одному ему ведомой причине. Через год!..

— Да причем здесь «поговорю с профессором»? — вскипел Сергей. — Перенесет на год, и весь сказ. А что будет через год? Вы знаете? Кто знает?! Неужели не ясно, грохнулась моя защита!..

Сергей почувствовал, что сейчас сорвется, стулом запустит, графин разобьет, и заставил себя замолчать.

— Ну, грохнулась или нет — решать Совету, — в голове Палпалыча звякнула командирская сталь, — а производственный план экспедиции грохнуть не имеет права. Вам понятно? — тихо спросил он, давая понять, что разговор закончен.

Сергей вышел из кабинета в полном раздрае: с одной стороны, заграничье — большая честь, солидный заработок (наконец-то!) и действительно интересная работа; с другой, — диссертация, столько труда, столько бессонных ночей; ну, а с третьей, — совершенно непонятное решение босса: то ли он на крючке у Угорька, то ли, наоборот, хочет его прислонить к стенке, лишит валюты, то ли еще чего — голова кругом. Какой дурак будет отказываться от должности начальника рейса в «кругосветку», да с заходами в «бананово-лимонный» Сингапур, в Гонолулу, в Гавану, в Антверпен? Да если бы не диссертация, которую ни отложить, ни перенести, практически, невозможно, он никогда бы не отказался. И не только потому, что участвовать в кругосветном путешествии — такой фарт не часто выпадает на долю морского геолога, а еще и потому, что программа работ на сей раз предусматривала выполнение отбора проб грунта («станции») в ключевых геологических районах дна Мирового океана. Удачное выполнение работ могло принести уникальный научный материал, а это — новые идеи, доклады, статьи, а там... Было страшно подумать — что «там»... Там маячил материал для докторской.

Всю ночь он ворочался, прикидывал: как идти к профессору, что сказать? Ничего не придумав, решил снова идти к боссу и круто решить свою судьбу: отказаться от рейса вплоть до увольнения и выйти на защиту. Никако-

го переноса. Из двух сладких пряников — кругосветка или диссертация, — он выбирает второе.

Увидев Сергея, секретарша скорчила мину и сообщила, что Палпалыч получил какое-то известие и очень сердит. Сергей пару секунд потоптался у двери, решил, что у него нет ни времени, ни возможностей откладывать разговор, и вошел в кабинет. Начальник, действительно, был не в себе: он стоял посреди кабинета и матерился, глядя на какую-то бумажку.

— Нет, ты подумай, (та-та-та!), семь метров (бах-бах!) проломили в днище, кое-как дотянули до Порта (тадах-тадах!), теперь ждут дока для ремонта! Когда они теперь выйдут в рейс! Они же нам все планы срываю!

— Какое днище? Где? На «Поддубном», да? На том, куда вы меня направляете?

— А на каком же еще? Не на моей же даче? Что за дурацкие вопросы? Стал бы я переживать за другой паром!

«А еще говорят, что чудес не бывает», — пела душа Сергея под горькие жалобы босса.

— И на сколько дней задержка? — участливо спросил он.

— На неделю, как минимум, — процедил несчастный начальник. — А у нас уже весь состав экспедиции завтра выезжает, один ты остался. Ничего отменить уже невозможно. Мы уже и часть «организации» заактивировали.

— Так я могу на неделю задержаться?

— А кто будет этих «мудрых академиков», то бишь «мудаков», под зад пинать? Кто там, в Порту, будет «толкачем»? Они же провозятся, черт знает сколько с этой дырой! Судно ведь арендовано в Академическом институте, а там свои порядки и свое «течение времени», неспешное.

— Так ведь есть заместитель начальника рейса. Вот он и потолкает, пока я не подъеду.

Начальник задумался. Позвонил в отдел кадров:

— Кто у Сергея Васильевича идет замом на «Поддубном»? Валентин? Хорошо, спасибо.

Он положил трубку, помолчал, подумал и уперся в Сергея тяжелым взглядом:

— Ты это, конечно, о своей защите беспокоишься, так ведь?

— Да, конечно. Такое не часто бывает, сами знаете. А Валентин — опытный, надежный. Он сам мог бы пойти в рейс начальником.

— Ну, ты даешь! А партбюро, а райком? Он же беспартийный, это же заграничный рейс, а не твое Охотское море!

— Ну вот, сами же и подтвердили, что нужен я, в основном, в рейсе, после пересечения границы, а на берегу Валентин справится и без меня.

— Ладно, уговорил. Даю отсрочку на неделю. Но, если через неделю не явишься на судно, — уволью за прогул. Попомнишь меня! — прорычал Палпалыч и тотчас сменил тональность: — Банкет уже поди заказал? И где же?

— В Прибалтийской. Не забудьте! Спасибо!.. — кричал Сергей уже на бегу, пулей вылетая из кабинета.

Не успел он закрыть за собою дверь, как его окликнула молодая женщина, сотрудница отряда, которым командовал Угорек.

— Сергей Васильевич, можно с вами поговорить?

— Да. В чем проблема?

— Нам сказали, что вы пойдете начальником рейса вместо Игоря Федоровича. Это правда?

— Правда. А в чем дело?

— Не могли бы вы меня зачислить в состав группы?

— Да я еще и списков не видел, не знаю, есть ли вакансии. А почему вы Уго..., простите, своего начальника не попросите?

— Я просила, но ничего не получилось.

— Что значит, не получилось? Насколько я знаю, вы хороший специалист, вернее, — хмыкнул Сергей, — специалистка. Есть какая-то причина?

— Ну, какая может быть причина. Просто, — женщина замялась, — ну, вы же знаете...

Сергей ничего не понял, но пообещал посмотреть состав и сделать все, что сможет. Разбираться в деталях у него не было времени.

А между тем, причина могла быть самой заурядной, что называется, — бабьей. Эта бабья проблема вставала, как стена, при рассмотрении кандидатур «на загранку» на партбюро. А партбюро и без нее было тяжело. Оно, партбюро, должно было согласовать в своем узком кругу рекомендацию-характеристику на каждого участника экспедиции. Потом эта рекомендация отправлялась в райком — на утверждение. В рекомендации обязательно должны были быть «святые» слова: «морально устойчивый, в быту скромный, политически грамотный, связей с заграницей не имеет, к суду не привлекался, семья дружная». По поводу связей и судимостей у всех был полный ажур: тут бдили неусыпные органы. Мимо них не то что преступник, муха не пролетит. А если у кого и было рыльце в пушку, то он, либо отмыл его, либо — отмывал, служа органам верой и правдой. Да и морально устойчивыми были все, даже крутые пьяницы. На эту тему в те чудные времена ходил анекдот: горькому пьянице понадобилась характеристика; чтобы уж совсем не врать в парткоме написали: «пьет много, но с отвращением». С политической грамотностью вообще просто, — если газеты читаешь, то трудно быть неграмотным. Скромность в быту... Тут-то оно, бабье, и встречало. Скромность, как известно, была присуща всем советским женщинам, ибо, как сообщила одна активистка, выступая по телевизору: «у нас секса нет!», но откуда взялся ребенок, да еще без отца?.. И еще: как быть с «дружной семьей», если ты — мать одиночка?..

А в рейсы хотели все матери-одиночки, ибо — без алиментов, да на одну зарплату не очень-то прожить. Просились не только в экспедиционный состав. Часто женщины с высшим образованием оформлялись матросом-уборщиком, или буфетчицей, но самой выгодной считалась должность прачки: на судне всегда есть стиральная машина, освоить ее — раз плюнуть, а положение на судне — самостоятельное, почти независимое: следи за своевременной сменой белья у экипажа, постирала и свободна.

Члены партбюро — тоже люди; они понимали, что не от хорошей жизни женщины бегут в море, но: как обойти

проблему «дружной семьи»? Придумали. Каждая претендентка должна была представить гарантию, что ее ребенок остается с родственником — бабушкой или дедушкой, с тетей, наконец, или дядей, которые будут за ним следить и воспитывать в отсутствие главы семьи — матери. И хотя далеко не у всех были дедушки-бабушки, дяди-тети, но: что поделаешь? Жизнь заставляла одних привирать, а других закрывать на это глаза. Зато, при случае, можно было сделать вид, что нарушается заведенный порядок и проучить кого-нибудь, завернув рекомендацию. Тогда для неугодной — граница на замке...

Сергей подумал, что сотрудница не прошла партбюро, и был удивлен, узнав, что разрешение на выезд ей оформили. Бегло посмотрев список экспедиции, он нашел вакантное место и дал указание на ее оформление в рейс.

— Еще одну бабу берешь. Смотри, Угорек и без того весь свой курятник напихал в рейс. Думал, поди: вот уж потопчу. С кем работать будешь? — ворчал Валентин, которому с основной группой через день предстояло выезжать в Порт.

— Как с кем? А ты на что? — пошутил Сергей.

— Я то что: «нам, боярам все равно: наступать — бежать, отступать — тоже бежать», — ответил своей любимой шуткой Валентин, — а вот ты бы поостерегся этих «вумен».

— Да я понимаю, но что теперь поделаешь? Не шерстить же весь состав перед самым выездом. «Коней на переправе не меняют». Сдюжим, не впервой.

О пристрастии коллеги-Угорька к слабому полу было давно известно. Однажды Палпалыч даже объявил ему выговор «за расходование бюджетных средств не по назначению» и приказал убрать и передать в пионерский лагерь роскошный диван, купленный коллегой для своего кабинета за счет денег, выделенных на приобретение геофизической аппаратуры. Об этом диване и о других пикантных случаях в экспедиции перешептывались по углам, но не более того — жалоб никто не подавал. Хо-

дили слухи, что в заграничье иначе, как через этот самый диван, молодые женщины не попадают, но слухи, — они и есть слухи. Жалоб нет — значит все в порядке.

Прежде, чем покинуть экспедицию и заняться диссертационными хлопотами, Сергею пришлось забежать в отдел кадров, предупредить, чтобы его паспорт моряка не забыли переслать в Порт, где предполагалось оформлять отход в рейс.

— Сережа, запишите на всякий случай номера разрешений, — проворковала инспектор, всегда благоволившая к нему.

— Зачем? Если паспорт не дойдет во время, в рейс все равно не пустят.

— Ну, на всякий случай. Вы же, как никак, начальник рейса.

«Разрешением» или «решением» называли номер и дату протокола комиссии обкома (или райкома), великодушно благословившей моряка на заграничье с выдачей ему Паспорта моряка. Эти паспорта в то время выдавали строго в обмен на обычный гражданский и только перед выходом в рейс. В промежутках между рейсами паспорта хранились в администрации морского порта и, в случае выхода в море из другого порта, — пересылались туда курьерской почтой. Если паспорт не приходил своевременно, в рейс моряка не пускали. Почему не выдавали морские паспорта в своем родном порту (в данном случае — ленинградском) так и осталось тайной. Через несколько лет (незадолго до «перестройки») морякам и работающим на судах научным работникам — науке, как их называли, — паспорта выдавали на руки уже перед отлетом из Питера в любой отдаленный порт, что, кстати, часто помогало при заказе билетов. Вернувшись из рейса, моряки всеми правдами и неправдами старались оставить паспорт моряка в кармане — он давал немалые привилегии: например, билет в кино или в театр — вне очереди, «бронь», железнодорожная или авиационная, — показал этот паспорт, сказал, что судно уходит и — лети, родимый! А «Альбатрос»? Там можно было и поглазеть

на заморские товары, и купить кой-чего, если бонны, обмененные на валюту, имелись. Словом, паспорт моряка был документом важным. Упаси бог его потерять — на долго останешься без работы.

Сергей переписал все номера и даты, оформил командировку, заказал билеты и... Все забыл: рейс, паспорт, Порт — он идет на защиту.

А там — дел невпроворот. Кроме работы с официальными оппонентами надо было обеспечить отзывы на автореферат из разных организаций. А кому охота возиться с абсолютно неизвестным диссертантом? Хорошо, если в нужном тебе институте или организации работал кто — то знакомый. Тогда смело можно было написать самому несколько строчек — «рыбу», переслать своему коллеге, попросить дописать все, что посчитают необходимым, и переслать утвержденный отзыв в адрес Ученого совета. А если организация не знакомая? Тогда приходилось просить секретаря этой организации сначала отнести автореферат на отзыв одному из сотрудников, а затем — быстрее прислать этот отзыв в Совет. А отзывы надо получить не менее десяти, а лучше — двадцати, и — из разных организаций.

С официальными оппонентами работать было — одно удовольствие: люди все воспитанные, доброжелательные, обязательные. Однако, тоже тревожно: вдруг что-то не то напишут?

Сергей не без опаски просмотрел отзыв одного из официальных оппонентов, и целый день готовил обстоятельный ответ на все его замечания.

— Ну, батенька, вы и постарались, — седовласый научный руководитель заулыбался, прочитав принесенный Сергеем черновик ответа на замечания оппонента. — Разве можно так старика трепать? А ну, как он будет вашу работу так же по косточкам разбирать? Кто же будет слушать ваш ответ, который в три раза больше отзыва? На Совете ведь — не бой, а научная дискуссия. Конечно, вам защищаться, оппоненту нападать, без дискуссии защита будет скучной и пресной, можно получить чер-

ные шары, но зачем так длинно? Сократите немного, так, чтобы всем было интересно, но покороче, а полемика должна остаться. И не волнуйтесь, диссертация у вас крепкая. Как услышите, что члены Совета начнут рассказывать о своих экспедициях в район ваших исследований, считайте, что защита состоялась. Но, помните, если им не хватит времени на воспоминания, они, опять же, могут накидать черных шаров. Один особенно любит вспоминать, как он на лошадях по Камчатке разъезжал. Так что, бдите.

Для второго оппонента Сергей подготовил уже короткий ответ.

— Вот и молодец. И отзыв хороший, и ответ достойный, — похвалил руководитель.

Но уж очень хотелось Сергею, чтобы — наверняка, и он сделал довольно рискованный шаг. В Совете, среди прочих, заседал один член-корреспондент АН СССР. Сергей принес ему автореферат на просмотр и попросил:

— Иван Ильич, может быть, отзыв напишете, хоть коротенький?

Член-корр поморщился:

— Со временем у меня, понимаете ли, трудно. Какая тема? По Охотскому морю? Да, это мой район. Ну, что же попробую написать. Вы кандидатскую диссертацию тоже по Охотскому защищали?

— Так эта диссертация и есть кандидатская.

— Ну что вы мне голову морочите! Для кандидатской диссертации будет достаточно, если я просто промолчу. В Совете все знают, что, если я «против», обязательно выступлю, а если «за», могу и промолчать. К тому же я ваш доклад не предзащите слышал. Вполне, вполне. Кроме того, все знают: ваш научный руководитель брака не допустит. Думаю, вам беспокоиться не о чем.

Пока Сергей готовился к защите, его жена занималась банкетом, для которого они выбрали «Прибалтийскую». Заказали столики, согласовали меню, заплатили аванс. И вдруг!.. Позвонил Палпалыч:

— Сергей, ты последнюю «Правду» читал?

— Нет, не до того мне сейчас?

— Посмотри, посмотри. Не помешает. Обязательно посмотри.

— Да некогда мне.

— Посмотри, не то можешь сильно пожалеть.

Начальник был человек мудрый. Если сказал, что надо, значит надо. Сергей забежал в библиотеку и раскрыл последнюю «Правду». Вот это да!.. В числе главных тем была разборка «взяток членам Научных Советов в целях незаконного присвоения ученых степеней». К взяткам причислялось и участие в банкетах. Приводились примеры, когда отменялись уже утвержденные степени, а члены Совета и председатель привлекались к ответственности. В качестве «высшей меры» предлагалось закрывать Советы, где замечена практика проведения банкетов после защиты.

Было совершенно ясно, что началась очередная бессмысленная компания. Уже прошла компания борьбы с прогульщиками, когда людей отлавливали в командировке в другом городе и обвиняли в уклонении от работы, но еще не закончилась компания по борьбе с пьянством. Правда, уже перестали вырубать виноградники, но еще не начали их восстанавливать. Судя по всему, кто-то вознамерился получить продвижение по службе и придумал эту дурацкую компанию по борьбе с банкетами.

Год назад Сергея тоже втянули в «борьбу с пьянством» и даже назначили ответственным от партбюро. Более того, заставили сделать доклад о проделанной работе, предупредив, что, если он не начнет активнее действовать, влепят выговор с занесением в учетную карточку. Однако, он отнесся к столь важному поручению, спустя рукава. На первых порах спасло то, что в глазах партийной общественности он был абсолютным трезвенником, никто не видел его пьяным на работе. А потом, как всегда, все пошло самотеком: кто-то где-то что-то делал, кто-то что-то писал, в чем-то отчитывался, и в конце концов об этой компании просто забыли.

Сергей умом понимал, что выпад против банкетов — лишь один из последних вздохов умирающей компании, но «животом» чувствовал крайнее неудобство:

— Ну, надо же, именно сейчас, за два дня до защиты! Надо отменять банкет! Но что делать? Как то ведь надо отметить? — говорил он жене.

— Давай дома отметим, — сказала она. — Назовем это мероприятие «встречей друзей»?

— А как быть с членами совета?

— Ну как. Нельзя, так нельзя. Не приглашай. Они — люди умные, поймут.

Так и порешили. Банкет отменили. Передали «по цепочке» всем знакомым и сотрудникам: после защиты встречаемся дома. Жена отпросилась с работы и принялась за организацию торжественной «пьянки».

Сергей день и ночь корректировал плакаты, репетировал доклад, чтобы был он втиснут в регламент без сучка и задоринки: ни секунды больше, ни минуты меньше. Пришлось даже взять у друга на время магнитофон.

В последний до защиты день, уже в полудреме забежал на работу. Получил билеты до Порты, где стоял «Поддубный», командировочное удостоверение, три литра технического спирта, который не успели взять Валентин и уехавшие с ним сотрудники. Взял он и проект на работу, чтобы войти в курс дела — вдруг другого экземпляра на судне не окажется. А вечером бегал за стаканами, стульями, переставлял мебель и репетировал, репетировал, репетировал доклад.

Защита проводилась в институтском конференцзале, в котором прежде Сергею приходилось защищать свои проекты на работы, и научные отчеты. Все здесь было знакомо. Знакомым был и президиум. За столом сидел профессор и ученый секретарь. А вот первые ряды были заполнены, в основном, незнакомыми людьми. Это были члены совета — известные ученые из университета, других вузов и НИИ.

До начала доклада Сергея ученым секретарем было произнесено много формальных слов, которые он, находясь в оцепенении, просто не усвоил. Главным было не забыть первые слова доклада и не перепутать последовательность на зубок зазубренных фраз. Оцепенение час-

тично прошло после первых слов, которые он произнес автоматически. Стало немного легче и Сергей начал говорить довольно уверенно. Однако, уже в конце доклада, он обратил внимание на одного из членов Совета, который внимательно следил за часами, и вновь заволновался. Присутствовавшие понимали, как тяжело ему, сидели тихо, не шумели, и он сумел расслышать шепот следившего за часами члена Совета на ухо своему соседу:

— Молодец парень, ровно две минуты осталось. Как раз на благодарности хватит. Спорим, уложится в регламент.

Во рту пересохло: «Кажется, что-то забыл. Но если начать вспоминать, время потрачу. Что делать?». Вспомнились слова одного из рецензентов: «Главное на завершении работы — отрезать все лишнее. Сколько этих «умников» болтается без защиты, которые все стараются улучшить, доработать? Так и остаются пожизненными диссертантами, подающими надежды. В диссертации должно быть только то, что вы можете самостоятельно и надежно защитить. Ну, зачем вы тут мобилизм лягнули? Хорошо, что хоть по касательной и слегка. Поди, не знаете, что в Совете сидят не только фиксисты, но есть и махровые мобилисты? А ну, как кто-то кинет вам черный шар, или просто задаст ядреный вопрос? Вы же в момент засыплитесь! Это же профессионалы, они вас одними терминами в порошок сотрут. Уберите, не дразните слонов. Вы же не на баррикады идете, а на защиту всего лишь кандидатской диссертации. Вот защититесь, тогда и пишите в статьях, что хотите, а еще лучше — в мемуарах».

Сергей секунду подумал и начал перечислять благодарности. Когда закончил, посмотрел на членов Совета. Все доброжелательно улыбались. Только после этого немного пришел в себя. В ответах на вопросы кое-что напутал, но все обошлось. Серьезных возражений и споров удалось избежать. Выступления членов Совета слушал, почти не понимая, о чем идет речь, а когда один из ученых начал вспоминать, как он «тридцать лет назад, да на лошадях, да по Камчатке...», — Сергей понял, что все за-

кончилось, и теперь все в руках Совета, а потом, если голосование пройдет успешно, — ВАКа.

На душе стало удивительно спокойно. Мысли о диссертации приобрели какой-то другой характер, то ли растаяли, то ли уснули. Конечно, хотелось, чтобы диссертацию утвердили единогласно, но главная мысль была о том, что путь этот, такой долгий и трудный, уже пройден, что точка поставлена, рубеж преодолен. А утвердят, или нет — это судьба; она от него не зависит.

Голосование прошло удивительно быстро. «Против» — никто!..

Хотелось обнять и бесконечно благодарить этих пожилых людей, которые оставили своих студентов, свою работу, пересекли весь город и пришли на Совет, чтобы выслушать его лепетание, поддержать его, незнакомого им, амбициозного молодого человека, претендующего на звание Ученого.

Вдруг Сергей вспомнил, что банкета не будет. Он подумал, что никогда не сможет сказать этим людям слова благодарности, просто не представится случая, разве, что на защите следующей диссертации, уже докторской. На лице его появилась растерянность, которую сразу заметили его коллеги:

— Ты что, как сомнамбула?

Друзья хлопали его по плечам, смеялись, радовались общему успеху; материалы ведь собирали всей группой.

— Давай, скручивать плакаты, едем к тебе.

Сергей послушно принимал поздравления, в то время, как его сотрудники помогали ему снимать плакаты и «по цепочке» передавали адрес их скорой встречи.

Домашний вечер прошел великолепно. Впервые за долгие годы Сергей основательно выпил. А и был повод: прошла, наконец, нервотрепка, канули в Лету волнения последних дней. Несмотря на усталость бессонных ночей, расставаться с друзьями категорически не хотелось. Ведь с их уходом кончался этот многотрудный, но очень счастливый день, умирал праздник души, праздник человека, закончившего давно задуманное и долго вынашиваемое дело.

Гости ушли полночь-за полночь, а утром Сергей пошел в институт.

— Ну, молодой человек, как себя чувствуете? — улыбаясь, спросила ученый секретарь.

— Да, не очень. Стыдно, что смалодушничал, отменил банкет. Неудобно перед членами Совета.

— И не думайте корить себя, молодой человек! Члены Совета очень берегут свою репутацию. Такая статья была! Вы читали?

— Читал.

— Ну, вот. Представляете себе, в какое положение вы поставили бы членов Совета, организовав банкет? Что им прикажете делать? Рисковать своим честным именем, а некоторым — партбилетом? Кстати, я слышала, что вы скоро уезжаете на полевые работы. Это правда?

— Да, завтра улетаю в Порт.

— За-а-автра? — протянула секретарь. — А кто будет готовить ваши документы к отправке в ВАК?

— Я попросил товарища по работе. Он тоже соискатель. Ему даже полезно будет потренироваться.

— Ну, что с вами поделаешь. Приглашайте своего товарища.

Целый день, втроем, они шерстили его бумажки; подготавливали, что успели. Что не успели, Сергей оставил на товарища. Утром он улетел в Порт...

Ни встреч, ни проводов Сергей не любил. На всю жизнь он запомнил, как мальчишкой долго бежал за вагоном, как плакал, что-то кричал, провожая отца в экспедицию. Став геофизиком, один раз, в порядке эксперимента, позволил жене с сыном поехать с ним в аэропорт. У турникета жена, как положено, прослезилась, сын надул щеки, повис на шее. Было видно, как в нем, сдерживая слезы, боролись мальчик с мужчиной. На посадке Сергей долго вертел головой, шарил глазами по фасаду длинного здания аэровокзала, высматривая в окнах своих, и, так и не высмотрев, последним взобрался на трап. В самолете искал их в иллюминаторе, как будто можно было разглядеть родные лица в огромной толпе прово-

жающих, прильнувших к далеким окнам аэропорта. Тогда-то он и решил: впредь — никаких проводов!

Вот и этим утром он тихо встал, чмокнул спящего сына, обнял жену, взял чемоданы, закрыл за собой дверь и — сразу оказался в другом мире, в другом пространстве, в другой жизни. Там, где нет места сомнениям, где появляется сначала радостное предвкушение встречи с природой, приключениями, забываются домашние заботы. Это уже потом, через несколько недель тоска по дому, по семье нарастает, появляется нетерпеливое ожидание встречи. Правильно говорят, что для того, чтобы вкусно поесть, — надо хорошо проголодаться. Вот так и в экспедиции: все прелести домашней жизни понимаешь только на расстоянии, а чтобы почувствовать радость встречи, надо пережить горечь расставания.

Диалектика! Чтоб ей.....

2. Отход

Порт, где Сергея поджидал «Поддубный», был на Дальнем Востоке. В Хабаровске пришлось пересаживаться на местные авиалинии, забирать из «Ту» чемоданы и тащить их в двухмоторный «Антон». При оформлении пересадки вновь проверяли билеты и багаж. Сотрудник аэровокзала попросил открыть чемодан.

— Это что у Вас в бутылке?

— Спирт.

— У Вас одна бутылка, или еще есть.

— Всего три литра, разлито по поллитровым бутылкам.

Подошел милиционер:

— Берите свои чемоданы, пройдемте.

— Так мне же на вылет.

— Ничего, успеете.

Сергей взял чемоданы, пошел в коптерку милиции.

— У меня же технический спирт, для промывки приборов.

— У всех для промывки. Куда летите?

— Я начальник рейса научно-исследовательского судна «Иван Поддубный». Вот командировочное.

— Посмотрим, посмотрим. А спиртик-то доставайте.

— Зачем?

— На конфискацию.

— Какая конфискация!? У меня же все законно. Вот накладная со склада.

— Причем здесь накладная. У Вас нет разрешения на провоз огнеопасных веществ. А спирт — огнеопасное вещество. Да еще — в незапаянных сосудах. Давайте документы, будем составлять протокол об изъятии.

Все объяснения: о технической необходимости, о нормах, указанных в проекте, согласно которым Сергей должен был взять не три, а несколько десятков литров спирта, обещания не лететь в Порт самолетом, а ехать поездом, не помогли. Милиционер даже слушать его не хотел, заполнял, посапывая, листы протокола, и, в результате, дал подписать солидную бумагу, где вся история была описана в мельчайших деталях. Сергей понял, что дело приняло скверный оборот: на самолет он уже опоздал, следующий — через несколько дней, так что волей-неволей придется ехать поездом, и, что самое скверное, спирт, судя по всему, не спасти.

— И куда теперь мне с этим протоколом? — спросил он, подписав бумаги.

— А куда. Езжайте дальше, на свой пароход?

— А с протоколом что будете делать?

— Отправим на вашу работу.

— Зачем? Спирт ведь у меня отняли. Зачем протокол направлять на работу?

— Ну, не на работу, так не на работу. Оставим у себя, на память. Забирайте свои чемоданы, а то на поезд тоже опоздаете.

Начинался март. Солнце светило ярче и веселее, чем в Питере, но мороз стоял суровый. С чемоданами, «утяжеленными» потерей трех литров спирта, Сергей уныло добирался до вокзала. Поезд уже стоял на перроне. Опоздай он на час, и сидеть бы ему целые сутки в

ожидании следующего. Прав был милиционер, хоть тут показал себя человеком.

Плацкартных мест не оказалось, только — общие. Пришлось трястись в сидячем вагоне. Проснувшись утром на каком то полустанке, Сергей почувствовал, что серьезно простыл. Нервы, беготня по морозцу с чемоданами, холодный вагон дали о себе знать. А впереди еще поиски стоянки парохода, беготня по незнакомому городу с чемоданами — ох и муторно, ох и погано.

Вскоре поезд подошел к железнодорожному вокзалу — все, приехал. Слегка прихрамывающего Валентина Сергей заметил еще до остановки поезда. О таком подарке он и не мечтал.

— Во, чудеса! Как ты меня вычислил?

— Встречал самолет, тебя нет, решил, что опоздал на пересадку и поедешь поездом, подошел к приходу, встретил. Все «пучком». А что случилось? С прилетом в Хабаровск опоздал, что ли?

— Долго рассказывать. Когда выход судна?

Сергей не хотел вспоминать ни Хабаровск, ни милицию, ни историю с потерей спирта.

— А кто его знает. Пароход еще в док не поставили. Когда поставят, — никто не знает, в доке дня на три — четыре работы. Вот и считай.

— Ну, пироги!

— Да уж хуже некуда. Хорошо хоть, что всех наших, ученых, пустили на судно и поставили на довольствие.

— Так оно на плаву?

— А что с ним станется? Дыру протаранили в обшивке, а второй корпус цел. Он ведь своим ходом пришел сюда аж с Южно-Китайского моря.

«Иван Поддубный» стоял у причала в небольшой заводской бухте. Рядом сновали работающие широкогрудые буксиры: перевозили людей, раздвигая льдины, подтапливали одни и вытягивали другие пароходы и пароходики, постоянно прибывающие и уходящие с завода. Напротив причала стоял док, в котором виднелось небольшое судно, искрящееся молниями сварки. Работа в доке шла круглосуточно, и в мареве дымящейся на морозе огром-

ной полыньи, постоянно размываемой буксирами, в свете мощных прожекторов все вокруг казалось и фантастичным, и, вместе с тем, очень реальным и крайне деловым.

«Иван Поддубный» был небольшим научным судном, проще — «учеником» тысячи на полторы тонн водоизмещением. Устроившись в просторной каюте начальника рейса, Сергей отогрелся, отоспался и пошел знакомиться с судном и экипажем.

Из экипажа на месте были только вахтенные: в машине, в рубке и на палубе. Остальные — то ли жили, то ли отдыхали на берегу. Сергей обратил внимание на доску объявлений. Приказов по судну не было, но висел список экипажа с суммами начисленной зарплаты. Сравнивая свою зарплату с указанными в списке, Сергей оторопел: его зарплата тик-в-тик, как у матроса-уборщика.

— Ничего себе! Откуда у них такие зарплаты?

Валентин, стоявший рядом, хмыкнул:

— А что ты удивляешься? Пароходик наш прописан на Чукотке. Там коэффициент один и восемь, или даже два, не помню точно, да небось, у всех полярки, Вот и получается, как минимум, почти три оклада. А у нас ни коэффициента, ни полярки. Вот и считай!

— Знаю я про полярки, и про коэффициенты знаю. Но ведь мы не на Чукотке. У них такие оклады и на экваторе останутся?

— Конечно. Там еще и вино тропическое будут выдавать.

— Чудеса. Куда только начальство смотрит? Это же разорение нашего народного хозяйства. Получать надбавки на севере — это понятно, но — на экваторе!.. Эдак никаких денег не хватит.

— Что ты беспокоишься. Деньги ведь не твои и не мои. Деньги государственные.

— А мы что, не государство?

— Ну, это уже твоя партийная демагогия. Пойдем лучше к нашим. Чайком угостят.

В каюте у экспедиционного состава, или неофициально, — «науки» было тесновато, но уютно. Каюта — не

палатка под снегом. Плавное — тепло. Койки, правда, хоть и двухъярусные, рассчитанные так: один вахтит, другой спит — зато удобные. Для брата-геолога с его брезентовой избушкой — сущая благодать.

Ребята угостили Сергея крепким чаем, поздравили с защитой, поплевали через левое плечо, постучали по дереву, чтобы не сглазить, и радостно сообщили, что аппаратура установлена и нужен только спирт, чтобы промыть разъемы и сделать пробные запуски.

Сергей помрачнел и проямлил, что случилось худо: спирта перед отъездом на складе не оказалось. Общий энтузиазм сразу резко упал.

— Как же без спирта, Сергей Васильевич? Такого не бывает. Хотя немного надо иметь обязательно. Ну, сейчас ладно, обойдемся как-нибудь, но в море — волна через борт, дождь. Зальет разъемы. Как без спирта? — горько сетовала наука

Сергей понимал, что они ему просто не верят.

Надо сказать, со спиртом всегда были заморочки. Ритуал был один, накатанный годами и строго соблюдавшийся всеми участниками этой алкогольно-технологической игры. Суть ее такова. Расход спирта в экспедиции рассчитывали строго по нормам. Получалось — бочки. Однако, на склад экспедиции спирт выписывался уже канистрами. Потом, в отделе снабжения, начальникам партий и отрядов спирт выписывали в количестве, урезанном раз в десять против указанных в проекте норм. Потом прижимистый (других не держали) зам. Палпалыча по хозяйству собственноручно, волевым решением урезал эти капли еще раза в два или три. И, наконец, последний гвоздь в крышку спиртового гроба: завскладом торжественно объявляет, что тары у него нет и бутылок нет — их надо искать и приносить самим. В конце концов, наполненные спиртом бутылки приносились со склада и, как огромная ценность, помещались в сейф, а начальники отрядов выдавали спирт инженерам уже в маленьких бутылочках, грамм по сто, двести, не больше. Сколько из этих бутылочек шло в работу — останется

тайной навсегда. Одно можно сказать уверенно: день раздачи спирта всегда был праздник. Иногда этот праздник превращался в грандиозную пьянку, иногда — в скромную, но, как правило, спирт использовали во исполнение извечной русской заповеди: «Веселье на Руси, есть питии!». Приборам доставались крохи.

Сергей понимал, что он лишил своих товарищей по работе праздника. Настроение было испорчено и идти здороваться с женской частью науки ему уже не хотелось.

Когда они вернулись в его каюту, Валентин укоризненно покачал головой:

— Ты что так шутишь? Чего жмешься? Я же знаю, что тебе спирт не нужен, ты его не пьешь. В чем дело?

— Да нет у меня спирта! Понимаешь, нету!

— А куда ж он делся? На защиту истратил что ли?

— Да какая защита! Нет и все.

— Так не бывает. Сколько спирта привез? Мало? Дай ребятам хоть немного.

Пришлось рассказать все, как было. И про неудавшийся банкет, и про конфискацию и про отсутствие денег на «привальные» на судне. Валентин все понял.

— Да, старик, хорошая у тебя привальная получилась, ничего не скажешь. Ладно, как —нибудь прорвемся.

На следующий день Валентин ушел на берег и возвратился поздно вечером усталый, но веселый.

— Ну, как, алкоголик, не сожрали тебя еще наши ребятки? — спросил Сергея, хитро щуря глаза.

— Да иди ты. Я из каюты нос не высовывал, не знаю, что им говорить. Сказать правду — никто не поверит, что у начальника спирт отобрали. Действительно, подумают, что сам выпил. Или — вместе с тобой. Ты же мой зам. Так что, не очень-то лыбся. Ишь, рот до ушей. Вот пойду и скажу, что ты с командой наш спирт выпил, тебя и смайнуют за борт при первом шторме, а меня уж потом — при втором.

— Дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие. Помнишь этот анекдот?

— Ну, помню.
— Не смайнают ни меня, ни тебя. Смотри.
Валентин вынул из сумки поллитровку:
— Чистяк. Из аптеки.
— Это спирт!?
— Хочешь попробовать?
— Откуда?
— Я же сказал, — из аптеки.
— Ну, ты даешь! Тут же спирт продают только за такую «капусту», у тебя такой отроду не было. Колись, откуда?
— Денег у меня, конечно, не много, но зато обаяние — чертовское.
— Так это ты целый день «абаял» аптеку?
— И не одну. Да, ладно. Главное, дадим ребятам маленькую, они и успокоятся. А вторую маленькую придержим на всякий случай. Вдруг, действительно, волна накроет. Если не накроет — отдадим на обратном пути. Они ведь знают, что дали всего три литра, и одну поллитру ты им обязан отдать, а остальное — тебе, ты — начальник. Так все делают. Они же все понимают. А то, что ты не пьешь, им знать не положено. Пусть думают, что хотят. К тому же, можно попробовать купить спирт где-нибудь на заходе в счет представительских.
Сказано — сделано. Отдали маленькую. Ребята покрутили носами, поныли, что мало, но больше не приставали.
Теперь надо было знакомиться с капитаном. Наскребли на коньяк, пошли. Благо, что не далеко — каюты рядом, только по разным бортам коридора. Капитана звали Дмитрий Григорьевич. Это был пожилой молодежавый мужчина, веселый и приветливый, давно ходивший на разных судах по Ледовитому и Тихому океанам. Его прислали на смену прежнему капитану «Поддубного», умудрившемуся привезти злосчастную пробоину, из-за которой судно уже вторую неделю стояло в ожидании ремонта. Разговор, естественно, закрутился вокруг пробоины.
— Пашка — хороший парень, но лихой больно, — (Пашкой капитан называл своего предшественника). — Ну, что он темнит? Ведь и ежу ясно, что куда-то залез, а

утверждает, что шел рекомендованным курсом, под килем — двести метров. Говорит, причина пробоины — неопознанный подводный предмет. Какой, на хрен, предмет! Подводная лодка, что ли? Так в том районе, где он ходил, только наши подлодки и шастают. Теперь начнут шерстить морскую базу. Запрашивать. Сколько мутаты! Хотя, с другой стороны, а что ему еще делать? Признаться, что залез на мелководье и проморгал? Конечно, не признается. И правильно делает.

После третьей рюмки разговор вошел в нужное русло и стали обсуждать перспективы выхода в море.

— Мне вот что, — наставительно и твердо вещал кэп, — мне, хоть ты тресни, надо быть в Бухте Тихой в Белом море, на другой стороне шарика, в конце июня, когда лед сойдет. В июне, сами знаете, начало навигации в северных морях. У меня такое задание. Да и по договору между моей конторой и вашей вы должны сдать парход двадцатого июня и не днем позже.

— Но ведь из-за пробоины мы уже на неделю задержались, — сказал Сергей.

— А мне что делать? Давайте сократим рейс, вашей организации — сплошная экономия.

— Какая там экономия. Мы же план выполнить не успеем, — увещевал Сергей.

— Ничего не знаю, договаривайтесь с моим начальством. Я тут не при чем. Вот залатаем дыру, получим продовольствие и — на юг, поближе к сороковой параллели. А там сухое вино, там тепло...

Дмитрий Григорьевич начал зевать, и Сергей понял, что прием закончен.

— Да-а-а, дела, — почесал затылок Валентин уже в своей каюте: — Что делать то будем? Давай покумекаем. Наш рейс рассчитан на сто двадцать суток. Обработка первого района в два приема, два захода в Сингапур, потом бегом на Гавайи, потом в Атлантику. Планировали выход — первого марта, сегодня уже пятое. В лучшем случае выйдем в море десятого. Где взять почти две недели? Резерв небольшой: можно прибавить скорость посудины против плановой, но — согласится ли кэп? Можно

использовать плановый «штормовой запас», если шторма не будет. А если будет? Может так заштормить, что вообще все планы полетят. Вот и «кукуй-моракуй». Может быть, отписать начальству? Вдруг рейс снимут вообще?

— Да ты что! — махнул рукою Сергей. — Организация работ уже заактирована, в плане стоим, финансы все расписаны, деваться некуда. Остается одно: сокращать один заход и делать первый район за один присест. Как раз две недели и сэкономим

— Думаешь, капитан согласится?

— Никуда не денется. Ему ведь тоже хочется на юг. Да и, как ни крути, другого варианта просто нет.

— Ну, что же, если команда тебя не повесит на рее за сокращение одного захода в бананово-лимонный, то, давай, попробуем. Отвечать все равно тебе.

На этом и порешили. Начальству в Питер пока ничего не сообщили, а капитан на предложение сократить один заход на берег вообще не прореагировал:

— По мне хоть вообще без заходов, от них одна морока. Мне только Антверпен нужен.

— Почему только Антверпен?

— А мне жена заказала дубленку и музыкальный центр. В Антверпене у меня знакомый агент. Он мне все устроит подешевле.

— Вот хитрюга, — смеялся в каюте Валентин.

— Почему хитрюга? — недоумевал Сергей.

— Да знаю я его. Он мужик хороший, но уж больно деловой. Видел, у него в каюте висит старый полушубок, а на тумбочке стоит старая магнитола?

— Видел, ну и что?

— А то, что он задекларирует на выходе этот полушубок, как дубленку, а магнитола — как музыкальный центр.

— Зачем?

— Все очень просто. Знакомый агент выставит нам счет за продукты и за снабжение процентов на двадцать больше обычного. Капитан все это подпишет. Агент ему в качестве подарка за хорошее отношение подарит музыкальный центр и дубленку, которые уже задеклари-

рованы и их можно без проблем привезти назад, в Союз. А мы будем жевать старые помидоры и жилистое мясо. Вот такие шляпки выпекает буржуазия. Учись, студент.

— Ты, поди, забыл, что я — без пяти минут кандидат наук.

— Все равно учись. Может и тебе когда-нибудь пригодится.

— Типун тебе на язык. Это же незаконно.

— Не законно, — хохотнул Валентин: — А помнишь, как у тебя джинсовые брюки отняли, когда мы из Японии возвращались?

— Конечно, помню.

По тогдашним правилам разрешалось провозить одни брюки и один костюм, то есть, брюки и куртку. Сергей купил двое брюк: одни джинсы себе, вторые жене — и собирался при досмотре объяснить это тем, что куртку случайно уронил в море. Но одни брюки у него, несмотря ни на какие уговоры, все равно отобрали. Было страшно обидно, тем паче, что замели жены джинусы — пришлось возвращаться без подарка.

— Ну, вот, — поучал Валентин: — если бы ты был умный, как наш кэп, ты бы одни джинсы напялил бы на себя, и всех делов. Это что, тоже было бы незаконно? А сам ты разве не хотел обмануть нашу бдительную таможню, которая пресекла в корне твою попытку к провозу «контрабандных» джинсов, втюхивая им об утопленной куртке?

— Да ладно тебе. Нашел контрабандиста, — лениво отбивался Сергей: — Я, как ты знаешь, фарцевать не собирался, а кэп мог бы и запросто купить жене подарки за свой счет, а не обирая, если ты не соврал, своих же моряков.

— Смотрите, какие мы принципиальные! А я так думаю, что должны быть у человека хоть какие-нибудь слабости. Хороший капитан без слабостей не бывает. А наш — хороший, заботливый, как о нем говорят. Он

никогда не проспит никакой мели, он ее носом чует. Мы с ним будем спать спокойно, а это — главное.

— Ну и спи себе спокойно. А я тем временем буду проверять все счета. Вот так.

— Ты начальство, тебе решать.

На следующий день «Поддубный» поставили в док. Дыра оказалась метров в семь длиной. Заварили ее быстро, и через два дня пароход спустили на воду. Начали получать снабжение: завезли массу продуктов и целую машину алкоголя: тропическое вино, коньяк и даже водку. Валентин только посмеивался, бурча под нос с уважительной завистью: «ну и хитрюга этот кэп, ведь торганет вместе с артельщиком коньяком! Куда ему столько? Не на представительство же такую прорву? Ну, ловкач...»

Представительские полагались капитану и начальнику рейса на предмет угощения возможных иностранных посетителей. Контролировалось не количество капель, а сумма. Она была пусть и незначительна, но выражена в валюте, и потому всегда привлекала интерес сотрудников. Начальнику рейса постоянно приходилось слышать: «У меня нынче день особенный, дайте из представительских хоть что-нибудь». Часто случалось, что обманывали, день был самый что ни на есть заурядный, но — пойдя, проверь. И тут все зависело от настроения «бутыльпредержавшего». Бывало даже, что капитан разрешал приобрести спиртное из артелки, которую по закону разрешалось открывать только в море, ибо в противном случае получалось бы так, что артельщик на заходе торгует беспощинно, что, естественно, каралось, а посему на заходах, у берега артелка опечатывалась. При всем этом, официально, распитие спиртных напитков на судне категорически запрещалось, но праздники без спиртного не отмечались.

День отхода назначили через два дня, после завершения ремонта, и Сергей пошел в паспортный отдел порта за своим паспортом. Паспорт, как назло, еще не доставили. А без паспорта выходить ему в море нельзя, равно как без него, начальника рейса, нельзя выходить и судну. Как

быть? Сергей вспомнил начальницу отдела кадров, вспомнил имеющийся у него список с номерами разрешений, и без всякой надежды на успех спросил у миловидной паспортистки:

— Может быть, можно оформить паспорт по имеющемуся разрешению?

Девушка тотчас ответила:

— Давайте фотографии.

Сергей чуть не брякнул с испугу: «А как же мой старый паспорт», — но сдержался, побежал в ближайшее фотоателье, заплатил за срочный заказ и через час снова стоял у окошка в паспортном отделе. Девушка взяла фото, гражданский паспорт и велела зайти завтра утром. Утром она протянула Сергею новенький морской паспорт, попросила расписаться в каком-то регистре и заплатить небольшую сумму за оформление. Все казалось совершенно не реальным, но паспорт был в кармане, нормальный морской паспорт; проблема была решена. Сергей уже закрывал было дверь, когда девушка вдруг окликнула его:

— Сергей Васильевич, подождите минутку.

Сергей обомлел: «Все, сейчас она скажет, что у него уже есть один паспорт, и этот отнимет. А старый не пришел, и я опять останусь без паспорта», — молнией пронеслось в голове.

— Мы только что получили спецпочту с Вашим старым паспортом. Распишитесь в этой ведомости, пожалуйста.

Девушка повертела его старый паспорт, и вдруг резким движением порвала его на две части.

— Распишитесь еще вот здесь. Это акт об уничтожении. Свой гражданский паспорт вы получите в Ленинградском морском порту в обмен на полученный у нас морской. Мы его туда перешлем спецпочтой. Счастливого пути.

Сергей вышел из паспортного отдела в состоянии полной растерянности. Кроме метаморфозы с паспортами он не понимал, как могла начальница отдела кадров предвидеть, что ему могут понадобиться номера разрешений?

«Экстрасенска она, что ли?» — спрашивал он себя. Но «все хорошо, что хорошо кончается». Все проблемы решены. Вперед! В море!

Вечером приехали представители КГБ для инструктажа начальника рейса. Два приятной наружности молодых человека в штатском спросили данные о научном составе, вежливо попросили в заграничных портах быть внимательным, ибо американцы не дремлют. Они предупредили, что в Сингапуре за судном будут наблюдать с катера, который обязательно обойдет судно со всех сторон, и, возможно, даже будет дежурить вблизи судна все время стоянки. О том, кто будет встречать судно и искать знакомств в Гонолулу, они рассказали более детально. В круг лиц, с которыми предстояло встретиться, входил портовой агент, некая мадам Лариса, которая представится переводчиком, некий любитель музыки и пара молодых людей — любителей подводной охоты. Естественно, предполагалось, что все они работают по заданию ЦРУ. В отношении других портов захода конкретных лиц они не указали и ограничились лишь общими рекомендациями. Молодые люди посидели несколько часов, попили чаю, вина и мирно сошли на берег. Капитан сказал, что это обычный стандартный инструктаж, чем и успокоил слегка взволновавшегося Сергея, который не привык к такому вниманию со стороны органов.

Ночью на судне была какая-то суета, а утром капитан сообщил, что пришлось выставлять гостей, которые затесались в каюты моряков. Судя по всему, гостями были местные девушки. Как недвусмысленно заявил капитан: «они что-то не поделили с судовым женским составом».

— Сергей Васильевич, проинструктируйте, пожалуйста, своих ученых дам, чтобы они до отхода не шастали ночами по пароходу, а спали в своих каютах. Неровен час, произойдет что-нибудь, а мне перед отходом события не нужны. Своих проблем хватает.

— Ну, что я тебе говорил, — ворчал Валентин, — от этих вумен одни хлопоты.

— Да, обойдется, не волнуйся. Скоро в море, а там все

само собой рассосется. Вот что-то первого помощника нет, а это уже серьезно.

Первый помощник (или «замполит») появился только за день до отхода. Вид у него был весьма оригинальный и слегка ошалевший: на дворе морозец, пусть и не большой, а у него из одежды только то, что на нем надето, да небольшой портфельчик в руке.

Днем проверяли готовность судна к выходу в море. В каюте капитана целый день толкались какие-то люди из портовых властей, буфетчица пулей летала из камбуза в капитанскую каюту раз двадцать. Потом судно проверили таможенники. Последнюю проверку проводили пограничники, тщательно сверяя предъявленные паспорта моряков с личностями. Они же закрыли границу и последними покинули борт. Таким образом, все формальности были закончены, «веревки обрубил» и «Иван Поддубный» мягко ушел в кругосветку без провожающих и без оркестра.

Огни города и Порты быстро утонули за горизонтом. Ночное небо нахмурилось, не обещая ничего хорошего.

На мостик, в рулевую рубку забежал замполит, явно желая что-то обсудить с капитаном. Но разговора не получилось, и он быстро ушел.

— Это о чем он? — спросил Сергей у кэпа.

— О морской традиции решил мне напомнить.

— Что за традиция?

— Ну, как что? Естественно что — отвальная. Замполит из береговых, он в Магадане маяками командовал. Его для подкормки нам подбросили: решили — пушай подзаработает. А морского опыта у него нет. Слышал звон, да не знает, что выпить надо за день перед отходом. Вот и прибежал. Мы же отвальную у меня в каюте отметили с властями, утром. На отходе все должны быть, как стеклышко. У меня с этим строго. Не, он мужик забавный. Его кто-то то ли обокрал, то ли поколотил по дороге в Порт. Вот он в одном костюмчике и появился. Хорошо, что хоть документы не потерял.

Капитан помолчал, потом продолжил:

— У меня хороший замполит был, свой, морской чело-

век, но стар уже стал, не пустили в рейс. За ним, как за каменной стеной: всегда с экипажем, никогда не настучит, всегда поможет. А этого я не знаю, — легонько вздохнул капитан.

Сергей постоял еще немного на мосту вместе с капитаном, думая о том, сколько хлопот и забот, какая ответственность лежит на плечах этого пожилого человека, которому вручена судьба судна и всех, кто на нем находится. Прав Валентин: пусть у кэпа будут маленькие недостатки, путь их будет немало, лишь бы был он мастером, «первым, после бога».

Подумав так Сергей ушел в каюту, дабы попытаться заснуть пока не началась настоящая океанская качка. Он гнал от себя мысли о том, что выход задержался на две недели, что работать надо будет споро и без ошибок, что придется сократить один заход, а потом как-то отчитываться перед начальством. Двигатель мерно убаюкивал, Наконец, понадеявшись на русское авось и «Бог не выдаст, свинья не съест», он повернулся на бок и уснул.

3. Атолл

Качка началась довольно скоро, видимо, ночью, а утром начался настоящий шторм. Японское море никак не хотело выпускать экседию в рейс. Огромные волны со свистом обрушивались на судно, сразу оказавшееся маленьким и беззащитным.

Сергей проснулся от удара о край койки, с трудом поднялся в рулевую рубку (на мост, как говорят моряки). Капитан, несмотря на качку, спокойно сидел в своем высоком кресле, курил, пил кофе и лишь изредка поглядывал в большие иллюминаторы, постоянно мутневшие от морских брызг. Суденышко то взлетало на волну, то проваливалось в огромную впадину, раскачиваясь при этом из стороны в сторону. Иногда встречная волна ударяла в днище, оно начинало вибрировать, издавая звуки, словно стучали бревном по жестяной крыше. Капитан внимательно следил за креномером, укрепленным на переборке.

— Ничего, сказал он Сергею, — скоро эта вибрация прекратится. Мы сменим курс и пойдем лагом к волне. Правда, крен усилится, но, думаю, все будет хорошо. Пока убежать от шторма нет оснований.

Сергей не смог долго выстоять здесь, наверху, и спустился на самую нижнюю палубу. Там качало меньше, но все равно, мутило, как с перепоя. Пришлось идти в каюту и плашмя ложиться в койку. Океан же и тут требовал своё: голова болела жутко, в животе творилось черти что, начинался приступ морской болезни, который всегда заканчивался отвратительной рвотой. Сергей знал, что после первого шторма организм, что называется, притирался, уже не выворачивало всего наизнанку, но всё равно в голове что-то шумело, постепенно, по мере усиления качки, перерастая в гул.

Дня через два шторм прекратился, и судно шустро побегало на юг, то приближаясь к берегам, то удаляясь от них. Иногда у берегов появлялась живность — морские змеи, метровые черепахи. Они шарахались в разные стороны от судна, пересекавшего воду. А люди тем временем ждали праздника — пересечения 40-го градуса широты, южнее которой экипажу ежедневно полагалось выдавать по стакану сухого вина. Считалось, что сухое вино способствует адаптации организма к тропическому климату. По этой причине и вино называли «тропическим». Выдавали сразу по две бутылки — на неделю. Вообще-то, если говорить о санитарных и медицинских правилах, это вино полагалось разбавлять водой, наливать в большие емкости и выставлять на палубе для общего пользования — утолять тропическую жажду и повышать потоотделение. Но на практике, ни на одном судне так не поступали, а выдавали в бутылках. Помогало это для борьбы с тропическим климатом, или не помогало, никто никогда не узнает. Но закон есть закон, и, получив своё кровное «тропическое», каждый распоряжался им, как хотел: либо выпивал сразу, либо растягивал удовольствие, но — разбавлять водой! — да упаси бог от такого кощунства.

Люди, экипаж и наука, постепенно знакомились, притирались. Начали работать временные лаборатории,

оборудованные в различных судовых помещениях. Валентин утрясал все дела по оборудованию. Дел этих, как всегда, было немало: найти источник питания, протянуть к нему кабель, запустить компрессоры, где-то разместить камералку (хранилище донных отложений, которые они исследовали и место для работы) с теми самыми вуменами, которых он так опасался. Сергей же, практически, ни во что не вмешивался, оставив за собой «дипломатию» — согласование с капитаном методики и общего плана работ, поэтому все время находился либо на мостике, либо в штурманской рубке. И все-таки, однажды Валентин пришел насупившись и сообщил, что одна из девушек постоянно опаздывает на работу.

— Почему? — спросил Сергей.

— Любовь крутит со вторым штурманом.

— Ну и что? Ты же знаешь судовой закон: повариха дружит с дедом, буфетчица — с кэпом, прачка — со старпомом, а моряк — с замочной скважиной. Какие проблемы, если нет скандалов?

— Так я же не против любви и дружбы, я против опозданий. Другие вумены тоже с кем-то дружат, но на работу не опаздывают.

— Хорошо, я с ней поговорю. Кстати, это не моя протее?

— Нет, твоя дружит с нашим инженером, с наукой.

— Вот и правильно. А то неровен час наши могут и отдубасить моряков при случае, — пошутил Сергей.

В обеденный перерыв он вызвал влюбленную сотрудницу и сделал ей весьма деликатное замечание. Ответ дамы сразил его наповал:

— А ваш коллега, Игорь Федорович, которого Вы замещаете, сам жил и другим не мешал.

— Так разве я чего запрещаю, — развел Сергей руками, — разве я мешаю вам жить? Я просто прошу вас не забывать, что мы не на прогулочной яхте, а на работе. Вот и все.

— Да я понимаю, — кокетливо улыбнулась она. — Это вы меня не понимаете.

То был намек на его «недостаток». Он никогда не заводил полевых романов, считая, что на работе, да еще с подчиненными ни к чему хорошему это не приведет. Вот и эта миловидная молодая женщина не редко строила ему глазки.

— Я все понимаю, но все-таки, впредь постарайтесь, пожалуйста, не опаздывать, — придав голосу начальственную строгость, сказал Сергей.

Девушка ушла, а на душе остался какой-то осадок. С одной стороны, он, безусловно, прав, а с другой — как быть, если у кого-то к тебе симпатия? Не ответишь — обидишь, ответишь — как потом быть с работой? Как смотреть в глаза жене, детям? А есть ведь еще и третья сторона — он сам, Почему надо отказывать себе, если есть взаимное влечение? Зачем? Ради чего? Другое дело, если бал правит похоть, если, убажывая ее, пользуешься своим начальственным положением, как это делал Угорек. Тогда это подлость, сродни вымогательству. Но, как быть, если, рядом миловидная девушка, которая нравится тебе, а ты — ей, и вашу взаимную тягу друг к другу, подогревает эта бескрайняя синева или сверкающие звезды, и — так нестерпимо хочется ласки? Как тут быть?.. Тут без поллитры не разберешься.

«Фу ты, что за мысли!» — мотнул головой Сергей. Угораздило же его зацепить эту барышню! Надо быть осторожнее и не встречать в такие щекотливые разговоры с девушками, а то, глядишь, мигом нарушишь свои священные правила. Он поднялся на мост, чтобы узнать, как дела с графиком перехода, а заодно и отвлечься. С моста хорошо была видна стая дельфинов. Они сновали около носовой части судна, играя с ним наперегонки, подныривая под киль, отставая, снова догоняя, и, наигравшись, исчезали, чтобы через какое то время снова неожиданно появиться слева, справа, впереди.

Капитан тем временем что-то вымерял на карте в штурманской рубке.

— У нас есть время, чтобы заскочить на атолл, — как бы между прочим бросил он, то ли спрашивая мнения Сергея, то ли — самого себя. Сергей заинтересовался:

— Что, резерв времени появился?
— Да, вот пока что не дают нам добро на заход в Сингапур. Судя по всему, не могут разобраться какой мы принадлежности.
— Что значит «какой»?
— Ну, научных тут много шастает. Если судно относится к военноморской гидрографии, то ему заход не разрешат, а если к гражданской — добро пожаловать. Вот они там,— капитан махнул рукой вверх и вбок,— и не могут разобраться к какой категории нас приписать, вроде мы вовсе и не военные, но научники, значит, подозрительные. Кто их знает, что у них за наука, — думают они в своем Сингапуре. Ну а мы, пока они там решают, можем заскочить на атолл и собирать кораллов. Вы когда — нибудь бывали на атолле?
— Нет, не бывал.
— Ну, как? Подворачиваем?
— Сколько это займет времени?
— Да часов пять-шесть, не больше. Как раз получим разрешение на заход, через сутки будем в Сингапуре. Все лучше, чем ждать его, болтаясь на рейде.
— Ну, если так, давайте попробуем.
Капитан отдал необходимые команды, и через пару часов судно медленно подошло к небольшому, почти невидимому островку и легло в дрейф. Моряки быстро снарядили шлюпку, вооружились ломиками, шлюпка отвалила от борта и пошла в сторону островка.
— Вот те на, кажется, к нам гости, — озадаченно протянул капитан, внимательно глядя в бинокль. Сергей тоже взял бинокль. В нескольких километрах от судна уже довольно явно просматривался небольшой моторный катер.
— Дела. — Капитан был явно чем-то озабочен.
— В чем дело? — спросил Сергей.
— В том, что тут пиратов пруд пруди. Мы эту козявку в локатор даже и не увидели, вот и пропустили. Если это пираты, то убежать мы уже не сможем. Не бросать же своих в шлюпке. А, судя по курсу, они бегут прямо к нам. Зачем? Вопрос. Старпом, ты видишь эту фелуку?

— Вижу.
— Что скажешь?
— А что говорить? Бегут к нам. — старпом внимательно посмотрел в бинокль: — На катере много народу. Кажется, даже есть дети. Черт их разберет. Сбежать бы от греха подальше, да некуда. Без шлюпки не убежишь.
— Вот и я говорю, что не убежишь. Слушай меня внимательно: пойдешь и примешь катер по правому борту. Вдоль борта выставь матросов и смысленных парней из науки с баграми, чтобы было чем оттолкнуться от катера в случае необходимости. На борт никого не пускать, понял? Сам вступи в переговоры, выясни, что им надо, потом доложишь мне на мост. И самое главное: если почувствуешь опасность захвата,— немедленно дай мне знать. Я машину буду держать на «товсь», дам полный вперед с разворотом влево и уходим. А шлюпку нашу потом подберем.
— Так ведь вы так потопите катер!
— Правильно понял, я его нашей кормой переверну. А что делать? Не сдаваться же бандитам? Лучше мы их, чем они нас. Иди и смотри в оба.
Катер уже подходил к судну. Старпом показал куда причалить. На палубе действительно оказалось много детей и женщин. Через несколько минут переговоров старпом доложил:
— Камбоджийцы. Идут из Лаоса. Спасаются от полпотовцев, хотят добраться до Малайзии, просят топлива, продуктов, медикаментов.
— Принято. Пусть передадут канистры. Вахтенный! Передай по централу, чтобы все, кто может, помогли беглецам продуктами. Доктор, чем можете помочь?
— Сейчас, Григорьевич, я мигом. Есть у нас кое-что. Им ведь что попроще надо: бинты, йод, зеленка, аспирин, анальгин. У меня этого добра навалом. Поделимся, не вопрос.
— Молодец, док. Артельщик, поскреби по сусекам. Что из консервов у нас не очень идет, посмотри.
— Да, что у нас есть? Сами не богаты.
— Ничего, думаю, никто не осудит, если немного про-

дуктов отпустишь на сторону. Вон смотри какие голодные, видишь, как малыши уплетают булку и печенье.

На правый борт сбежались все свободные от вахты со своими припасами и протягивали их пассажирам причалившего к «Поддубному» суденышка. Некоторые пассажиры катера пытались перебраться на судно, чтобы было удобнее принимать подарки, но матросы строго их отгоняли. Изголодавшиеся беженцы не обижались и послушно возвращались на свой катер. Большие канистры с топливом перенесли на катер уже сами матросы, выполняя распоряжение капитана не пускать посторонних на свой борт. Наконец, вся гуманитарная помощь была передана, старпом дал команду оттолкнуть катер. Встреча закончилась, катер застучал мотором и постепенно исчез в дымке.

— Да, дела. Семьями бегут, с малыми детьми. Видать вконец достал их Пол Пот. Им же еще шлепать суток двое. Если заштормит, надежды выжить почти никакой, — тихо сказал капитан, и вдруг громко отдал команду: — Полный назад!

Сергей вздрогнул, а из машинного отделения раздался недовольный голос:

— Вы что там, белены объелись? Сразу полный назад. Мы же не на телеге, кэп.

— Извини, дед. Мы тут с этими беженцами расслабились немного и дрейфанули не туда, куда надо. Извини.

Сергей посмотрел на море и увидел, что судно медленно стало удаляться от белого пятна, просвечивавшего через небольшой слой воды.

— Понял, куда мы чуть не въехали? — спросил кэп Сергея.

— Это, наверное, подводная часть атолла?

— Точно. Там кораллы, острые, как пики. Теперь понимаешь, откуда на «Поддубном» дыра аж в семь метров образовалась? Зазевался, наверное, мой предшественник. Тут ведь якорь кидать некуда. У атолла почти вертикальный склон, а судно без якоря дрейфует даже в полный штиль. Чуть зазевался — и сел на кораллы. Вот такие дела. Ну, что пойдешь посмотреть, что там наковыряли

наши охотники? Мы спустим вторую шлюпку? Горизонт, смотрю, чист, вряд ли еще какие гости пожалуют. А ты часика два сможешь понырять, посмотреть коралловые красоты. Может, больше никогда в жизни и не представится побывать на настоящем коралловом атолле. Только не забудь надеть кирзачи или резинки. Иначе все ноги искровенишь в первую же минуту. Да и перчатки не забудь.

Сергей попросил у боцмана ломик, взял маску, припасенную еще в Питере на случай купания, надел резиновые сапоги, сел в шлюпку и поплыл на атолл. Вскоре шлюпка мягко уткнулась в песчаный берег. Ничего кроме песка и деревянных обломков, принесенных штормами, здесь не было. Весь островок был не более пяти сотен метров в поперечнике. В центре образовалась то ли большая лужа, то ли маленькое озеро. Вблизи берега, там, где было по пояс, медленно бродили «поддубновцы», опустив головы в масках, словно грибы в воде собирали, где поглубже, — плавали в масках с трубками, ныряли на дно, выволакивали оттуда кораллы и бросали их в шлюпку.

Сергей тоже нырнул и сразу оказался в другом, сказочном и прекрасном мире. Стаи разноцветных рыб шныряли в прозрачной голубой воде, искрящейся в затейливой игре солнечных лучей. Дно состояло из коралловых кочек, между которыми устроились морские водоросли, разноцветные ракушки и морские ежи. Вся живность, перемещалась, плавала, создавая непередаваемое ощущение вечного движения воды, с ее отливами и приливами, усиливающимися вблизи берегового прибоя и почти не заметными на глубине. Неподалеку в воде виднелся трос и якорь, опущенный из шлюпки, которая служила местом сбора морской дани. Несколько ныряльщиков кружили вокруг шлюпки, отламывая куски кораллов и собирая моллюсков. В лодке сидел матрос, который аккуратно укладывал морские трофеи, и, когда шлюпка наполнялась, он поднимал якорь, запускал мотор и отводил шлюпку к судну для сдачи добычи. Потом шлюпка возвращалась, и все повторялось вновь.

Мелководье, опоясывавшее атолл, заканчивалось крутым обрывом всего в нескольких десятках метров от

песчаного пляжа. В глубине, на склоне атолла, метались какие-то тени, плавали многочисленные стаи разноцветных рыб. Тайственность глубины привлекала и страшила, заставляя, быстро возвращаться назад, когда дно уходило из— под ног. Приходилось применять немалые усилия, чтобы остаться на плаву и быстро возвратиться на мелководье.

Время летело быстро. Руки и плечи покрылись ссадинами от постоянного соприкосновения с кораллами, но ноги, благодаря резиновым сапогам, остались целыми. Возвращаться на судно никак не хотелось. Голубизна неба и воды, разноцветье рыб, морских животных и водорослей, то и дело вспыхивающие вокруг радуги преломляющихся в воде солнечных лучей создавали полное впечатление иного мира, райского, приветливого, обещающего вечный покой и блаженство. Но вот судно натужно загудело, подавая сигнал — пора возвращаться. Нырляшки поспешили к шлюпке, мотор завелся и, переваливаясь на слабой морской зыби, перегруженная морской добычей шлюпка плавно двинулась к судну. Сказочное приключение закончилось. Шлюпку подняли на борт, судно подало прощальный гудок и двинулось в направлении порта Сингапур.

Капитан показал Сергею полученное разрешение на приход, прикинул время на переход до порта и посоветовал ему не теряя времени приступить к дележу добычи, дабы не остаться с носом. Опытный был капитан Дмитрий Григорьевич, знал, что говорил. Когда Сергей вышел на палубу, куда сгрузили кораллы, там уже возилась вся свободная от вахт и работ команда и наука. Он тотчас позвал Валентина и вдвоем они живо набили дарами моря несколько ящиков. Ведь надо было привезти подарки в экспедицию, знакомым и родственникам, да еще и себе оставить. Почти весь оставшийся день они отмывали кораллы от морской слизи под струей воды, и остановились только тогда, когда все было перемыто, а на руках почти не осталось кожи.

Вечером в каюту постучал геофизик Василий Штаров и попросил выдать ему спиртного, сказал, что у мамы

день рождения, а отметить нечем: свое тропическое он уже согласно инструкции выпил. Сергей не считал зазорным делиться с сотрудниками своими представительскими запасами, тем паче, что и свое законное «тропическое» он не очень-то жаловал, а тут: святое дело — день рождения мамы. Выдал две бутылки, извинился, что де с более крепкими напитками нынче напряженка, и с легким сердцем пошел на боковую, мечтая о том, как приснится ему атолл, голубое небо, прозрачное море, стаи разноцветных рыб и горы кораллов.

4. Сингапур

К концу следующего дня судно встало на рейде. Сергей увидел широкую бухту, заполненную стоящими на якоре судами, а за ними — высокие береговые строения. Это был экзотический бананово — лимонный Сингапур.

После посещения судна местными эмиграционными и таможенными властями, которые покидали «Поддубный» с изрядными пакетами, выход на берег разрешили, но ждать пришлось до утра. Вокруг повсюду шныряли разномастные барки, лодки и катера, рейд был заполнен разными судами, а вдалеке сверкал небоскребами и манил к себе город, разглядывая который никто не обратил внимания на нарядный небольшой, но хорошо оборудованный для дальних плаваний, катер, который бросил якорь невдалеке от их судна.

Утром, разделившись на группы, моряки шлюпками поплыли к Клифорт Пирсу — здесь высаживались на берег команды судов, стоящих на рейде. Недалеко от причала появились торговцы и лавки с невиданными сувенирами и всевозможными товарами, количество и разнообразие которых поражало. Поражало и то, что многие продавцы знали не только отдельные русские слова, но и расхожие фразы, порой весьма многословные. Чем меньше лавка, тем оживленней и жестче была в ней торговля.

Сергею, не умевшему торговаться, было очень неудобно: купить хотелось многое, но — знать бы: что почем?

Наконец он решился: выбрал понравившийся ему кулон для жены и, узнав цену, сразу предложил заплатить в три раза меньше. Продавец долго не соглашался, разворачивался, показывая всем своим видом, что собирается уходить и, вдруг, когда Сергей набавил еще немного денег, — согласился. Деньги переключались в карман продавца, а кулон — в карман Сергея. Обрадованный удачной сделкой, он догнал своих товарищей, и с гордостью показал им свою покупку.

— Сколько заплатил? — спросил его бывалый матрос
— Всего тридцать сингапурских долларов.

Матрос молча достал из кармана точно такой же кулон:

— Он стоит не больше трех. Я отдал пять; надоело торговаться.

Сергей аж крикнул от досады и больше в этот день ничего не покупал.

На следующий день все пошли в магазин «Син-Сов», организованный советским торговым представительством в Сингапуре. Цены здесь были чуть выше, чем в городских лавках, но тут не торговались. Кроме того, в магазине был автомат с бесплатными прохладительными напитками, что привлекало русских моряков ничуть не меньше, чем яркие товары по приемлемым ценам и продавцы-аборигены, знающие русский язык. Судя по всему, именно автоматы вынуждали многих крутиться возле этого магазина, но, несмотря на столь щедрую приманку, пересиливало стремление купить товар или подарок подешевле. Большинство советских покупателей покидало «Син-Сов», и они вновь, часто до хрипоты, торговались в маленьких лавках уже из чисто спортивного интереса — кто кого переторгует, а еще чаще — из-за отсутствия денег, чтобы что-то купить. Этим они очень сердили продавцов.

— Руська, руська, опять денег нету?! — гундосили торговцы вслед сорвавшемуся с крючка покупателю. А «руськи» тоже не отставали, выдавая на гора все прелести нашего «великого и могучего»: денег у них, и правда, было не густо. Потому и толкались в дешевых лавчон-

ках, что деваться было некуда: в шикарном универмаге и цены были в несколько раз выше, и торговаться было бесполезно. Конечно, заходили они и в эти универмаги, но лишь для того, чтобы под кондиционером спрятаться от жары, да поглазеть на заморские товары и цены.

Были у «поддубновцев», кроме свих, кровных, весьма скромные судовые деньги — «на культуру». Ведал ими первый помощник. Однако еще до прихода в Сингапур, они мудро решили потратить и эти деньги на мелкие сувениры. Конечно, было незаконно так ими распорядиться, но уж очень не хотелось тратить валюту, пусть и мизерную, на какой-то автобус и пустую поездку по чужому городу, когда и так мало времени для проверки бесчисленных лавочек, поиска наиболее дешевых товаров и самого сговорчивого продавца. Многие лавчонки носили названия родных городов: «Одесса», «Москва», «Владивосток», что позволяло проще их находить и общаться с торговцами. Кроме того, там можно было встретить своих, русских моряков, уже не раз побывавших здесь и всегда готовых дать дельный совет: там-то дешевые тряпки и обувь, там — транзисторы, там — сувениры.

Покупки, торговля, как уяснил для себя Сергей, были, пожалуй, единственным развлечением, а лавки, базарчики и универмаги — единственной достопримечательностью, которыми обогащали свои знания экипажи советских судов. Тогда как посмотреть в Сингапуре было на что: замечательные пагоды, буддийские центры, удивительный «Тигер Парк», с массой неотличимых от живых людей фигур, вылепленных в рост человека, одетых в старинные одежды и воспроизводящих сцены из древних восточных мифов, а еще и совершенно удивительный зоопарк, полный невиданных зверей, и многое-многое другое. Но все эти красоты были в альбомах и на открытках, все это можно было посмотреть на досуге: в море или дома. А вот таких товаров дома не купишь. И носились моряки по городу, и хватали вожаденно все подряд: джинсовые костюмы, кассеты с записями «Бони-Эм», «Чингисхан», «Баккара», магнитофоны и радиопри-

емники, пестрые ковры и, конечно же, всяческую мелочь на подарки: авторучки, амулеты, жевательную резинку — всего не перечислишь.

Три дня стоянки и прогулок по городу слились в один; на сон уходило лишь пять-шесть часов, на еду — считанные минуты: каждая секунда на счету. Вот уж воистину: время — деньги! А коли так, то надо было рачительно и разумно распорядиться имеющейся валютой, не «обмишуриться», как это произошло в первый день со злополучным кулоном, не забыть никого из тех, кто просил, или рассчитывал на подарки, оставить резерв валюты на заходы в другие порты. Было бы совсем глупо истратить все деньги в Сингапуре. Некоторые участники экспедиции, кто поопытнее, и моряки, кто побогаче, вообще ничего не покупали, хранили деньги на последний заход в Европе, чтобы купить там какую-нибудь подержанную машину.

Так и промелькнули эти три дня. В памяти Сергея навсегда остались лишь торговые лавки и лавчонки, и смутно — минутные посещения местных достопримечательностей, осмотр которых был подобен забегу на короткую дистанцию, подгоняемому одной-единственной мыслью: как бы не опоздать в очередную лавку, где, — как говорили очевидцы, — продают почти что даром.

Сергею казалось, что дух торговли вселился во всех, кто посещал Сингапур. Моряки, все как один, превратились в товароведов и торгашей. Зато ни один человек, ни из команды, ни из науки не напился. Никто не потратил даже одного доллара на выпивку. Все в одночасье стали тряпишниками. Да и как не стать, если за цену бутылки водки можно было купить джинсовый костюм, или хороший магнитофон, или огромный цветастый ковер. Все это называлось одним емким словом — отоварка. А тут была отоварка, так отоварка! Тут не до выпивки. Тут каждый сингапурский доллар на счету, ибо в пересчете на рубли он давал дикий навар: у себя на родине на эти тряпки можно было неделю не просыхать. Вот почему сюда, в Сингапур так рвутся наши моряки! За отоваркой рвутся! Вот почему они готовы не спать ночь напролет, дежурить на судне, которое нельзя оставить без присмот-

ра! Вот почему ночные вахты — самые желанные, вот почему они не даются без боя. Все для того, чтобы утром, по холодку выйти на берег, а потом вечером вернуться на судно, уставшим, голодным, но получившим несказанное и незнакомое на родине удовольствие: наслаждение отоваркой. Это потом русские моряки узнали, что есть такое заморское слово «шопинг»: это и работа, и развлечение, и удовольствие, а то и болезненная зависимость. А тогда, в семидесятые, и спортом, и бизнесом, и развлечением, и удовольствием, и даже предметом личной гордости для моряков была «отоварка».

При этом Сергея не покидала одна и та же мысль: почему в такой маленькой стране всего навалом, а дома, в Союзе — шаром покати? Ведь и страна — куцая, небогатая: пара десятков небоскребов — офисы банков и громких компаний, несколько благопристойных улиц и переулков, а поодаль — грязные кривые улочки с домами-развалюхами, из окон их торчат длинные палки, или протянуты веревки, на которых сушится стиранное-перестиранное белье. А в бухте — не только белоснежные праздничные океанские лайнеры — их тут: раз-два, и обчелся, — а сотни, если не тысячи деревянных фелук: они и дом, и рыбацкая лодка, и частный извоз, словом, — вся жизнь сингапурских аборигенов. Сравнивая местные красоты с родным Питером, Сергей ловил себя на мысли, что этот хваленый Сингапур похож на наш районный городок. Только вот: кто-то взял, да застроил центр его небоскребами, сверкающими магазинами и создал, таким образом, видимость благополучия и прогресса, а город остался обычным, восточным, хотя и многолюдный, но очень провинциальный, где правит бал базарная толчея, неприкрытая бедность, да нестерпимо резкие запахи жареного мяса и пряностей. «Так почему же здесь так много разных товаров, которые у нас в диковинку? — спрашивал он себя. — Ладно, была бы Америка, или Япония, а тут — крохотный островок?.. Чудно». Но еще чуднее, что этот островок, отделенный от остального мира длинным, почти безлюдным полуостровом, никому не подчинен, живет сам по себе, своим умом, своим государ-

ством. Как ему это удавалось, не имея ни полезных ископаемых, ни плодоносящих угодий, ни сколь-нибудь приличной территории? А ведь живут же! Да еще и землю себе намывают и строят на ней огромные небоскребы. Все только за счет своего труда. Ничего ведь даром, от природы, а — на тебе. Сергей не знал, то ли жалеть их, то ли завидовать им?..

Время «отоварки» закончилось. Начали готовиться к отходу. Стоя на верхней палубе и фотографируя в последний раз Сингапурскую бухту, Сергей заметил, что стоявший все эти дни рядом с судном чистенький катерок снялся с якоря и быстро пошлепал в сторону города. «Все ясно, — подумал Сергей, — это он за нами следил. Ай, молодцы кэгэбэшники, все — то они знают».

Отход прошел благополучно. Власти не появлялись, или появились, но быстро ушли незамеченными. Видимо, на подарки они уже больше не рассчитывали. Судно пополнило запасы воды, продовольствия, топлива и поздно вечером ушло на юго-восток для того, чтобы, обогнув многочисленные индонезийские острова, выйти в Тихий океан.

А утром... Сергей проснулся от непривычной тишины. Судно лежало в дрейфе. Он вспомнил: ба, да ведь мы на экваторе! Капитан еще в Порту несколько раз напоминал, что праздник Нептуна будет проводиться обязательно, что к празднику надо привлечь и науку, что это его, Сергея, святая обязанность. Поэтому еще до захода в Сингапур Сергей приготовил шуточный отчет Нептуну. Но за отоваркой, как ему показалось, о празднике забыли. На судне не замечалось никаких приготовлений, да и времени — в обрез было. Когда готовиться? И вдруг — машина молчит, крошечная тишина. Чтобы она значила? Неужели все ж таки что-то предприняли?

Он быстро оделся и вышел на палубу. Действительно, возле бассейна — лихая суета: моряки шустро устанавливали какие-то сооружения, скамейки для зрителей, небольшой помост, похожий на сцену. Но главным сооружением была длинная, широкая труба, изготовленная из досок, брезента и другого подручного материала. Сергей сбегал в каюту за папкой с докладом, и, как оказалось,

сделал это очень своевременно. Неожиданно по громкоговорящему устройству (централу) загремела команда: «На судно прибыл царь морей Нептун со своею свитой! Всей команде и науке, срочно явиться на палубу! Капитану и начальнику рейса быть готовым для встречи высокого гостя и отдачи ему торжественного рапорта!».

И на палубе появился Нептун! А с ним — его жена Наюда, виночерпий с большим ведром, наполненным чем-то очень приятно пахнущим, звездочет, охрана с копьями и мечами, несколько чертей и ведьм, которые тотчас затеяли дикую пляску под музыку, включенную радистом сразу, как только появился Нептун. Все были пышно наряжены в соответствующие назначенной роли маскарадные одежды и отменно загримированы. Для полноты сходства с истинными обитателями океанских глубин использовались все подручные материалы: сажа, распущенные на нитки льняные канаты, женские кремы, пудра и помада, картон, разные блестящие безделушки. Нептун сначала поздравил всех мореплавателей, потом потребовал отчет от капитана: «с кем, куда, зачем идет судно, не нарушал ли капитан законов морей, много ли опытных моряков, много ли неопытных, где список тех, кто пересекает экватор первый раз». Капитан почтительно ответил на все вопросы, передал Нептуну заранее подготовленный отчет, но черти все — равно, подкравшись «макнули» его в бассейн. Надо сказать, что капитан не очень и упирался, зная морской закон. Потом Нептун вызвал Сергея. Он тоже с пиитетом к великому Богу морей ответил на все его вопросы, подтвердил, что никакого урона морским тварям работа науки не наносит, и передал свой отчет в надежде, что черти его не тронут. Но — не тут то, было: его схватили, подтащили к бассейну и лихо бросили в воду. «Хорошо хоть, что не сунул в карман какие-нибудь документы», — подумал он, выныривая из бассейна. А когда вылез на палубу и выпил положенную чарку вина, поднесенную виночерпием, пошел переодеваться.

Вернувшись, увидел забавную картину: Нептун вызывал по списку всех, кто первый раз пересекал экватор. Несчастных выволакивали, заставляли пролезать через трубу, называвшуюся «чистилищем». Через отверстия,

которыми изобиловала труба, черти всякими правдами и неправдами старались ущипнуть, обмазать сажей, толкнуть несчастного, а когда он вылезал, с него снимали брюки, оголяли ягодички и ставили здоровенный штамп на попу, свидетельствующий, что Царь Морей дозволял ему пересекать экватор. После этой процедуры, освещенному давали чарку вина, окунали в бассейн, и Нептун выдавал ему «Охранную грамоту морехода флота Российского» с печатью. Исключения не делали никому, черти доставали всех, погоня была настоящей. Догнав очередную жертву, черти радостно плясали, требовали чарку у виночерпия. В крайних случаях, когда жертва очень сильно упиралась, её принуждали охранники — палачи, которые силой доставляли жертву пред очи Нептуна. Нептун строго выговаривал отказнику, грозил: «не пущу тебя, такой-сякой, бороздить наши владения!». Жертва смирялась и шла на суровое и непреложное причастие. Правда, для молодых девушек делались некоторые исключения: их не загоняли в чистилище, а печать ставили на бедра, дабы не смущать глазевших на них моряков их аппетитными попками.

Увидев эту оргию, Сергей, так же впервые пересекавший экватор, очень пожалел, что поменял костюм. «Конец моим белым рубашке и брюкам, сейчас черти и ведьмы все сажей перемажут», — затравленно подумал он, когда Нептун назвал его имя. Однако, вдруг наступила пауза: Нептун что-то живо обсуждал с Наядой. Потом пробасил: «Поскольку начальник рейса уже предо мной отчитался рапортом своим да с печатью, охранная грамота ему выдается без прохождения чистилища, и выставления печати на теле, а только закрепляется чаркой вина из рук Наяды». Помедлив несколько секунд, он прочел охранную грамоту, которая гласила:

«Нами, Нептуном, — повелителем морей и океанов, отважному мореходу Сергею выдана сия, что будучи на челне быстроходном «Иван Поддубный», дня 13 месяца мая, лета 1979 по новому стилю, пересек он широту нулевую в океане Тихом, на меридиане 108,00 от Гринвича в сторону восхода. В присутствии свиты и жены нашей—

Наяды, все муки чистилища изведав, сей мореход зело нам мужеством своим приглянулся. В купели нашей крещен и наречен именем христианским «Главарь».

За сим повелеваю! Всем слугам царства нашего! Препятствий ему не чинить, паче сего, помощь посильную в деяниях великотрудных оказывать!

Подписал и свою печать поставил Владыка морей и океанов великих — Нептун».

Факт крещения подтвердил своей подписью и судовой печатью капитан судна.

Сергей принял грамоту из рук Нептуна, выпил чарку вина из рук Наяды и теперь уже спокойно и весело взирал на продолжение праздника. А посмотреть было на что. Кроме шуточных дьяволиад с погонями, купанием, прохождением чистилища, выставлением печатей и многочисленными чарками вина, от которых беснующиеся черти стали уже заметно качаться-спотыкаться, были еще и самодеятельные номера: песни, танцы, благодаря которым, кстати, можно было откупиться от чистилища. Если песня, танец или фокус какой нравился Нептуну и свите, артиста или артистку освобождали: кого от чистилища, кого от суровой печати на попу, а кого, если талант был отменным, от того и другого вместе.

Лишь к обеду, когда всех ряженных уже узнали и расшифровали, когда все запасы виночерпия были выпиты, а все грамоты розданы — праздник утих окончательно, и Сергею стало немного грустно. Об официальном окончании Дня Нептуна сообщил по централу капитан. Вскоре застучала машина, все заняли места в соответствии с вахтами, и «Поддубный» пошел к далекому бескрайнему изумрудно-синему горизонту. Начался многодневный переход через Тихий океан к Гавайским островам.

5. Гонолулу

Ночь после праздника прошла спокойно. Все изрядно намаялись и от сингапурского базара, и от веселых нептуновских козней. Двигатель ровно постукивал, пел свое

«баю-баю, баю-бай...», легкая зыбь покачивала, убаюкивая уставших и набегавшихся людей. Весь следующий день тоже прошел праздно и сумбурно: народ разглядывал свои товары, делился впечатлениями, примерял обновы, включал магнитофоны, подсчитывал убытки, переживал, узнав, что сосед приобрел то же самое, но дешевле, или радовался удачной дешевой покупке. Сингапурские торговые страсти и впечатление от праздника улеглись лишь через пару дней и весьма своевременно, ибо судно прошло Филиппинские проливы и вышло в Тихий океан.

Вечером к Сергею опять заявился Вася Штаров; опять случился день рождения, теперь у жены. Опять свое тропическое он, как назло, уже выпил, а надо бы отметить. Сергей помнил, что Вася уже обращался к нему с подобной просьбой, но, зная, что семья — это святое, выдал ему бутылку. Штаров поблагодарил, вежливо спросил, нет ли чего покрепче, и ушел, получив отрицательный ответ. Утром Сергей поведал Валентину о визите Штарова.

— И ты, конечно, дал, доверчивый ты наш, — хмыкнул Валентин. — Он теперь от тебя не отвяжется. Будет клянчить спиртное, пока не отпразднует дни рождения всех своих родственников.

— Да брось ты на мужика наговаривать.

— А вот попомни мои слова.

— Значит, больше не получит.

— И правильно. Только надо было с самого начала не давать, а теперь придется ему объяснять, почему два раза дал, а на третий отказал.

— Ничего, что-нибудь придумаю...

Десять дней шли они Тихим океаном, и он безукоризненно оправдывал покойное, смиренное свое имя. За эти дни им удалось выполнить почти месячный план научно-исследовательских работ и почти наверстать время, потерянное в Порту при ремонте. Больше всех радовался, конечно, Сергей. Его план удался, погода «не подкачала». Если никаких неожиданностей не случится, план рейса удастся выполнить на две недели раньше рассчитанного срока. В самом конце работ, запланированных вблизи Индонезии, капитан тщательно рассчитал запасы

топлива, продуктов и, потирая руки, заявил Сергею, что до Гавайских островов «Поддубный» дойдет без второго захода в Сингапур. Эта новость Сергея, естественно, порадовала, но экипаж и наука, услышав ее, зароптали и впали в уныние: прощай, отоварка! Но, узнав на очередном судовом собрании, что выбор невелик: либо — второй Сингапур, либо — Антверпен, что в немалой степени соответствовало истине, все приумолкли, а вскоре и совсем забыли о планировавшемся втором заходе. Остаться без отоварки в Антверпене никто не хотел.

Сразу после завершения работ погода резко ухудшилась. Переход в Гонолулу проходил, казалось, совсем в другом океане. И кто только назвал его «Тихим»? Откуда-нибудь сверху, из космоса он, возможно, и казался тихим, но... Их небольшое суденышко кидала, качала, била в днище такая сила, которую «тихой» никак нельзя было назвать. Теперь уже их многодневный переход превратился в сплошное испытание, и, если бы не частые остановки (для работы в дрейфе с аппаратурой, когда океан успокаивался), было бы совсем тоскливо. Во время этих остановок некоторые умельцы успевали даже половить кальмаров, вернее, — их детенышей, которые вечерами в изобилии сновали вокруг судна.

Но самое удивительное наступало ночью, когда звездное небо раскачивалось над головой. Качалось именно небо, а не судно, ибо организм, привыкший к качке, уже почти на нее не реагировал. Эффект был просто изумительный: если задрать голову и смотреть на звезды, то было полное впечатление, что качается только небо, что это оно и только оно раскачивает и океан, и пароходик, и тебя, зачарованно следящего за этой непередаваемо причудливой пляской небесных искр, трассирующих комет и метеоритов. А если голову опустить и смотреть на воду, или на слабо просвечивающий горизонт — возвращалось привычное ощущение качки. Стоять на ночной палубе и смотреть то в бескрайнюю высь, то в сторону безбрежного горизонта было для Сергея не только развлечением. Это занятие наводило на волнительные раздумья о том, как мал и слаб человек, как бесконечно

зависим он от бесконечного пространства, но и — как он смел и велик: экая козявка, а надо же — торит свою до-рогу в этой необъятной пучине. Приблизительно то же ощущалось и во время большого шторма, но там к ощущению своей слабости добавлялся муторный страх перед разбушевавшейся стихией, способной разорвать, утопить, убить. Естественно, хотелось укрыться, убежать от шторма и страха, но и тут спасали звезды: глядя на них, хотелось, раствориться в их круговерти, лететь и лететь в их затейливом гамаке, и желание это было сильнее страха.

Под стать метеоритам были стаи летучих рыб. Их косяки, обманутые и заманенные судовыми огнями, дробью рассыпались на палубе. Утром любители пивка собирали их, чтобы потом, когда кончится качка, завялить, либо засолить, а были и такие умельцы, которые ловко и быстро делали очень красивые чучела этих крылатых краснопёрок.

На одной из стоянок удалось поймать акулу. Бедняга сама напросилась на крючок.

Сначала она, словно играя в дельфина, крутилась около судна, ее пробовали отогнать, бросая в нее пустые банки и бутылки. Акула лениво пробовала их на зуб, выплевывала, но не обижалась и не уплывала. Пока одни шутники играли с ней, смеясь и балагуря, другие, более практичные и предприимчивые, нашли большой гвоздь, изогнули его крючком, заточили, выпросили у повара кусок мяса, насадили его на крючок и выбросили за борт на крепком канате. Акула долго не замечала приманку, потом вяло подплыла, вяло попробовала, выплюнула так же, как все предыдущие угощения, а когда разочарованные акуллоловы уже собрались было идти на поиски другой приманки, она неожиданно заглотнула наживку. В следующее мгновение все закрутилось, как в немом кино. Акула чуть не утащила за борт зазевавшегося рыбачка, который уже перестал рассчитывать на клев. Благо, на помощь ему бросилось несколько матросов, и общими усилиями они вытащили акулу на палубу. Хищница, казавшаяся за бортом всего лишь приличных размеров щукой, вдруг превратилась в большую живую

пружину. Эта пружина прыгала, извивалась, клацая огромными челюстями, унизанными несколькими рядами острых зубов. Всех любопытствующих как ветром сдуло с главной палубы. Забравшись как можно выше, они наблюдали за дикими плясками акуллоловов, которые, спасаясь от акульих зубов, старались оглушить ее, обездвигать. Наконец, эту трагикомичную ситуацию разрядил боцман; он умудрился заарканить хвост акулы, подтянуть веревку на балку и поднять извивающееся тело рыбы в воздух, головой вниз. Перепуганные насмерть рыбаки-акуллоловы, еще несколько секунд назад позорно и беспомощно бегавшие вокруг крутящейся юлой акулы, вдруг проявили первобытную кровожадность — стали избивать беспомощно болтавшуюся рыбину всем, что попало под руку: баграми, ломиками, топорами — мстили несчастной за свой позор. Они, наверное, разорвали бы ее на части, но кто-то позвал старпома. Тот быстро прекратил это дикарство, заставив его участников вычистить палубу от акульей крови и кусков ее тела. Чего было больше в лютой озлобленности моряков — желанья отомстить за испытанный страх, или естественной ненависти мореплавателей мира к рыбам-людоедам, — сказать трудно. Но капитан, узнавший о происшествии, категорически запретил впредь заниматься ловлей акул. Через несколько дней об акуле, казалось, совсем забыли, пока в каюте одного из судовых умельцев не появился высушенный верхний плавник, прикрепленный к покрытой лаком деревянной подставке. Сувенир получился знатный, на зависть всем, но и о нем скоро тоже забыли, ибо впереди были Гавайские острова.

Гонолулу возник на горизонте неожиданно, под вечер. Заходящее солнце светило в корму, а впереди сверкали, как поставленные на попа льдины, стеклянные небоскребы. После недолгих ночных согласований все формальности были улажены, судно вошло в порт, а утром на палубе появились агент и переводчица по имени Лариса. Вскоре появился любитель русской музыки, а затем и молодая супружеская, эдакая сладкая парочка, которая представилась любителями ныряния (дайверами). Все

они наперебой стали предлагать Сергею показать местные достопримечательности, свои жилища, да просто — пообщаться. Таким образом, предостережения гэбистов полностью подтвердились. И что делать? Отказываться от общения с этими симпатичными людьми? Невежливо как-то, неловко. К тому же у Сергея было ответственное поручение его научного руководителя: он просил передать некоему профессору в Гонолульском университете свою новую книгу, в которой приводилась альтернативная история образования подводных течений и донных осадков. Университет находился где-то за городом, добраться туда без посторонней помощи было бы трудно.

— Что ты на этот предмет думаешь? Отказываться нам от предложенного содействия? — спросил Сергей Валентина

— Еще чего. Пусть кэгэбисты делают свои дела, а ты делай свои. Наши секреты никто не купит, даже если их кто-то и сумеет украсть. Мы люди мирные, ничем, кроме науки, не занимаемся. Кому мы нужны? А с этими гавриками мы сможем все посмотреть. Много ли пешком нагуляешь, а у них видишь, у каждого свой лимузин. Загнивающий на фиг капитализм!

Сказано, сделано. Решили дружить домами. Сначала пригласили новых знакомых на судно и угостили «Столичной». Гости обалдело смотрели на полные до краев стаканы, думали, что это шутка. Говорили, здесь, в Америке водку стаканами не пьют. Пришлось показать, как это делается. Музыкант от эксперимента отказался сразу, сославшись на здоровье. Молодой дайвер попробовал было повторить отчаянный фокус своих новых русских друзей, но с непривычки с трудом осилил лишь пол стакана. Не велика честь, выпить больше соседа, но что-то горделивое, мол-де: знай наших! — хмельно веселило Сергея, одним махом выпившего стакан. Из иностранных гостей — что удивительно! — только женщина-переводчица лихо выпила до дна и, по-русски скромно, закусила соленым огурчиком.

— Наш человек, — восхищенно произнес Валентин, наливая по второй.

Переводчица хмыкнула, накрыла свой стакан ладонью («Тоже по-русски», — отметил про себя Сергей) и сказала:

— Так я же из России. У меня там даже сын остался. Подробности рассказать? Все равно ваш первый помощник у меня выведает, — и она пальчиком точнёхонько указала на замполита.

Как она его «вычислила», для всех осталось тайной, но всем стало весело: то ли от водки, то ли от теплого человеческого общения. Подробности чьих-то биографий, конечно, никого не интересовали, ибо в процессе обсуждения можно было что-нибудь ляпнуть нескромное, и тогда задушевный разговор мог быть порушен и скомкан. Да и шпиономания, как не крути, сидела в советских мозгах занозой, несмотря ни на что...

В те времена еще бытовала практика стукачества, взаимной слежки. Моряки ходили в увольнения пятерками, или, в крайнем случае, тройками. В каждой группе назначался старший, отвечавший за всех. Перед выходом на берег и по возвращении на судно все расписывались в журнале увольнений. Общаться с иностранцами тет-а-тет разрешалось только капитану и начальнику рейса, да и то в исключительных случаях. Возможно, это распространялось и на первого помощника, но он всегда выходил на берег в группе.

Как уверяли старики, на каждом судне были стукачи двух сортов: одни — по политике, другие — по таможне. Возможно, кто-то совмещал эти профессии. Кто стучал, когда, кому и как, было никому не известно, подозрение вызывал каждый. Настучать могли и на первого помощника, и на капитана. В свою очередь и первый помощник, и капитан могли списать любого проштрафившегося матроса с судна, ибо после каждого рейса на всех его участников составлялись докладные записки — характеристики...

После небольшой дружеской выпивки в сопровождении новых американских знакомых решили пройтись по здешним магазинам. Сплошное разочарование!.. Ни уличных торговцев, ни дешевых маленьких лавочек, ко-

торыми кишел Сингапур, найти им не удалось. Как оказалось, такой торговли в Гонолулу, к сожалению, нет; только супермаркеты и специализированные магазины. Зашли в один и ошалели: цены на все товары, как минимум, раз в пять больше, чем в Сингапуре. Какая там отоварка! Кроме мелких сувениров покупать нечего — не по карману. За один магнитофон нужно выложить почти всю заработанную за рейс валюту. Грабеж какой-то!..

Купив несколько безделушек, народ сильно заскучал. Кто-то побрел на пляж, а первый помощник пошел на поиски конторы по аренде автобусов; хотел хоть немного скрасить всеобщее уныние — поездить, посмотреть город и пригороды. Вот тут-то и пригодилось приглашение американцев посетить их дома. Пошли тройкой: Сергей, Валентин и второй штурман.

Сначала договорились с дайверами, которые предложили зайти сначала в кафе и перекусить. Сергей и сотоварищи слегка растерялись: если гостей хотят угостить, или покормить, накрывают дома на стол, а не приглашают в ресторан. Но, в чужой монастырь... Пошли в кафе. Посмотрели в меню и заскучали еще сильнее, чем от супермаркета: самый дешевый заказ — от трех долларов до шести. Для российских моряков это было бы сущим разбоем. Суточные начальника рейса и капитана составляли всего-навсего около двух американских долларов, а у команды и науки — того меньше. То есть, — чтобы заработать на небольшой ланч, надо было качаться на волнах несколько суток

Увидев кислые физиономии своих гостей, молодожены тотчас утешили: угощение за их счет. Перекусив цыпленком и салатами, наконец, поехали в гости. Молодожены жили в окрестностях Гонолулу, в небольшом поселке (видимо, не одном вблизи города). Этот поселок состоял из двухэтажных домиков, разделенных на четыре двухэтажные квартиры, каждая с отдельным входом и двориком, где парковались машины. На первом этаже располагались кухня и гостиная, на втором — две спальни (одна для гостей).

Сергея удивил висевший на стенах арсенал огнестрельного оружия: две винтовки, несколько пистолетов, и многочисленные морские сувениры. Хозяйка предложи-

ли сухое вино и завели механическое пианино. Все было очень мило и крайне непривычно: отдельный дом, отдельный вход, а главное — две машины на семью из двух человек! Молодожены работали какими-то рекламными агентами, и веселились, как дети, при любом проявлении восхищения их домом и бытом. Особенно рьяно они демонстрировали гостям свое механическое пианино — последнее их приобретение, которое старательно наигрывало разные мелодии, распечатанные на перфокартах.

— А если перфокарты нет, или она сломается? — спросил Валентин.

— Включим магнитофон, — ответил молодой человек.

— А, если электричества нет? — гнул свое Валентин.

— Сидим в темноте и молчим, — ответил молодожен.

— Во-от! А мы сами играем.

— Как это сами?

— А так.

Валентин сел за пианино и довольно бодренько отсту-чал что-то из «Серенады солнечной долины».

— Вау! — воскликнула молодая хозяйка дома.

Сергей впервые услышали это замечательное «вау», которое через несколько лет дошло в Россию и стало родным. А глядя на Валентина, наяривавшего на фортепьяно, он снова горделиво подумал: знай наших!..

На следующий день все трое были приглашены к музыканту. То был мужчина средних лет. Он с таким же энтузиазмом, как и молодожены, показывал свое жилище, которое находилось в самом Гонолулу, но по размерам и удобствам ничем не отличалось от пригородного жилища молодоженов. Различие состояло лишь в том, что гостиная была превращена в профессиональную студию прослушивания звукозаписей, а одна из трех спален — в хранилище для многих тысяч пластинок. Была тут еще одна комната — детская. В ней жил четырнадцатилетний сын музыканта, который отсутствовал: как сказал его отец, зарабатывал деньги на свой первый автомобиль. Для гостей это было удивительным: сопливый мальчишка мог получить водительские права, сам зараба-

тывал деньги на машину, тогда как его родители, судя по всему, совсем не бедствовали — чудно все это.

А музыкант, как оказалось, сам не музицировал, зато был знатным меломаном: он коллекционировал пластинки так, как иные коллекционируют марки.

Уже стало темнеть, и Сергей посмотрел на часы. Тогда хозяин показал свои, наручные. Часы были необычные: вместо привычного циферблата — маленький экран, под ним — небольшой пульт. На вопрос Сергея: «что это такое?», — музыкант ответил: «Часы-калькулятор» — и попытался показать, как они работают. Однако, маленькие кнопочки не слушались толстых пальцев. Музыкант заскучал, но Валентин пришел на помощь: дал ему обычную спичку, с помощью которой он и продемонстрировал свою чудо-технику.

— Хорошая штучка, — сказал Валентин, — но без русской спички не работает.

Уже в каюте, обсуждая с Валентином и капитаном своих американских знакомых, Сергей обратил внимание на то, что в их домах не было никаких пищевых и бытовых припасов: ни гвоздей и шурупов, ни отверток и дрелей, ни старых вещей, ни солений и маринадов — ничего из повседневного спроса.

— А зачем им, если все есть в магазинах, — сказал Дмитрий Григорьевич. — Нужна какая мелочь — пошел и купил, а то — еще проще: позвонил, и через час доставят. У них одна проблема — деньги заработать. Деньги есть — нон проблемс. Это у нас — сначала заработай, потом бегай, ищи то, что тебе якобы необходимо, потом, купив желанный «дюфцит», долго думаешь, что с ним делать, а потом хранишь его годами на антресолях — жалко выбрасывать.

— Да ты, кэп, у нас «филосоп», — пошутил Валентин.

— Философ, не философ, а с шутником, написавшим, что глупее летчиков бывают только моряки, категорически не согласен, — сменил тему капитан. — И не потому, что сам — моряк, а потому, что каждая профессия оказывает на психологию человека определенное влияние. Вот -летчик. Он должен так отработать свои дей-

ствия в полете, чтобы вообще не думать, а действовать автоматически. Самолет, особенно — военный, истребитель какой, — летит шустро: замешкался, потерял секунду и — сливай воду. У моряка времени на раздумья вроде куда как больше, но тоже частенько надо действовать автоматически. А кто умнее, кто толковее, военный, или гражданский, — это надо еще подумать. Вы анекдот про капитана знаете?

— Нет. Расскажи, — сказал Валентин.

— Стоит судно у причала, на мостике стоит капитан, курит трубку, смотрит на причал.

Подходит к судну мужичек и кричит: «Капитан, возьми меня на работу, уродоваться буду». Капитан молчит. Мужичек кричит: « Капитан, возьми меня на работу, не пожалеешь». Капитан молчит. Мужичек опять кричит: «Капитан, что тебе жалко? У меня жена больная, дети сидят голодные, возьми на работу». Капитан все одно: молчит. Мужичек машет рукой, поворачивается, уходит. Потом оборачивается и кричит: «Ну и умница же ты капитан. Я бы тебе наработал».

Все посмеялись. Анекдот понравился.

— А вот скажи нам, кэп, если ты такой умный, почему нас эти наши новые американские друзья так обхаживают, свои штучки разные показывают? — спросил Валентин.

— Кто их знает. Но ведь гэбисты нас предупреждали, что тут встречать будут. Значит, эти наши друзья им известны, значит, они не только к нам так дружественно настроены, значит — они действуют по какой-то программе.

— Это они нас так вербуют?

— Кто их знает, но тебя, Сережа, они точно вербовать не будут, да и Валю тоже.

— Это почему же?

— Да у тебя ж на лице написано, что ты — сознательный партиец, к тому же все время норовишь сказать им: «знай наших», «сами с усами», «не лаптем щи хлебаем». Нужен ты им такой. А Валентин, как и я, уже в возрасте. Им нужен молодой, крикливый и жадный. Такой, кто ос-

танется в Америке и начнет поливать Россию — вот кто им нужен. А из нас с вами какие поливальщики? Ладно, идем спать. Первый помощник на завтра заказал автобус, поедem на экскурсию.

И действительно, утром поехали на экскурсию. Прежде всего заехали на высокий холм, наверху которого возвышался внушительный монумент — памятник жертвам Второй Мировой войне. Монумент экскурсантам очень понравился, но, некоторых из них покорило, что отражены были лишь эпизоды войны, в которых принимали участие американцы. Самым героическим эпизодом, естественно, был Пирл-Харбор, расположенный совсем недалеко от Гонолулу. Конечно, никто не стал спрашивать у экскурсовода, как получилось, что СССР, судя по этому монументу, почти не участвовал в войне, однако, интерес к осмотру быстро пропал; сели в автобус и поехали на другую смотровую площадку, с которой открывался вид на гавайские вулканы, а потом, разбившись на группы, пошли кто куда.

После обеда, воспользовавшись предложением переводчицы, Сергей и Валентин поехали в Гонолульский университет. Приехав, остолбенели Их сразили ни очаровательный университетский пригород, ни километровые строения самого университета, а огромная автостоянка, где были представлены, наверное, все существующие в мире малолитражки. «Мерседесов» и «линкольнов» не наблюдалось. Переводчица объяснила, что это автостоянка для студентов. На вопрос Сергея: «у вас что, все студенты имеют машины», был задан встречный вопрос: «а как же им добираться до университета?». Как оказалось, в Гонолулу почти отсутствует общественный транспорт. Автобусы из Гонолулу ходили сюда очень редко, а автобусов в пригороды не было вообще. Да и в столице Гавайев автобусы были редкостью. Так Сергей и Валентин впервые столкнулись с «полной автомобилизацией».

Удивил и ответ на вопрос: «а могут ли коренные гавайцы поступить в университет?»:

— Почему нет! Конечно, могут. Только не вздумайте называть их гавайцами. Местные парни очень любят ка-

ратэ и могут, как это у вас говорят, всыпать по первое число.

— За что?

— Они — граждане США. Гавайские острова — один из штатов Америки и все островитяне — американцы.

«Вот те на, — подумал Сергей: — А у нас республики распределены по национальному признаку. Попробуй, назови эстонца русским».

Профессора, которому Сергей вез презент из Ленинграда, нашли не сразу. Он, невысокий пожилой человек, сидел в маленькой душной комнате, до потолка заваленной книгами, за единственным столом, на единственном стуле. Сажать гостей было некуда. Увидев удивленные лица, профессор показал наверх, на свешивающийся с потолка тонкий канат, на котором слегка покачивались довольно-таки странные вещи: несколько долларовых купюр, макет пароходика, макет самолета, макет автомобиля.

— Это то, от чего я отказался, — сказал профессор: — Деньги, которые я зарабатывал, пароходы, самолеты и авто, на которых я путешествовал. А это, — он указал на гору книг, — то, что интересует меня больше всего в жизни сейчас.

Профессор знал научного руководителя Сергея по его публикациям, считал его авторитетом и с благодарностью принял подаренную ему книгу. Было очевидно, что пространного разговора с этим пожилым профессором не получится, и Сергей с Валентином не без удовольствия покинули его тесный храм науки.

Они присоединились к основной группе моряков и отправились на знаменитый пляж Вайкики. Похоже, местные жители не посещали этот пляж; он был забит туристами из Европы, Азии, Канады и других стран, пестрыми толпами сновавшими повсюду. Времени празднично побездельничать было в обрез: не успели вынырнуть из изумрудной волны — пора возвращаться на судно. Но окунуться в Тихом океане они успели...

Вечером назначили отход. Молодожены принесли венки из орхидей и, надев их на шеи нескольких членов экипа-

жа и науки, не забыв капитана, Сергея и Валентина, рассказали о местном обычае, который гласил: если путешественник бросит лепестки орхидеи в воды океана, он обязательно вернется на Гавайи. Попрошавшись столь трогательно, они — зачисленные в агенты ЦРУ — спустились по трапу. Вскоре закрыли границу, к «Поддубному» подошёл буксир, судно отошло от причала и стало медленно разворачиваться. Молодожены и музыкант размахивали платками: «Aloha from the Hawaiian Islands!».

Сергей и Валентин отрывали лепестки орхидей и бросали их в океан. Прощайте, новые знакомые! Прощай Гонолулу!..

Солнце опустилось за горизонт. В темноте ночи сверкал многоцветными огнями многократно отражавшимися в стёклах небоскребов уходящий вдаль Гонолулу. Сергей спустился в каюту к Валентину, и, войдя, зажал пальцами нос.

— Что у тебя за запах в каюте? Откуда так шманит? Ты что, гальюн чистил?

— Да нет. Это из иллюминатора шманит. Наверное, дед решил фикалий выпустить. Сей-час задраю, и все будет окей. Все равно идем в океан, надо задраивать иллюминаторы. Ты, кстати, тоже не забудь, а то ночью волна накроет и будешь плавать в койке.

Валентин задраил иллюминатор и запах исчез.

— Это кто же надоумил деда сразу после выхода фикалий выпускать? Не мог дождаться открытого океана? — спросил Сергей.

— А зачем? Сейчас ночь, никто не увидит, а к утру все рассосется. Да и всякое может случиться утром: вдруг придется ложиться в дрейф для стоянки, а на стоянке опорожняться нельзя, сразу со спутника засекут; представь, цистерна заполнена, а кому-то припрет: и — что делать? К тому же — экий шик: прямо под носом у американцев. Ты же сам любишь повторять: «знай наших». Вот дед «наших» и показал.

— Не мог он что ли сдать фикалий в порту?

— Какая ты, однако, наивность! У него же смета на технические расходы. Сдача стоит денег. Вот он и эконо-

мит. А на сэкономленные мани лучше купит детальку какую дефицитную, или масла моторного лишнюю бочку. У нас пароход-то какой? Финской постройки пароход. А двигатель какой? Немецкий у нас двигатель. Деталей да масла к этому двигателю у нас, в СССР нет. А валюты у судовладельца, особенно для ученых, сам знаешь, с гулькин нос. Вот и думай: двигатель у нас один, второго нет, если он рухнет во время шторма, нам крышка, а отвечает за двигатель дед. Да он не только фикалий, он пол парохода за борт смайнает за лишнюю бочку масла. И, между прочим, правильно сделает, ибо этим самым он наши с тобой задницы спасает, а начальству, естественно, до них, как ты понимаешь, до лампочки и даже дальше. Начальству валюта нужна для поездок за границу. Вот оно ее и экономит. Кстати, у тебя что-нибудь осталось от твоих приемов?

— Осталось.

— Отлично. Пойдем, отвальную примем и на бок.

Пошли в каюту к Сергею. По дороге постучали к капитану.

— Кэп, не спите?

— Заходите.

Входят и видят: кэп понуро сидит перед откупоренной бутылкой водки и смотрит на нее внимательными грустными глазами.

— О! А мы пригласить вас хотели, а вы уже...

— Да, вот про закуску забыл. У вас что-нибудь на зуб есть?

— Есть, конечно, пошли к нам.

В каюте Сергея они уютно расселись, выпили, закусили. Капитан устало спросил все ли у науки в порядке. Получив утвердительный ответ, побарабанил пальцами по деревянному столу, помолчал и, наконец, выдохнув воздух, признался:

— Я, мужики, очень опасался этого захода. Меня предупреждали, что в прошлом заходе «Поддубного» в Гонолулу, когда капитаном был мой напарник, были случаи вербовки, но первому помощнику их как-то удалось предотвратить. Детали мне, естественно, не рассказали. Вот

я и опасался, что что-то подобное будет и в этот раз. А первый помощник у меня, — кэп помолчал,— сами знаете: опыта у него нет, и случись чего, пришлось бы мне отдуваться за двоих. Слава богу, обошлось.

— А кого тут вербовать? Меня? — хмыкнул Валентин, — Сергея? Вас? Так убежать Вы могли уже сотню раз, если бы захотели. Мы уже это обсуждали. Остаются наши вумен, да инженеры. Выбор то небольшой. Может, кого и пытались завербовать, так кто ж Вам скажет? Не беспокойтесь, забудьте, проехали.

— Да, пронесло. Да и не только это.

— А что еще? Мы не в курсе.

— Ну, и слава Богу, что не в курсе.

— Кэп, не темни. Не хорошо. Видишь, мы уже уши развесили, а ты — в молчанку!

Валентину, явно не терпелось узнать, что случилось.

— Ну, ладно. Только никому, особенно на берегу. Тут такое дело. Пристали к нашим морякам проститутки. У них на морячков глаз наметанный. Наши идут тройкой, культурно так отнекиваются: извините, мадам, нет желания, ну и тому подобное. А проститутки не отстают. Наши им говорят прямо: у нас денег нет, заплатить за услуги нечем. Правду говорят, денег у них, действительно, нет. Проститутки не верят: не может быть, мы же видим, вы — моряки, вы пришли сегодня ночью, деньги по прибытии у всех моряков есть, не врете. Тогда один из наших моряков, разозлившись, послал их по матушке. Проститутки очень удивились его пламенной речи и спрашивают: мы можем поговорить с клиентом на любом языке, но такого не знаем. Тут наши бросают последний козырь: мы, говорят, из СССР. А проститутки — в раж! Затараторили, что русских клиентов у них никогда не было, и для рекламы они готовы обслужить моряков бесплатно. Ну, коли так. Морячки молодые, горячие уже ну, давай обниматься с девочками, и вдруг... Навстречу идет тройка во главе с замполитом. Увидел он эту сцену, одобрил: молодцы, говорят, ребята, установили контакт с местным населением. Но пора на судно.

Это мне рассказал один из них. Он меня давно знает, и просил в случае, если первый помощник будет катить на них телегу, помочь им выкрутиться. А ребята, действительно, ни в чем не виноваты, кроме того, что у них нет денег, а у нас, в СССР — секса. Но замполит ничего предосудительного в братании не заметил. Неопытный, зеленый. Так что, и тут пронесло. Но, вы не звоните, ладно?

— Нет, сейчас позвоню в Смольный и все расскажу, — пошутил Валентин и добавил: — у нас, когда мы ходили в Антарктиду, в Рио-де-Жанейро был похожий случай. А вообще, забавно, однако. Они ведь, и правда, ничего-то о нас не знают. Я заглянул в Гюнолулу в книжный магазин, увидел карту мира и офонарел: место, где расположен Союз, заляпано черной краской, нарисован медведь и написано по латыни: «Сибирь».

— Ладно, мужики, пора на покой — капитан, опрокинул еще одну рюмку, — а про Рио история за тобой, — сунул в рот оливку, попрощался и пошел спать.

— Правильно, — подытожил Сергей, — завтра опять открытый океан, и что он нам преподнесет, никто не знает кроме, разве что, Нептуна. Надо выспаться.

Валентин ушел, а Сергей завалился в койку, чтобы успеть выспаться до начала океанской качки.

6. Куба

И снова шторм! И снова огромные волны болтает их пушинку-суденышко, убаюкивая одних и вызывая безудержные рвотные позывы у других. Кораблик то вскарабкался на гребень гигантской волны, то медленно опускался вниз, иногда накрываясь так сильно, что вода просачивалась на нижнюю кормовую палубу. Когда судно оказывалось между волнами, они полностью закрывали горизонт, вода обступала его со всех сторон, и казалось, мгновение, и оно будет накрыто водой и канет в морскую бездну. Но, через несколько секунд, судно вновь взбиралось на гребень, вода потоками скатывалась вниз, оно, как бы отряхивалось от назойливого океана и гордо оглядывало оставшуюся за кормой грозную пучину, не су-

мевшую затянуть его в свои смертельные объятия. И так из часа в час, из суток в сутки.

Работать на такой волне было совершенно не возможно. И хотя накопилась уйма бумажных дел, никто и не помышлял о том, чтобы появиться в камеральной каюте. А в остальном, жизнь шла своим чередом. Люди сидели по каютам и, вцепившись в борта коек, травили анекдоты, рассказывали разные были и небылицы. Кто-то вспомнил, как один из участников экспедиции в Антарктиду так отметил морскую отходную традицию, что на следующий день залез в своей каюте в платяной шкаф и стал старательно звонить жене в Москву. История понравилась, и один из выдумщиков (такие всегда найдутся) предложил подшутить над надоевшим всем нытиком из науки, постоянно скулившим, что его жена, не дождав-шись его, загуляла на берегу.

Обычно связь с домом осуществлялась так. На телеграфных бланках писался текст, бланк передавали на проверку капитану, или начальнику рейса, после их одобрения, телеграммы шли в эфир. Деньги за телеграммы (весьма скромные) высчитывались из заработной платы согласно счетов, выставлявшихся радистом. Другим способом была телефонная связь. Ее организовывали судовые радисты и портовые радиостанции. Но до телефонных переговоров дело почти не доходило: отвратительная слышимость и груды телеграмм, отстукиваемых по рации, съедали все отведенное для разговора время. Еще можно было посылать письма из портов захода. Некоторые любители экзотики пользовались таким способом, но таких было очень мало, ибо почтовые марки стоили очень дорого, а письма, если и доходили до адресата, то, как правило, уже после возвращения моряка домой. Бывало, жены, или родственники писали письма из СССР в порт прибытия — на имя судна с пометкой: «для такого-то». Такие письма тоже доходили крайне редко, чаще всего они терялись в дороге. Получить такое письмо было большой редкостью, и считалось несказанной удачей...

Ну а как же быть с нытиком? Сделали вот что. Договорились с радистом, что он соединит свой радиотеле-

фон с бортовым телефоном в одной из кают. Посадили в эту каюту буфетчицу и научили ее, как надо хрипеть в трубку, чтобы голос был неузнаваем, и что говорить. На телеграфном бланке написали номер домашнего телефона и имя якобы загулявшей жены, и отдали бланк радисту.

Радист быстро сообразил, что да как, и вот в один прекрасный момент, когда качка была уже некуда, по централу загремело: «Петушкову срочно подняться в радиорубку для переговоров с женой». Обалдевший Петушков, преодолевая морскую болезнь и набивая шишки о переборки, ступени и поручни, кое-как добрался до радиорубки, где радист вручил ему вызов, написанный на телеграфном бланке, и телефонную трубку, из которой несло какое-то шипенье, сквозь которое с трудом пробивался явно женский взволнованный голос. Петушков ухватился за трубку, как за спасательный круг и стал громко кричать:

— Маша, это ты? Маша, ты меня слышишь?

Буфетчица, строго следуя наказам шутников, повторяла:

— Гриша, это ты? Гриша, ты меня слышишь?

«Разговор» из этих двух фраз продолжался минут десять. Наконец буфетчица устала шипеть и хрипеть, а радист, контролировавший весь этот разговор и также следуя инструкции шутников, что допустить расшифровки голоса никак нельзя, предупредил обоих об окончании разговора. Петушков начал слезно просить продлить разговор и, поняв, что продления не будет истошно заорал в трубку: «Маша ты меня любишь?»

Буфетчица, сжалившись над несчастным, уже своим голосом заявила: «Конечно, люблю».

После этого радист окончательно прервал разговор.

Ошалевший Петушков, ничего не понимая, долго доказывал радисту: «Это не Машин голос! Не Машин!», на что радист уверенно отвечал: «А чей? Мой, что ли?». Петушкову ничего не оставалось, как поверить, что он действительно говорил с женой. Но, когда несколькими днями позже он обменялся с ней телеграммами и выяс-

нил, что никакого разговора не было, он начал искать обидчиков, чтобы расправиться с ними. Те поняли, что Петушков настроен решительно, что шутка оказалась слишком суровой. Особенно жалела о своем участии в этом розыгрыше буфетчица, которую Петушков разжалобил до слез. Посоветовавшись, участники затеи решили все свалить на центральную портовую радиостанцию, которая нередко путала суда, имена и фамилии моряков, и вместо связи, назначенной с одним судном, запросто могла установить ее с другим. А однофамильцев у нас пруд пруди. В общем, концы оказались в воде к общему удовольствию. Главное, Петушков заметно притих...

Во время редких спокойных дней наука выполняла измерения. «Поддубный» ложился в дрейф, и время словно останавливалось: минуты превращались в часы, часы — в монотонные дни и ночи. Все с отчаянным нетерпением ожидали завершения работ в Тихом океане и переход в Атлантический. Когда же, наконец, все запланированные работы были выполнены, и судно развернулось на восток, к берегам Америки, снова налетел сильный шторм. К счастью, ветер был попутный, и судно мигом добежало до возжеленных берегов. Однако, морская болезнь и свалившаяся невесть откуда простуда заставили Сергея замуровать себя в каюте. Он пропустил и проход знаменитым Панамским каналом, и переход по Карибскому морю. Первый раз после болезни он вышел на палубу уже на рейде Гаваны.

Судно стояло на якоре совсем недалеко от крепости, охранявшей вход в живописную бухту. Причал не давали: бухта была небольшая, а судов много. Преимущества предоставлялись только советским танкерам, которые ежедневно приходили на рейд Гаваны и, не бросая якорь, уходили в бухту на разгрузку. СССР щедро поил Остров свободы сибирской нефтью. Как тогда писали газеты: «Куба оплачивала все поставки соответствующим количеством сахара». Сахаром оплачивались и зерно, и станки, и технологии, и вооружение, и специалисты, которые в большом количестве помогали молодой республике обустроить свою промышленность. Всем было понят-

но, что для оплаты миллионов и миллионов тонн нефти и мазута потребовались бы урожаи сотен заросших сахарным тростником островов, размерами с Кубу. Да и своей сахарной свеклы в СССР было, хоть отбавляй, сами могли подсластить кого хочешь. Но никто даже и не думал рассуждать об этом: поддерживать свободный остров и Фиделя Кастро — дело святое, интернациональное, политическое.

Пока судно стояло на якоре, моряки вылавливали разноцветных рыб, иногда и больших усатых лангустов и, от нечего делать, устраивали роскошные рыбные трапезы.

Наконец, получили причал. Встали, практически, в самом канале, ведущем в бухту. В бухте, видимо, так и не нашлось свободного места. Но оно было даже к лучшему: стоянка оказалась вблизи городского квартала — сошел с трапа и гуляй, оглядывай окрестности.

Однако, как и в Гюнолулу, отоварки здесь никакой, с той лишь разницей, что — там дорого, а здесь, в Гаване и дорого, и пусто. В магазинах только залежалые товары, а сувениры — дорожке некуда. Хорошо, что знатоки предупредили, и валюту на песо никто не менял. Неожиданно выручили советские специалисты, которые работали на Кубе. Нашлись и ленинградцы, и даже сокурсники по Горному институту. Они принесли дары моря, которые собрали сами на многочисленных кубинских пляжах: большие розовые раковины, морские ежи, моллюски. Дарили и небольших, засушенных, как вобла, крокодилов, которыми были забиты сувенирные магазины, но стоили они там дорого (наши специалисты зарабатывали здесь куда как больше, чем моряки). Познакомились, подружился.

Сергей с Валентином поехали погостить к знакомым землякам ленинградцам, которые занимались океанографическими наблюдениями. Небольшой одноэтажный домик, где они жили, стоял вблизи далеко простиравшегося песчаного пляжа. Домик стоял на песке. Никакой растительности, кроме редких пальм, вблизи его не было. Пейзаж был хемингуэйевский, точь-в-точь, как в «Островах в океане». Полное безлюдье, нежный и теплый песок

и чистейшая голубая вода Атлантики манили купаться и загорать, загорать и купаться. Однако, мелководье простиралось на сотни метров, а в глубину заплывать было запрещено,— акулы или мурены были здесь частыми гостями. Поплескавшись вблизи берега, попробовав знаменитый кубинский ром, Сергей с интересом обошел дом вокруг. Неожиданно он наткнулся на небольшой садик с невысокими банановыми деревьями и папайей. Земляки объяснили, что они не занимаются садоводством, эти растения выросли сами из семян, которые выбрасывались вблизи дома, как сор.

Потом поехали к «дядюшке Хэму». Большой, но отнюдь не современный дом великого писателя и тенистый сад подле него создавали атмосферу спокойствия, умиротворения и достатка. Возвращались на судно через город, где царили духота и нищета, усугубленные видом давно не ремонтировавшихся домов. Удивляло, что эта нищета никак не влияла на веселое, доброжелательное и приветливое настроение местных жителей, которые с интересом крутились возле «Поддубного». Особенно были заметны подростки, клянчившие сигареты и призывно кричавшие: «уно писета, уно синьерита», явно показывая, что они де могут оказать содействие в получении дешевого удовольствия. Смуглые, миловидные девушки то и дело пробегали по палубе, стараясь не попадать на глаза вахтенному, капитану или старпому. Действительно ли они занимались самой древней профессией, действительно ли были дешевле любой безделушки, или просто интересовались советским судном и его моряками, понять было невозможно, разве что самому свести с ними знакомство... Никаких инцидентов не было, никаких жалоб не поступало, недовольства никто не выражал — все было просто замечательно.

Вечером, обсуждая с капитаном события первого гаванского дня, Валентин вспомнил рассказанный ему нашими специалистами анекдот (а может быть, и был):

— Приходит к Фиделю советский посол и говорит: «Товарищ Фидель, ваши девушки вступают в отношения с нашими специалистами, не хорошо это». Фидель в растерянности: «Неужели ваши специалисты не довольны

нашими девушками? Какой позор!». — «Да нет, что вы, ваши девушки самые красивые в мире, и наши специалисты очень даже довольны». — «Ой, как нехорошо, — говорит Фидель, — значит наши девушки не довольны вашими специалистами. Я вам сочувствую, но вы уж их извините, они такие горячие». — «Как вы можете так подумать о наших специалистах, товарищ Фидель, — говорит посол, — ваши девушки в восторге!». — «И ваши специалисты довольны, и наши девушки в восторге, так в чем тогда проблема?» — удивленно спросил Фидель. Посол не нашел, что ответить, ничего не придумал и, молча, ушел.

О чем было говорить после такой байки? Разумеется, о том, какие девушки самые красивые. Кого только не обсудили, кого только не припомнили, разве что австриячек забыли, да зулусок — у них моря нет, на них еще не успели посмотреть. Всесторонне рассмотрев лучшую половину человечества, сошлись на том, что наши, конечно же, лучше всех и с чистой совестью наметили на завтра посещение местной картинной галереи и музея Кубинской революции. Однако не случилось — на следующий день пришлось менять все планы.

На двух джипах вдруг приехали кубинские военные моряки — адмирал и два офицера — помощника. Сначала все удивились их отличному знанию русского языка, но, познакомившись поближе, поняли, что моряки-то — наши, русские, то есть, советские, а форма у них кубинская, поскольку они служат военными советниками.

Ну и — как водится: напоили новых друзей «столичной». Потом они предложили показать радушным хозяевам Гавану, на что все с радостью согласилось. К немалому удивлению Сергея, крепко накаченные помощники адмирала сели рулить. На его вопрос: «а как же с полицией?», они ответили, что на Кубе нет запрета на алкоголь за рулем, но есть норма алкоголя в крови, которую превышать нельзя ни в коем случае, а они де свою норму знают железно, ибо в этом деле имеют большой опыт.

Оказалось, что в Гаване много древних католических храмов. Новых, современных зданий почти не наблюда-

лось, а большинство старых, небольших коттеджей были либо пустыми, либо требовали капитального ремонта.

— Это дома сбежавших в Америку богачей, — объяснили офицеры.

По старинным, даже ветхим улицам разъезжали полицейские: на новеньких мотоциклах, одетые с иголки. Видимо, их здесь уважали. Прохожих на улице было мало. Дворников, похоже, не было вовсе. Слабый ветер поднимал облачка пыли и крутил их вместе с обрывками бумаг, каких-то тряпок и прошлогодних опавших листьев. Заехали и в музей Революции посмотреть на знаменитый катерок, на котором Фидель со своими единомышленниками переправился на Кубу. Плядя на это суденышко, было понятно, сколько отчаянной смелости и решительности, сколько уверенности в правоте своего дела надо было иметь, чтобы на такой лодочке выйти в океан, захватить крепость, совершить переворот под стать октябрьскому.

К вечеру вернулись домой, угостили военных моряков ржаным черным хлебом, дали по буханке с собой. Русскому человеку за границей лучшего подарка не придумать.

На следующий день успели рысцой пробежаться по картинной галерее, а после обеда — все! баста! — вышли из бухты в океан. Прощай Куба, прощай Гавана!

Сергею вспомнились три слова: «Привет зеленой ящерице!», — и связанная с ними история. Эту историю рассказала ему преподаватель Горного института, у которой Сергей проходил преддипломную практику. Была она женой одного ленинградского исследователя и поэта, ставшего впоследствии весьма известным. Ее муж был одним из первых морских геофизиков и ходил в море на паруснике «Крузенштерн». Вся информация об этой экспедиции была строго засекречена, и они договорились: если судьба занесет его на Остров свободы, он пришлет ей телеграмму с условными словами: «привет зеленой ящерице!». Летом, работая где-то у черта на куличках в полевом геологическом лагере, она получила телеграмму с условными словами и на радостях выкатила своим студентам чай с пирогами, чтобы отпраздновать столь важное событие. Попасть на Кубу в начале шестидеся-

тых, когда революция только-только завершилась, было почти что чудом, особенно для геофизиков, которые доселе в океанах еще не работали — «Крузенштерн» был первым научным судном, на котором советские геофизики учились исследовать дно Мирового океана.

«Поддубный» уже довольно далеко отошел от острова, когда над ним закружил патрульный самолет ВМФ США с длинным хвостовым обтекателем. Он крутился почти над самой водой, совсем рядом. Когда он пролетал вдоль борта, отчетливо просматривались контуры фигур пилотов.

— Кэп, что это они все вдоль бортов шастают?

— Видишь обтекатель на хвосте? Это магнитометр. Они измеряют наше магнитное поле и пытаются по нему определить, не ползет ли под нами подлодка. Обычно, подлодки таким образом пересекают большие расстояния, чтобы незаметно прибыть на место дежурства.

— А что бы ему тогда не пролететь над нами?

— Над нами нельзя. Если он начнет заходить с кормы, — это означает боевой заход. Так, с кормы, заходят для бомбометания. В этом случае мы имеем право обороняться, открывать по нему встречный огонь.

— Какой огонь? У нас же «макарова» и того нет. Он же знает, что мы безоружные.

— Конечно, знает. Но он также знает, что мы имеем право иметь оружие. А вдруг мы принадлежим, к военной гидрографии? Так что ему лучше перестраховаться. Правда, иногда они нас пугают, заходят с кормы, но над самим судном никогда не пролетают. Нельзя.

Моряки и наука пощелкали фотоаппаратами, недружественный самолет-разведчик улетел, а судно набрало ход и быстро побежало на восток, через Атлантику к западному побережью Африки.

7. Дакар

Атлантический океан оказался ничуть не приветливее Тихого. Но работа все равно продолжалась. Наука и моряки уже окончательно притерлись. Никаких серьезных

конфликтов, отказов от работы, болезней не было. Врач, уставший от безделья, предлагал всем уколы витаминами. Некоторые соглашались, но большинство отказывались подставлять свои ягодички, предпочитая свободное время проводить в небольшом бассейне, сколоченном еще в Южно-Китайском море.

Но уже начинал сказываться «временной синдром»: «в море через три месяца и крокодил кажется красавицей». Девушки и женщины стали пользоваться большим вниманием, что, к счастью, никак не сказывалось на изменении уже установленного порядка, — «передела» взаимоотношений старались избегать.

Некоторое разнообразие в монотонность морской жизни вносили большие морские чайки, похожие на буревестников. Они часто кружились за кормой, в ожидании выброшенных за борт пищевых отходов и иногда — садились на палубу. Вот тут и начинался спектакль. Взлететь с плоской палубы эти морские «дирижабли» не могли. Они важно расхаживали по палубе, иногда даже принимали подарки в виде кусков размороженной рыбы или мяса. Казалось, что людей они совсем не боятся. Да и что им было бояться, когда вся команда дружно искала путь их обратного водворения в океан.

Наконец, придумали: широкую и длинную доску положили одним концом на перила борта так, чтобы конец свешивался наружу, а другим — на палубу, по которой гуляла чайка. Птицу всякими правдами и неправдами, а вернее, — кнутом — запугиванием и пряником — рыбой и мясом, загоняли на доску и дальше вверх, к перилам. Когда птица находилась вблизи борта, доску быстро поднимали за конец, упирившийся в палубу, и птица либо сама, быстро перебирая лапами подбегала к концу доски и бросалась в море, либо ее туда сбрасывали, перевернув доску. Небольшого расстояния до воды от борта вполне хватало ей, чтобы успеть расправить крылья и гордо взлететь ввысь. Некоторые птицы улетали навсегда, некоторые парили рядом с судном в ожидании пищевых отбросов, а некоторые снова садились на палубу, и тогда весь спектакль повторялся.

В тихую погоду играли в волейбол. Мяч привязывали к длинной тонкой рыболовной леске, леску прикрепляли где-нибудь повыше, площадку огораживали сеткой, чтобы мячик не улетал за ее пределы. Играли в две команды через обычную волейбольную сетку, перегораживающую палубу на две части.

Солнечная погода была благоприятна для покраски судна. Старпом и боцман, ответственные за состояние палубы, постоянно канючили у Сергея помощников из науки.

Конечно, инженеры и научные работники — не палубные матросы, но и отказать было не совсем удобно: научные работы были почти закончены и сотрудники, то купались в бассейне, то загорали, то празднично фланировали по судну. Приходилось подавать им пример, брать в руки зубило, долото и соскребать ржавчину с палубы. После этого можно было приглашать к этой работе других. Палуба и надстройки очищались от ржавчины, потом закрашивались сначала суриком, а уже потом зеленой краской, если это была палуба, или белой, — если — надстройка. Во время дрейфа, в спокойную погоду моряки умудрялись подкрасить даже борта судна, вывешивая за борт небольшую веревочную лестницу, или «беседку» — доску, продетую в веревочную петлю. Забортные работы выполняли, конечно, только моряки.

Польза от таких работ была очевидна: во — первых, люди были при деле. Основное морское правило — любой ценой избегать безделья на судне. Отсюда и известное выражение: «драить медяшку». Часто моряки подшучивают над новичками, заставляя их либо точить якорь, либо продуть макароны. Одним словом, — делай, что хочешь, но не сиди сиднем. Во — вторых, судно постепенно принимало опрятный, даже нарядный вид, что поднимало жизненный тонус моряков, находящихся в длительном плавании. Наконец в-третьих, судно после этого похода без задержки должно было идти в северные моря, где заниматься покраской было бы просто невозможно из-за холода и тумана, и, следовательно, эти работы позволяли сохранять судно от полного «ржавления».

Несмотря на суровость Атлантики, погода позволяла не только красить судно, но и выполнять запланированные работы. Уже через две недели все станции были выполнены, все запланированные проектом работы проверены и приняты комиссией, составленной из участников рейса, и Сергей дал телеграмму начальнику об окончании работ и о сроке запланированного прихода в Бухту Тихую — двадцатого июня, в полном соответствии с договором на аренду судна. Через день последовала, как положено, поздравительная телеграмма с выражением благодарности всему экспедиционному и судовому составу.

Однако на следующий день пришел грозный запрос: «На каком основании Вы прервали плановый рейс? Судно должно работать еще две недели в море». Стало понятно, что в экспедиции никто не обратил внимания на то, что судно вышло в море на две недели позже, что из двух заходов в Сингапур был сделан только один, что дата сдачи судна жесткая и корректировки не подлежат. Сергей, как мог, объяснил в ответной телеграмме ситуацию, на что последовал незамедлительный приказ: «Оставаться в районе работ, ждать указаний». Судя по всему, руководство экспедиции обсуждало вопрос продолжения работ с арендодателем и искало выход из сложившегося положения.

А подумать было о чем. Дело в том, что кроме производственного плана, который выражался в количестве выполненных станций, был еще и план финансовый.

Экспедиция запрашивала финансирование согласно утвержденным проектам, это финансирование отпускалось и контролировалось министерством. Невыполнение финансового плана означало, что выделенные деньги, которые могли бы быть потрачены на другие государственные нужды, не реализованы. К тому же и министерство тоже контролировалось, невыполнение плана в денежном выражении означало его плохую работу и могло повлечь соответствующие «оргвыводы». Поэтому финансовый план выполнялся неукоснительно и любой ценой. Если оставались неизрасходованными запланированные судовые дни (судосутки), то их, кровь из носа, надо было куда-то пристроить.

Сергей это понимал и был готов продолжить рейс и выполнить еще несколько станций. Но понимал он и то, что арендодатель — академический институт — не согласится на продление аренды, ибо у него запланированы другие работы, срывать которые он не имеет права. Как и следовало ожидать, через сутки последовала команда завершать работу и следовать в Дакар. Видимо, Палпалыч нашел выход из положения. В противном случае Сергею грозил «строгач», а то и понижение в должности. Но он не стал уточнять детали принятого решения: «Будь что будет». Однако на душе было тревожно.

— Что нос повесил? — спросил Валентин, заглянув в каюту.

— Да как-то муторно все. Вот, смотри. Одни судосутки стоят нам около четырех тысяч долларов. Мы, завершив работу на полмесяца раньше, сэкономили государству почти шестьдесят тысяч. Это же огромные деньги. А мне, неровен час, могут влечь по полной программе. За что, скажи на милость?

— А за то, что проявил инициативу. Высовываться не надо было. Надо было еще в Порту сообщить начальству, что выполнение плана невозможно, так-то и так-то, подскажите, что делать.

— Ну, конечно! И чтобы это дало? Отменили бы рейс? А как отменить, если работы уже начались? Мне же Палпалыч говорил при выезде, что организация уже заактирована. Да и народ вместе с тобой уже выехал. Возвращать группу, аппаратуру? Это какие же деньги пропали бы? Да и людей мотать туда-сюда не дело. Нет, мы все сделали правильно, а получается, — кругом виноваты. Ерунда какая-то.

— Ладно, не паникуй, все образуется. Что-нибудь осталось от представительских?

— Осталось.

— Ну и пошли к кэпу, отметим окончание работ.

Капитан сидел и что-то строчил на бланке телеграммы.

— Товарищ капитан, мы закончили все станции, можем возвращаться домой. Зашли отметить это событие. — приложив левую руку к виску, отрапортовал Валентин.

Капитан оторвался от писанины:

— Это хорошо, что закончили. Вот и я сейчас со своим начальством закончу, и отметим. Подождите немного, я что-нибудь закусить закажу.

Он открыл один из ящичков письменного стола, вытащил микрофон громкой связи и на все судно скомандовал:

— Буфетчице зайти в каюту капитана.

Через минуту буфетчица зашла в каюту.

— Анята, мигом что-нибудь закусить!

Анята ушла и тотчас вернулась, неся на подносе остатки завтрака и обеда.

— Вот и отличненько, — сказал капитан, закончив писать телеграмму, — сейчас достанем мои домашние соленые огурчики, икорку и маслины из представительских, и будет у нас закусок для персон.

Налили, выпили «за окончание трудов праведных», закусили, потом еще налили и выпили за «бог с нами и хрен с ними», — шуточный тост, подслушанный Сергеем в министерстве. И стало им хорошо: потеплело, посветлело, полегчало. Вспомнили, наемни Валентин обещал посмешить забавной историей. Он не отнекивался:

— Довелось мне однажды работать в Антарктиде. Возвращались мы на грузовом пароходе, жили в трюме ниже ватерлинии, без иллюминаторов, как в подвале. Теснота ужасная, кондиционера, естественно, нет. Изматывались вусмерть. Кое-как дошлепали до Рио-де-Жанейро. Там — кайф: стоянка аж целых три дня. В последний день тройками разбежалась по городу. Ко времени отхода все были на месте, но одна тройка вернулась двойкой. Старший сказал, что третий, наш техник, уже и не молодой вроде бы парень, отбил от них еще утром. Они его долго искали, ждали до последнего момента, но так и не дождались. Комиссар — замполит и капитан начали спорить: первый говорит, что де надо ждать, а капитан, естественно, что ждать нельзя — причал денег стоит немалых, да и график движения срывать нельзя. Первый порывается бежать в город, искать беглеца всей командой, а капитан — сообщить полиции, в консульство и рубить концы. ЧП, скандал! Дело понятное: первому по-

мощнику-замполиту за побег, кроме выговора еще и перекроют кислород, — должности своей ему не видать, как своих ушей. Капитану тоже за побег достанется, но, в целом, — «не его вахта», — за народ отвечает комиссар. Вот уже и буксир подошел, чтобы страховать отход нашего парохода, уже и власти на борту, а беглеца-техника нет, как нет. Решили, что он захотел покинуть Родину и остаться в Бразилии. Мало ли таких. Замполит уже смирился со своей недоброй судьбой, капитан уже пошел в рулевую, чтобы командовать отходом и вдруг все услышали истошный вой сирены.

К причалу, лихо подкатил большой, открытый полицейский джип, набитый симпатичными бразильянками, среди которых — наш герой. Как ни в чем не бывало, он расцеловался со всеми девочками, похлопал по плечам полицейских, и, как кинозвезда, медленно поднялся по трапу, то и дело оборачиваясь, посылая воздушные поцелуи, в ответ на которые, девочки, прыгая и хлопая в ладоши, орали что-то на своем португальском, демонстрируя безудержный восторг и несусветную радость.

Загулявший техник сдал свой паспорт, власти дали добро на выход, пароход отвалил от причала и пошел на родину. Первый помощник, естественно потребовал, как полагалось, объяснительные со всей тройки, провел суровое расследование, крепко пожурил нарушителя. Вы же знаете, в море выговоров не записывают, приговоры не оглашают. Разбор полетов — это дома. Правда, впрямь, до самого Ленинграда техника лишили берега. Не знаю, законно ли это, но всем было понятно, что не отделается он таким наказанием, что ему надолго закроют визу. Когда я спросил его: «Чего это ты так загулял? Теперь закроют визу, кукуй на берегу». А он мне: «Ну и хрен с ней, с визой, мне больше ничего и не надо. Я все получил, что хотел и ни о чем не жалею». Его лишили визы на пять лет. Потом открыли, и, насколько мне известно, больше он никогда не опаздывал.

— Поди, остепенился, — сказал Сергей.

— Кто его знает. Может, женился, а может, действительно, получил тогда в Рио все, о чем мечтал.

— О чем мечтать мужику, если дома секса нет? — хмыкнул капитан. — Парень просто попал на девочек из борделя и не сдержался. А там, в борделе,— все, что надо,— вот он и обалдел. Хорошо, что девочки и полицаи людьми оказались, могли ведь обобрать, избить, да выбросить на улицу без документов. Вот тогда он бы пропал навсегда. Рисковал парень сильно. Да что там Рио. Вот придем в Антверпен, если отобью, увидите, что такое секс; там он на любой вкус.

— Наверное, очень он им понравился, техник наш. Ах, как они его провожали! Как провожали! Слов нет! А наши парни на Кубе — тоже нравятся девушкам. А в Голлулу, помните, — их даже бесплатно обслужить собирались, — припомнил Валентин,— и что же у нас получается, что не только русские женщины самые красивые, что и мы, русские мужики, тоже не лыком шиты. Выпьем за нас, за мужиков!

Как за такое не выпить?..

— Капитан, а почему это тебе надо «отбивать» Антверпен?

— Так мое начальство надумало валюту беречь и сэкономить еще на одном заходе. Видать, понравилось, что мы сами уже один сократили. Хитрозадые они очень. Телеграмму мне прислали: «У вас будет Дакар, а оттуда напрямиком в Бухту Тихую топайте, или — сейчас напрямиком в Антверпен, но без Дакара». Дурачками прикидываются. Знают ведь, что от Кубы, да с вашей работой без захода нам до Антверпена не дойти. Значит, Дакар никак нам не пропустить. От Дакара до Архангельска дойти, конечно, можно, но тогда — прощай отоварка. Меня же тогда экипаж удушит. Они все деньги копили для Антверпена, и на тебе. Вот я сейчас и напомнил начальству случай, когда они заход отменили, а экипаж, в отместку, «починил» судовой двигатель, да так, что не только заход пришлось вернуть, а еще и док потребовался, и перерасход валюты составил триста процентов против плана. Вот пусть теперь и думают, что делать. Благо время у нас есть. А скоро и Дакар.

На том, оставив капитана, они разошлись по своим каютам, а утром вдалеке показалась печально знаменитая

крепость в Дакарской бухте. Эта крепость долго была оплотом рабовладения, которое процветало здесь под знаменами Португалии и Испании. Приняв на борт лоцмана, судно довольно быстро подошло к причалу, на котором его уже поджидали несколько торговцев, разложивших свой нехитрый товар прямо на причале. Все были по-настоящему чернокожими, в отличии от кубинцев, казавшихся отменно загорелыми. Видимо, мулатов тут либо совсем не было, либо было существенно меньше, чем в Америке. Торговали масками из красного и черного дерева, парфюмом и, как ни странно, советским военным обмундированием: кители, тельняшки, фуражки, галифе и прочие военные прибабасы. На всех торговцах были надеты вязаные шерстяные шапочки (очень похожие на те, которые выдавали участникам антарктических экспедиций), а один важно красовался в русской меховой ушанке.

Пришвартовавшись, капитан приказал немедленно поставить дополнительную вахту на корме, а не только у трапа, как обычно.

— Зачем такая охрана? — спросил, Валентин.

— От пацанят чернокожих. Залезут на корму и отвинтят все медное, а, если удастся, то и все железное и чугунное.

— Зачем?

— Кто их знает, может быть, на поделки какие, может, на металлолом. Тут же беднота беспросветная. Нигде такой не видел. Посмотри на торговцев. Чем только не торгуют. Им ведь мало кто деньги платит. В основном — натуральный обмен.

И верно, опытные моряки выходили на берег с солидными сумками, набитыми всякой всячиной: одеколон, мыло, духи, сигареты, мелкие сувениры. Конечно, все это не поощрялось руководством судна, но на такие мелочи закрывали глаза. Валюты у моряков было не много, а приобрести что-либо на память хотелось всем. Вот и меняли. Естественно, там где обмен, там и обман, а где обман, там и воровство. Потому на собрании перед заходом первый помощник предупредил, чтобы все держали ухо

востро, были очень внимательными к своим сумкам, сумочкам и карманам. Карманников в Дакаре — как нигде. Особенно на базаре, в толкучке. Вместе с деньгами могли вытащить и паспорт. А это уже ЧП, ибо без паспорта назад, в черту порта, не пустят, и вообще не выпустят из Дакара. Были случаи, когда моряки надолго застревали в Дакаре, потеряв свои документы. Незадолго до захода Поддубного в Дакаре произошел такой случай: на базировавшихся там советских рыболовных судах проводились смены команд. Команды рыбаков прилетали самолетами, пересаживались на суда, рыбачили, а рыбу сдавали либо в Дакаре, либо в Лас-Пальмесе, там тоже стояли наши рыбаки. Дакарская шпана заучивала нехитрые русские фразы, а потом вызывалась быть проводниками у доверчивых советских рыбаков, пожелавших посмотреть город. Признав в дружелюбных чернокожих мальчишках своих младших братишек, — как же: лопочут по-русски, — будь здоров как! — рыбаки доверчиво расслабились. Мальчишки их обокрали и оставили на окраине сенегальской столицы без денег и документов.

Бывали случаи совсем курьезные: если моряк крепко держал в руках сумку и контролировал карманы, с него могли сорвать берет, кепку, шапку — все, что можно. Но — волков бояться... Вот и посещали в Дакаре, главным образом, базар да мелкие лавки. А что еще было делать? Ведь кроме дворца президента, смотреть здесь было, практически, нечего. Центр города был застроен весьма примитивными домами, а на окраинах гнездились жалкие лачуги. Все в пыли, пекло — неимоверное. Возможно, были где-то и кварталы богатеев, но моряки до них, как правило, не добирались, и бродили вокруг морского порта и базара. Сергей с Валентином тоже вышли побродить и купить каких-нибудь сувениров. На улицах, на базаре, в магазинах, уличные торговцы предлагали маски, ожерелья, амулеты, в которых основным элементом, как правило, был засушенный орех кола. Цена изделий мало зависела от их размеров, рода дерева, качества отделки. Приходилось, как и в Сингапуре, торговаться. Однако, если в Сингапуре торговцы, в конце

концов, уступали, то тут торговались меньше, и казалось, что торговцу не так интересно продать товар, сколько просто поговорить, принять участие в процессе. Какой-то высокий подросток неожиданно сорвал с головы у Валентина его летнюю, белую шапочку с рисунком Петропавловской крепости, сунул ему в руки амулет и не торопясь, но и не медля, скрылся в толпе.

— Вот те на, — удивился Валентин, — он же нам показал, как надо заниматься обменом.

— Да ты что, — возмутился, Сергей, — мы же должны пример показывать.

— А что плохого, если мы подарим аборигену кепку, или значок, а он нам маску или бусы из красного дерева?

Подумали, подумали и после обеда, захватив с собой кожаные портмоне и значки, которые Сергей всегда возил в большом количестве для обмена на значки других стран, (увы, без успеха), надев нарядные летние шапочки с видами Ленинграда, двинули на базар. Успех был потрясающий. Валентину сразу же предложили за шапочку красивую маску из красного дерева, Сергей сдал свою шапочку за маску поменьше, но зато из светло-желтого дерева. Позже оказалось, что обе сделаны из крашеной пальмы, но в тот момент этот гешефт казался им восхитительным. За такие же маски с них ранее требовали солидные деньги, отдавать которые не хотелось, а посему они оба лишь пускали слюнки. Но самый большой эффект произвели на торговцев кожаные портмоне: за них дали по маске из настоящего черного дерева. Маски, конечно, были небольшие и не ахти как сделанные, но зато дерево было настоящее, черное, тяжелое, без обмана. Значки шли похуже, но и их удалось поменять на несколько амулетов и ожерелий из засушенных местных плодов и орехов колы.

После столь выгодных «ченчей» грех было не «обмыть товар». Вечером, сидя за чаем в каюте, Сергей уговаривал себя и Валентина: ничего худого они не сделали, «ченч» не контрабанда:

— Нет, ну ты скажи, — пытал он Валентина, — мы ведь не торговались, они ведь сами у нас брали наши

вещи, а потом дарили нам свои маски и амулеты?

— Ну и что ты суетишься. Во — первых, никто не видел, во — вторых, все наши совки меняют все, что можно и все, что не можно, на все, что дают. В-третьих, мы, действительно, ничем не торговали, ибо не знаем ни слова по местному. У нас брали на память, и нам дарили на память. Уразумел?

— Уразумел, уразумел, но как-то все это...

— Вот и я говорю: как-то... Не хотелось бы за эти цапки отдать свои месячные суточные. Ты цены магазинные припомни. Смекни, сколько бы нам пришлось отдать бабок за эти маски. Сообразил? Да ты в Антверпене на сэкономленную валюту два ковра себе купишь! Не щелкай клювом, студент, все окей!

— Не по себе как-то. Я тебе не рассказывал, — Сергей замялся, — как-то в экспедиции на парткоме разбирали группу ребят. Они затарились в Мурманске напильниками, небольшими пилами, наборами для зубных врачей и прочими мелочами, которые хорошо идут в Дакаре на обмен. А кто-то стукнул. Перед отходом на судне устроили шмон. Нашли их закрома. Ящики были хоть и экспедиционные, не именные, но все принадлежали одной группе из четырех человек. Всех четверых сняли с рейса за контрабанду. Пришлось задержать выход судна, в спешном порядке присылать замену, а героев — на ковер в экспедицию. Мы их, конечно, пропесочили на бюро, потом пытались отмазать через райком и обком; парни то все хорошие, да вот халява попутала. Никаких результатов, — все инстанции твердили одно — «контрабанда». Несколько лет они были невыездными. А там всего-то этих железок «с гулькин нос».

— Тут, дорогой, есть правило: если количество чего-то в пределах личной необходимости, это не контрабанда, контрабанда — если больше. Ребята взяли вещи, которые вообще не нужны для личного пользования, да еще в количестве и ассортименте, которые никак на производственную необходимость не потянут. А у нас с тобой все чисто. Мы поменяли свои личные вещи, то есть — обменялись сувенирами! Понял? И никаких других

мыслей у тебя быть не должно. А то брякнешь кому-нибудь, потом тебя же за контрабанду и упекут. Ложись спать...

На следующий день группа моряков и науки поехала на автобусе посмотреть местную достопримечательность: «национальную деревню», — а заодно — купить подешевле маски. Сергея и Валентина задержали организационные дела. Неожиданно агент пригласил капитана, Сергея и Валентина покататься на машине по городу и побывать на самой западной точке Африки. Из окна лимузина, да еще с кондиционером, город не казался таким удушливо пыльным, да и агент выбирал дороги почище. Однако, времени было мало — предстоял отход — и пришлось довольно быстро выехать за город. Шоссе близко подходило к обрыву, с которого открывался величественный вид на океан. Самая западная точка Африки никак не была обозначена. Внизу, под обрывом, гулко накатывал прибой, виднелись вынесенные им дары моря: доски, бревна, какие-то мелочи. Где-то у горизонта маячили небольшие суденышки, видимо, местные рыбаки, вдалеке еле-еле полз большой океанский лайнер. Все было буднично, обыкновенно. Подумав, решили не спускаться с обрыва и покатали на судно. Вот и весь Дакар, Сенегал, экваториальная Африка.

Отход состоялся после обеда, к которому успели даже приунывшие участники экскурсии. Оказалось, что в деревне все сувениры стоили дороже, чем у портовых лотошников, а сама деревня только тем и отличалась, что была построена из ветхих избушек с соломенными крышами. Под этими соломенными крышами скрывались точно такие же магазинчики, а по улочкам сновали такие же продавцы сувениров, как и в городе и на базаре. Правда, по деревне бродили мужчины и женщины в национальных нарядах. Вернее, практически, без нарядов, а только в набедренных повязках. Девушки-сенегалки экскурсантам понравились, но после роскошных кубинок и очаровательных гаитянок они не производили особого эффекта.

На причале, как и в день прихода, на невыносимой жаре тихо сидели несколько продавцов, наряженных в

шерстяные шапочки, шапки-ушанки, матросские тельняшки, военные кители, и так же, как тогда, торговали своими масками и амулетами. Они без каких-либо эмоций проводили глазами отбывающее судно. Прощай Дакар, прощай некогда знаменитый на весь мир рынок черного золота! Как хорошо, что нынче золотом этим перестали быть люди, а стала обыкновенная нефть...

8. Антверпен

После пыльного Дакара хотелось помыться: погреться в стоградусной сауне, постоять под забористым ледяным душем, посидеть в судовой баньке. Сергей с Валентином собрали узелки и пошли вниз. Однако дежурный матрос сказал, что воды нет.

— Вот те на! — Сергей аж подпрыгнул, — да я же сам подписывал счет на прием воды!

Матрос покачал головой:

— Не знаю, что вы подписывали, но воды в баках нет. Вот наварим часа через четыре, — тогда и приходите.

— Пошли в каюту, — потянул Сергея за руку Валентин.

В каюте он повертел пальцем у виска:

— Ты зачем сказал ему о счетах? Он еще черт знает что подумает.

— А что он может подумать?

— Все, что угодно. Подумает, что шланг где-то переломился, что система сломалась. Еще тревогу забьет.

— Но я же, действительно, подписывал счет в валюте на прием воды. Капитан сам меня пригласил, когда у него сидел агент.

— Ты что, вчера на свет народился? Счет действительно был, а воды не было.

— Как так?

— Нет, ты, правда, живешь в розовых очках. Да это же коронная хитрость многих капитанов. Счет агенту выписывают, воду не забирают, а деньги пополам. Но эта афера возможна только на тех судах, где есть мощные опреснители, в которых из морской воды можно нава-

рить пресную. Так что, не бойсь, без воды не останемся. А что капитан прихватил немного денег — не суть и важно. Давай-ка лучше вспрыснем отход, а за одно выпьем за то, чтобы не отменили заход в Антверпен.

Выпили по рюмашке. Вдруг стук в каюту. Ба! — Василий Штаров собственной персоной. На сей раз — день рождения дочери. Сергей заерзал на стуле — дурацкая ситуация: с одной стороны, и ему понятно: Вася Штаров — вымогатель, его надо выгнать вон и ничего не давать; с другой, — делать это с рюмкой в руках, — не ловко как-то. Выход нашел Валентин: он быстро опрокинул рюмку и так же быстро, чтобы опередить разинувшего рот Сергея, выпалил:

— Ну, старик, ты чуть-чуть опоздал. Вот, последнее выпили при тебе.

Штаров не обиделся. Тихо сказал: «Ну, что ж, значит не судьба», — и вышел из каюты.

— Что рот разинул? Рюмка — не микрофон. Или речь хочешь произнести? — заржал Валентин, глядя на изумленного Сергея.

Пока Сергей пережёвывал это событие, в каюту зашел капитан с телеграммой в руках:

— Ну, что я говорил! — горделиво оглядел он собутыльников: — Заход в Антверпен утвердили! Да вы, смотрю, уже знаете! Пьёте за матушку Европу? Это кто ж вам стукнул? Радист, шельма?

— Да нет, — рассмеялись научники, — тут у нас свои заморочки, присаживайтесь. Ничего мы не знали. Ну, за Антверпен!

Выпили.

— Еще по одной, чтобы обогнать антарктическую экспедицию, — сказал капитан, наливая.

Выпили.

— А зачем ее обгонять? — спросил Сергей.

— Они идут, кажется, из Рио со сменой зимовщиков. Народу больше ста человек, у всех валюты не меряно. Сметут все за пару дней, торговцы цены и задерут. Одна надежда на циклон. Мы их чуть-чуть обогнали. Если Бискайский залив проскочим, — опередим их дня на три-

четыре. Нам этих дней вполне достаточно для нормальной отоварки. Ну, с богом!

Капитан выпил и пошел отсыпаться перед Бискайским заливом: там не поспишь. В Бискайском заливе редкий день обходится без сигналов СОС. Поэтому не любят его моряки и часто, когда идут на север, обходят его, оставляя Англию справа. Но «Поддубный» не мог себе это позволить: он торопился в Антверпен.

Сергей с Валентином посидели, посудачили о вреде алкоголя на некоторых слабых товарищей, готовых ежедневно праздновать дни рождений своих многочисленных родственников, потом сходили в баню, воду для которой уже наварили, и, блаженно усталые и немного хмельные, залегли в койки — впереди был Бискайский залив...

Проснулись под утро от звона тревоги. Судно, уже на выходе из залива, который, хоть и штормил, но вполне терпимо, вдруг стало клевать носом. Проверка показала, что в носовой трюм поступает вода. К счастью, вода была не очень холодной и кто-то из моряков, после нескольких погружений установил, что хлещет из плохо закрученного крана на трубе, которая каким-то образом связана с забортной водой. Видимо, кран раскрутился от сильной тряски на штормовой волне.

В трюме хранились запасы спиртного, сильно уменьшившиеся за время рейса. То есть он был относительно пустой, к тому же груз — чистый, нерастворимый — бутылки. Это обстоятельство и помогло быстро найти источник поступления забортной воды. Трюм был чистенький, не в пример прочим, поэтому ничто не мешало матросам в темпе устранить неисправность: закрутили кран, откачали воду, судно выровнялось и полетело на «отоварку». А о том, что могло бы случиться, если бы вахтенные матросы не заметили дифферент, или вода была бы такой холодной, что без водолазных костюмов работать в ней было бы невозможно, или, окажись в трюме крупы, или сахарный песок, да что угодно, растворимое в воде, — об этом даже думать не хотелось. «Если бы, да кабы, то во рту росли б грибы» — народная мудрость всегда права.

Перед тем, как попасть в Антверпен, каждое судно должно пройти несколько десятков километров по реке Шельде. Так и «Поддубный», приняв на борт лоцмана в дельте реки, быстро побежал по ее мутно-коричневатым водам. Сама по себе эта лоцманская проводка ничем особенным не отличалась. Судно шло по реке, берега которой были выше полей, пастбищ и поселков, расположенных ниже ее уровня. Пастбища были разбиты на аккуратные квадраты. В одних квадратах паслись коровы и овцы, другие квадраты тем временем отдыхали. Во все глаза изучая невиданные доселе окрестности, свободные от вахт и работы люди не заметили, как пролетели несколько часов, и судно зашло в город и пришвартовалось на набережной реки, почти в самом центре.

Все необходимые формальности были завершены до вечера, а утром команда занялась долгожданной «отоваркой», одним из центральных элементов которой было приобретение подержанных автомобилей. Эта процедура включала в себя не только поиски подходящего авто, но и тяжелую работу с капитаном, который мог дать, а мог и не дать место под погрузку — пароход не резиновый. Но: вопрос решен — пора на дело!..

Автоторговцы находились прямо на пристани, но знатоки шли на рынки, где тоже продавались иномарках десятилетней и большей давности. Моряки и наука, «буржуи», умудрившиеся скопить солидную сумму, приближающуюся к нескольким сотням долларов, могли позволить себе торговать более молодые машины. Однако авто семи- пятилетней давности были, практически, не доступны: они считались новьем. Рядом, опять же прямо на берегу шла бойкая торговля подержанными шинами. В Европе требования к изношенности резины были строже, чем в России, и шины, которые у нас считались вполне пригодными, здесь безжалостно вывозились на свалки. Кто-то из наиболее продвинутых отоварщиков разузнал адреса этих свалок и стал собирать компаньонов, чтобы заказать автобус и ехать за «макулатурой» — не на себе же ее таскать.. Прослышав об этом, капитан

договорился с агентом об эксклюзивной — для начальства — экскурсии на свалку.

— Подбери мне тоже несколько колес,— попросил Валентин Сергея.

— Да я не собираюсь ничего брать, я только посмотреть, у нас что, своих колес нет?

— Чудак ты, парень, мягко говоря. Наша резина, в основном, состоит из сажи, а в этих — каучук. На их подержанной резине ты проедешь ровно столько же, сколько на нашей новой. Усек? Так что, не дури и, если сможешь, набери колес побольше. Не прогадаешь.

— А сам почему не едешь?

— Да не могу я! — Валентин в сердцах махнул рукой. — Мне жена сделала заказ на несколько серебряных цепочек для нее и всех её родственниц. Говорят, это самый выгодный подарок: ювелирка знатная, но — дешевая. Но в ближайших магазинах я не нашел, придется бегать по городу. Если бы не эти дурацкие цепочки, обязательно поехал бы.

Пришлось Сергею ехать вдвоем с капитаном. Недалеко за городом, действительно, была устроена весьма цивилизованная, огражденная забором свалка самых разных металлических и резиновых отходов: старые велосипеды, холодильники, стиральные машины, аккумуляторы, микроволновки и прочие полезные в быту вещи. На свалке копошилось немало людей, которых за умеренную плату впускали охранники; среди них — и свои, «поддубновцы».

— Это местные мелкие торговцы, — пояснил агент. — Они собирают то, что еще можно продать и везут на причалы, где стоят суда из восточно-европейских и азиатских стран. Кстати, автомобили, которые продают у причалов, тоже подбирают, либо на свалках, либо — по ближайшим фермам. Подержанные машины на причале всегда немного дешевле, чем на автостоянках-рынках, где за парковку надо платить, но качество их, что там, что там, я вам не гарантирую. Но, как я понял, вас интересует только резина, так?

— Да я, в общем-то, хотел посмотреть, — промямлил

Сергей, представив возможность встречи здесь, на свалке, со своими сослуживцами.

Агент, видимо, угадал причину его замешательства.

— Хорошо, — сказал он, — я отвезу вас к загородной бензозаправочной станции, где работает шиномонтажная мастерская. У них куча ненужных колес. Везти?

— Везите,— уверенно сказал капитан, которого тоже не радовала встреча со своим экипажем.

Спустя минут десять, агент остановил свою машину у какой-то бензозаправки, что-то сказал продавцу, который внимательно выслушал его и кивнул головой в знак согласия. Агент заехал в прилегающий к станции дворик, где размещалась шиномонтажная мастерская, а в ней — несколько высоких штабелей автомобильных покрышек, видимо, подготовленных для вывозки на свалку, или в утилизацию.

— Выбирайте. Если что подойдет, берите, сколько хотите. Только потом все штабели приведите в порядок.

Сергей с капитаном довольно быстро выбрали десятка два более или менее приличных покрышек, покидали их в небольшой кузов, и, приведя штабель в порядок, уселись в машину.

— Можно ехать,— вежливо спросил агент?

— Можно,— ответил капитан.

— Если хотите, здесь можно бесплатно подобрать подержанные аккумуляторы,— продавец разрешил. Можно очень дешево купить у него подержанные автомагнитолы. Не желаете? — агент был сама любезность.

— Нет, нам хватит, спасибо, — буркнул Сергей, которому было как-то не по себе: ему хотелось поскорее уехать отсюда. А капитан промолчал, видимо, думая о чем-то своем.

Вскоре они подкатали к борту «Поддубного». Капитан, пометил мелом покрышки, которые выбрал для себя. Остальных покрышек вполне хватило и для Сергея, и для Валентина. Разделив их по-братски, сложили в запирающуюся экспедиционную коптёрку, чтобы в случае каких-либо вопросов у таможенников, выдать покрышки за судовые — старые покрышки часто используются на

судах, как подручный материал при погрузках, причаливании, или для крепежа.

Тем временем на палубе немногочисленные счастливики, побывавшие на загородной свалке, упаковывали добытые там велосипеды, микроволновые печи и другую халяву. Некоторые умудрились привезти даже стиральные машины и холодильники. Тут же, на палубе уже стояли автомашины, готовые для основательного, надежного крепежа. Их рассматривали и обсуждали с особым пристрастием.

— Пойду-ка я, Валя, в каюту. Что-то тошно мне смотреть на все это, — сказал Сергей и пошел с палубы.

— Ты что закуксился? — Валентин был весел и смешлив. — Жалко покрышек, которые мне отдал, что ли? Так я могу либо вернуть, либо возместить цепочками. Что тебе больше по душе?

— Да при чем тут покрышки, — вяло сказал Сергей, но сразу приободрился: — А у тебя что, есть лишние?

— А как ты думаешь? Разве я когда бросал товарища в беде? Конечно, есть. Смотри, какая прелесть! Жена расцелует.

Валентин вытащил из кармана крохотный пакетик, в котором действительно оказалось десятка два ажурных, тончайших серебряных цепочек. Рассыпанные по столу, они казались настоящими драгоценностями.

— Валя, — изумился Сергей, — куда ж тебе столько?

— Я же сказал: хочешь уступлю, не хочешь, я их дома раздарю, а оставшиеся, — продам. Пойдут нарасхват, как по маслу.

— А сколько можешь мне уступить?

— Да сколько хочешь.

Сергей прикинул, сколько родственников в его семье; насчитал пятерых. Сказал Валентину, не надеясь на положительный ответ.

— Нет проблем, бери пять.

Щедрости друга не было предела. Сергей отсчитал пять цепочек, расплатился, подсчитал оставшиеся деньги и опять впал в уныние.

— Что случилось? Денег мало осталось?

— В том и дело, что не мало, а шляться по магазинам уже осточертело. Надоело гоняться за шмотками, тем более, что дома еще с прошлого рейса все уже есть: радиотехника, ковры. А на машину все равно не хватает. Придется везти валюту домой.

— Да ты совсем сдурел — везти домой! Что ты там с ней делать будешь? Поменяешь на боны, а потом пойдешь в «Альбатрос»? Там все на порядок дороже, чем здесь. Ты посмотри, какие мужики на судах работают! Умницы! Золотые руки! Ты что думаешь, они за рубли, хоть и с тремя полярками, или за боны работают? Шиш! За валюту они работают, за отоварку. Купят здесь автомобиль за валюту, а дома загонят его за рубли и получат солидную сумму. То же и — радиотехника, ковры, тюль, — несколько лет назад ее отрывали с руками рулонами, — и все, все, все дома продается в несколько раз дороже, чем здесь. Вот тебе и более или менее приличный заработок. Здесь мы — нищие бомжи, ползающие по свалкам да мелким лавкам, зато дома — уважаемые люди, на «мерседесах» разъезжаем. Пусть на старых, но — на — «мерсах»! Надоел «Мерс» — можно продать и купить себе на вырученные деньги два «москвиченка», или полтора «жигуленка». Усек? А ты: «домой валюту везти».

— Ну, и что же мне с ней делать? Подскажи, если ты такой умный?

— Не хочешь бегать по магазинам, иди в первую попавшуюся лавку и купи ковров. Только, не забудь, — не больше трех. Это таможенная норма. Привезешь ковры домой, отдашь жене, она с ними сама разберется...

Сергей купил один большой ковер и два средних, завез их на судно, а на оставшиеся деньги ушел в кутеж: купил кучу мороженого, упился кока-колой и прогулял допоздна по городу: посмотрел и знаменитую Главную площадь, утопающую в море цветов, и старый город, и дом Рубенса, и даже картинную галерею. А когда затемно вернулся на судно, Валентин шепотом его спросил:

— Ты на улице красных фонарей был?

— Нет, не был, — так же шепотом ответил Сергей, не понимая, о чем идет речь.

— Пошли, тут недалеко. Завтра некогда будет, отход, а доведется еще зайти в Антверпен, или нет, кто его знает. Пойдем, это интересно.

Улица красных фонарей была действительно недалеко от причалов. Красные фонари действительно висели над дверями, выходящими на улицу. Некоторые горели, некоторые — не горели. Первые этажи были сплошь заняты стеклянными витринами. Около каждой витрины располагалась дверь, над которой и висел фонарь. Одни витрины были затемнены, другие — ярко освещены, но и там, и там сидели полураздетые женщины.

И каких только красоток тут не было: и молодые, и пожилые, и черные, и белые, и тощие, и пухлые, и карлицы, и даже явные инвалиды. Некоторые, видимо, победнее, у которых плохо шел этот бизнес, занимали места у дверных окон. В одном таком окне обнаружился непрерывно танцующий молодой человек. Никто из продающихся не делал никаких призывных знаков — это было запрещено. Но при первом проявлении интереса, женщина в витрине вставала, подходила поближе, поворачивалась, чтобы показать свой товар лицом и предлагала подойти к двери для переговоров. Сергей и Валентин старались незаметно, как филеры, следить за процессом. Полицейских или охранников не было. Все проходило очень цивилизованно и спокойно. Клиенты подходили, переговаривались с женщинами у двери, иногда входили внутрь, и тогда фонарь гас, а занавеска на витрине задерживалась. Иногда, после переговоров, шли к другой витрине, видимо, их не устраивала цена, или условия, или женщина при ближайшем рассмотрении оказывалась не такой, какой смотрелась в витрине. Побродив вдоль витрин, Сергей с Валентином отправились на судно, по пути обсуждая полученные впечатления.

— Это надо же, как поставлено дело! Не то, что на Кубе: «Уно писета, уно синьёрита». Даже на Гавайях таких кварталов радости для бедноты нет. Прав, кэп: тут секс — не им чета.

— Это точно, — согласился Валентин. — Тут, видимо, в

основном, моряки подвизаются, поэтому и работают «красные фонари» возле причалов. А знаешь что в Голландии, Дании, Нидерландах и других странах проституция разрешена законом? Путаны платят налоги, имеют свои профсоюзы, медицинскую страховку, охраняются государством, как все прочие. А у нас? Формально проститутток нет, а на деле? Шляются шлюшки по улицам, ошиваются возле отелей, где живут иностранцы, а налоги с них сдирает не государство, а сутенеры.

— Похоже, ты прав. Только мне кажется, что и у нас недогиб, и тут перегиб. Как то уж очень все это промышленно выглядит. Любовь не морковь, все-таки.

— Какая на хрен любовь? Обычные сексуальные услуги. Впрочем, тебе, с твоим коммунистическим воспитанием понять это трудно.

Зашли к капитану, справиться о планах на следующий день, а там — новенький музыкальный центр. Из приоткрытой дверцы шкафа выглядывала дубленка, которую он, видимо, рассматривал и убрал при стуке в дверь.

— Как с планами? — спросил он, не дав им поздороваться, и, не дожидаясь ответа, видимо, приняв уже какое-то решение, продолжил: — В принципе, мы можем простоять еще до середины завтрашнего дня. Но нас просят освободить этот причал для «Щукина», того самого, что идет из Антарктиды. Он придет в Антверпен завтра. Нам предлагают другой причал, но далеко за городом. Полагаю, нет смысла. Оттуда до города пешком полдня добираться, а такси стоит, сами знаете. Да и на палубе все места для машин уже заняты, все купленные машины установлены и закреплены. Думаю, никто из экипажа не пострадает. Если у вас, — он обратился к Сергею, — возражений нет, мы прямо с этого причала завтра утром уйдем домой. Вы все сделали, что наметили? Возражений у членов экспедиции, надеюсь, не будет. Мы простояли обещанные три дня, все должны быть довольны?

— Думаю, вы правы, возражений нет. Назначайте отход на завтра.

Прощались, и Сергей пошел готовиться к завтрашнему отходу.

Весь вечер и даже ночью моряки и наука разбирались со своими покупками. Особенно много хлопот было с автомобилями, которые занимали всю палубу. Проблема была в том, что ставить автомобили на носовую палубу было нельзя — при шторме её захлестывали соленые брызги, а на корме места было немного. Тем не менее, матросам и боцману, удалось закрепить на ней несколько машин, которые существенно изменили силуэт научного судна, придав ему вид грузового.

Рано утром прибыл лоцман, судно отдало швартовые и пошло вниз по реке, которая, как и три дня тому назад, величаво и деловито возвышаясь над зелеными полями и нарядными фермами, вывела «Поддубный» в Ла-Манш. Лоцман сошел с борта, судно дало прощальный гудок и снова побежало на север, домой в порт Бухта Тихая, который на какое-то время должен был стать для «Поддубного» родным домом. Хотя, кто знает, что есть для моряка родной дом? Наверное, только море...

9. Возвращение

«Поддубный» полным ходом бежал через Северное море, мимо Норвегии к родным берегам. Пару дней, как всегда после захода, экипаж и наука взволнованно перебирали свои покупки, делились впечатлениями. Особенно не спокойно было счастливым собственникам купленных автомобилей. Больше всего их волновал прогноз погоды. Ведь, если заштормит, надо успеть прикрыть чем-то свои авто, иначе соленые брызги вмиг испортят краску, появится ржавчина, победить которую будет очень трудно. Все свободное от вахт время счастливики проводили в своих машинах: изучали описания, рассматривали двигатель, проверяли комплектацию и, что греха таить, присматривали за тем, чтобы кто-нибудь ради забавы, или по вредности что-нибудь не открутил.

Сергей тоже развернул свои ковры и с ужасом увидел, что один из них двойной. Видимо, продавцы, для того, чтобы упростить русским покупателям проходить таможенно,

или по каким-то другим причинам, просто сшили два ковра и скатали их в один рулон, наивно надеясь на то, что советская таможня пропустит эту «липу». Сергей не заметил этой хитрости при покупке, и теперь сидел и думал, как он будет предъявлять таможене четыре ковра, когда ввезти можно только три. Как всегда, выручил Валентин.

— Проблемы,— спросил он, зайдя в каюту,— покупка не нравится?

— Вот, лишний ковер обнаружил.

— Да ты что! Отлично! Объягорить этих проклятых акул мирового капитализма — святое дело. Они нас обдирают как липок, всучивают старье всякое. Если тебе от них лишний ковер достался, — радуйся.

— Ковер не лишний. Я купил один большой ковер, но он оказался сшитым из двух маленьких. Получается, что у меня четыре ковра вместо разрешенных трёх.

— Вот гады! Точно — акулы. Ты думаешь, они о тебе пеклись? Черта с два. Они все большие ковры спустили, а упускать покупателя не хотелось. Вот и всучили тебе два маленьких вместо одного большого.

— Ну и что мне теперь делать? Выкидывать его, что ли?

— Зачем выкидывать? Отдай кому-нибудь. Вот у меня, например, вообще нет ковров.

— Ты что, согласен выдать один ковер за свой?

— Запросто. Тащи его в мою каюту, а пройдем таможеню — забирай обратно. Делов то. Заодно проверим, усечет таможенник, что у тебя в одном из ковров два, или не усечет.

— Ну, я твой должник. С меня причитается.

— Ладно, сочтемся, тащи.

Сергей отнес один ковер в каюту Валентину. На душе стало спокойней: «не приведи господь связываться с таможней».

Согласно уже установившейся традиции, во время работы портовой комиссии по досмотру судна после прихода, весь экипаж, кроме вахтенных, был обязан сидеть по своим каютам и дожидаться прихода таможенников. Пе-

ред приходом работала и своя, судовая комиссия по досмотру. Таможенники осматривали сначала все судовые помещения, а потом расходились и досматривали жилые каюты. Иногда досматривали все каюты, иногда — выборочно. Бывало, каюты руководителей — капитана, начальника рейса, первого помощника и главного механика, — не досматривали. Но чаще досматривали всех, кроме капитана, который сам принимал комиссию и, как правило, просто отвечал на их вопросы, касательно своего личного имущества, приобретенного за границей и не нуждающегося в декларации. Для упрощения и ускорения работы таможни все приобретенные товары выкладывались на видное место: диван, стол, кровать. Ограниченные к ввозу коробки с жевательной резинкой, мелкие сувениры, блоки сигарет, бутылки со спиртным тоже выкладывались, а некоторые специально открывались, чтобы создать видимость пользования.

Если таможенник обращал внимание на какой-то товар, было принято предложить ему взять что-нибудь в качестве сувенира: либо несколько упаковок жевательной резинки, либо пачку модных сигарет, либо бутылку заморского вина. Порой приходилось предлагать и другие вещицы: шариковые авторучки с раздвигающимися девицами, зажигалки, цветные платки, шарфики, перчатки... Такие небольшие подарки не считались взяткой, а отсутствие свидетелей гарантировало невозможность взаимного шантажа. В то же время, даже пустяшные безделушки, которые невозможно было приобрести в СССР иначе, кроме как привезти из-за рубежа, были в диковинку, считались большой редкостью, а их владелец мог, в свою очередь, либо продать их, либо подарить. Такой подарок считался весьма ценным.

Таможенники не часто брали подарки, но и не возмущались, если им их предлагали. Они вежливо благодарили и покидали каюту, что означало, что таможенный досмотр окончен, и ты — свободен. Растаможка автомобилей, естественно, требовала большего времени и заканчивалась уже в порту после завершения работы комиссии на судне.

Понятно, что таможенники могли придаться к чему угодно: затянуть на несколько дней растаможку автомобиля, конфисковать излишки сигарет, или блок жевательной резинки, а то и лишний джинсовый костюм, ковер, или магнитола. Поскольку правила провоза часто менялись, а их истолкование было делом сложным и нудным, взаимная вежливость была просто необходима; качать права тут было не принято. Но и вываливать все свое исподнее на обозрение незнакомому человеку было крайне неприятно, и, после его ухода, чувство унижения еще долго сидело внутри.

Через несколько дней после Антверпена вся аппаратура была упакована, все покупки обсуждены и оставалось только ждать прибытия в Бухту Тихую.

— Что-то Штаров не приходит за бутылкой, — вспомнил Сергей и искоса посмотрел на Валентина: — Поди тебя испугался.

— Не думаю. Просто в Антверпене — дешевый питьевой спирт, равно, как и другие спиртные напитки, особенно ликеры. Ты-то ликеров себе прикупил?

— Да, — сувениры для коллег. А ты?

— Взял немного. В основном, чтобы «отбиться» от таможни.

— Что тебе отбиваться? У тебя же ничего запрещенного нет.

— А это для того, чтобы долго не рылись. Если бы было что запрещенное, ликер бы не помог, пришлось бы долларами отбиваться.

Погода благоприятствовала, и судно быстро приближалось к Бухте Тихой. Вечером капитан позвал Сергея и Валентина в каюту, сообщил о планируемом времени прихода, подтвердил, что судно надо сдать в назначенный срок, а потому задержек с разгрузкой быть не должно. Сергей, в свою очередь, гарантировал, что вся аппаратура будет вывезена, практически, в день прихода, а если будет задержка с железнодорожными билетами, весь научный состав покинет борт судна и переберется в гостиницу.

— Ну что ж, друзья, возможно, мы с вами последний вечер вместе, — сказал капитан, — завтра приход, а там у всех дела. Морской закон знаете?

— Еще один? — улыбнулся Сергей. — Кажется, уже все законы мы выучили.

— А вот один остался. Главный морской закон гласит: «вечером принял на грудь, утром — поправил голову». — С этими словами капитан вытащил откуда-то из-под стола очень красивую пузатую бутылку: — Агент в Антверпене подарил. Какой-то уникальный, сказал, коньяк. Попробуем?

— А как же.

Попробовали коньяк и вдруг вспомнили: елки-палки, да ведь они совершили кругосветное путешествие! Выпили за кругосветку, обменялись адресами, снова выпили. Так пузатую и «уговорили», хотя коньяк и рядом не стоял с нашим дагестанским или армянским. А Дмитрий Григорьевич, который с нескрываемым сожалением покидал судно, расчувствовался:

— Соскучился я по дому, а и судно покидать не хочется. Здесь все просто, понятно. Утром спустил ноги с кровати — уже на работе. Помылся, побрился, сделал зарядку — на завтрак, через четыре часа — обед, еще через четыре — полдник, еще через четыре — второй обед. День и прошел. Не хочешь обедать в кают-компании, вызвал буфетчицу. Тут тебе и сауна, и баня, и белье меняют каждые десять дней. Живешь, как в санатории: чистый воздух, режим, порядок и — на всем готовом. А на берегу? Пойдешь в магазин — очередь, все ругаются. Я как-то хотел спросить у продавщицы цену на сардельки, подошел к ней поближе, так на меня как заорут бабки чумные: «куда лезешь, козел старый, ишь, без очереди наострился!». Другой раз — за рулем был. Встал, как умник, перед зеброй, жду, когда все пешеходы пройдут, а мимо меня одна машина, вторая, третья... А я, как дурак, все стою и стою. Сколько же это можно так простоять? Чертыхнулся и тоже поперся, а тут гаишник: «Вы нарушаете, не пропускаете пешеходов». Опять чертыхнулся, дал гаишнику на лапу, чтобы отстал. В конторе тоже проходу нет: заседа-

ния, совещания, секретарши у каждого пупка, как овчарки цепные, стерегут покой своего патрона, а он в это время телевизор смотрит. Одним словом, — бардак на берегу, бежать хочется куда глаза глядят. Вот я, как домой приеду, беру свою собачку — лаечку, мешочек с крупой, солью, сахаром, чаем, патроны, двустволку и — айда в тайгу. У меня в двухстах километрах от Бухты Тихой, в глуши крошечной есть избушка. Её давно срубили профессиональные промысловики. Они ушли дальше, а избушку мне оставили, прибранную и с припасами. Я тоже, когда возвращаюсь в город, все прибираю, оставляю продукты, которые сам не съел, дверь колом припер, и — до следующего года. А, если кто без меня на избушку набредет, найдет все, что нужно: чистый лежак, еду, простецкие медикаменты. Там у меня, как здесь — справедливость и порядок. Что с лаечкой добыли, то и поделили по братски: белочку так белочку, зайчика — так зайчика, глухаря — так глухаря. Иногда и рыбкой баловались. Ну, а если ничего не добыли — сидим, голодаем. Мне-то что — я на пустой каше, да на чае проживу, а лаечка шастает по лесу в поисках добычи: не побегаешь, — не покушаешь. Вот там я отдыхаю, там хорошо, а в городе — одно сплошное расстройство.

Таким душевным и искренним ни Валентин, ни Сергей никогда раньше капитана не видели. Было очевидно, что ему действительно хорошо только здесь, на судне, да в тайге, в глухомани. Они тоже подумали о своих берегах, и тоже взгрустнули. Развивать эту тему им явно не хотелось, равно как и расставаться, но было уже поздно, и они пошли по своим каютам отсыпаться перед приходом.

В полдень подошли к причалу в бухте Тихой. Весь экипаж и наука приготовились к проверкам. По централу сообщили, что комиссия приступила к работе. Сергей спокойно сидел в каюте, выставив на обозрение все свои покупки. Часа через полтора заскучал и позвонил Валентину. Валентин, оказывается, даже вздремнул в ожидании досмотра. Вдруг по централу объявили: комиссия покинула борт судна. Видимо, таможенники не стали ходить по всем каютам, или решили не проверять начальство, доверившись информации, полученной от капитана и су-

довой досмотровой комиссии. Едва они удалились, всех пригласили в кают-компанию, где пограничники бдительно проверили паспорта, после чего граница СССР была открыта...

И сразу хлынула на судно толпа встречающих: родственников местных моряков и сотрудников Экспедиции, которые приехали помочь своим друзьям и коллегам поселиться в гостинице, купить билеты на поезд, а главное — отгрузить и отправить в Ленинград пудовые ящики с аппаратурой и накопившимся за время кругосветки научным грузом.

Всем хотелось первыми встретить мореплавателей, получить подарки, послушать новости. Моряки, которые жили в Бухте Тихой, быстренько разъехались по домам. Наука перебралась в гостиницу и под руководством заместителя начальника Экспедиции по хозяйству (того самого, что вечно зажимал спиртяшку) начала погрузку контейнеров.

На следующий день Сергей выехал в Питер, а Валентин задержался еще на день, чтобы проверить груз. Кругосветка завершилась как-то хлопотно, буднично, словно и не было ее вовсе. Всем хотелось как можно быстрее уехать домой, к родным и близким; все думали только об этом, а о ней забыли.

Дома, раздавая подарки, показывая фотографии и открытки, Сергей ловил себя на мысли, что ощущает какой-то дискомфорт. Вспомнился рассказ капитана. Конечно, бежать в тайгу и прятаться там Сергей не собирался, но ворох проблем и неурядиц, как в семье, так и на работе, свалившийся на него по возвращении, столь резко контрастировал с размеренной судовой жизнью, где все было просто и ясно, что он почти завидовал своему кэпу — отшельнику. Теперь он знал непреложно, почему моряки так рвутся в море: их гонит туда не только романтика дальних странствий, и не только подобная игре в рулетку отоварка, или солидные заработки — нет, их гонит в море еще и берег, неустроенный, трудный, с проблемами и неудобствами.

Если дома у Сергея все быстро улеглось и образова-

лось, то на работе сюрпризы ожидали уже в первый же день. Начальник, как положено, встретил его поздравлениями по поводу удачного возвращения и выполнения плана, однако, попросил задержаться.

— Ты что там натворил в Хабаровске? — вдруг спросил он.

Сергей сообразил быстро: милиционер, видимо, просто хотел от него скорее отделаться и поэтому обещал не отправлять протокол. Соврал, прохвост. Сергей все рассказал без утайки.

— Я так и подумал, что в протоколе сплошная ерунда, но хочу предупредить: ты особенно не распространяйся на счет происшедшего. Мне удалось перехватить протокол у секретаря директора. Теперь замом по режиму и кадрам работает знаешь кто?

— Кто?

— Игорь Федорович. Наш дорогой Угорек. Если бы бумага попало ему, не сносить тебе головы. Протокол я уничтожу, а там, как жизнь сложится. Думаю, что милиция не будет настаивать на ответе о принятых мерах, а у нас никто и не узнает.

— Какие меры? О чем вы? Ведь никакого нарушения не было.

— Я то понимаю, но притянуть за уши можно все что угодно. Например, ты не выполнил финансовый план. Значит, остались неосвоенными большие деньги. Кому отвечать?

— Я же вам все сообщил. Вы разрешили мне следовать в Бухту Тихую после окончания работ, мы сдали судно в срок, выполнили план. Что еще? — Сергей начал нервничать.

— Не кипятись, я это к тому, что притянуть можно. Деньги мы освоили, не бойсь. Работал ведь не один твой «Поддубный». Еще одно судно работало, правда, по другой программе. Вот мы ему и подкинули дополнительный план и твои неосвоенные судосутки. Они были только рады: суток больше и валюты больше. Но, все равно, по твоей программе производственный план выполнен, а финансовый план — не выполнен. Так что, хотя резуль-

таты и отличные, можно и выговор схлопотать. А посему, будь поосторожнее, не лезь в бутылку, когда станут спрашивать: почему то, почему сё. Говори: виноват, извините, так получилось, непредвиденные обстоятельства, или, как говорят моряки — «непреодолимая сила».

— Это перед кем же мне придется извиняться? — опешил Сергей.

— Перед коллегой твоим, перед Угорьком. Я ж тебе говорю — он стал нашим общим начальником, да не каким-нибудь, а по режиму. А это сам знаешь, что означает. Это — тот самый Большой дом, из которого Сибирь видна. Теперь ты все понял?

— Я думал, что с вами уже все согласовано, — тихо сказал Сергей.

— Со мной-то согласовано, но сколько я просижу в этом кресле, теперь уже и сам не знаю.

Палпалыч тяжело поднялся, подошел к окну, полил цветы на подоконнике.

— Мне уже сколько лет? Много лет. А Угорька я мордовал? Еще как мордовал. А он — мужичек мстительный, потому, наверно, его и повысили. Там такие нужны. Я как чувствовал еще до твоего отхода: что-то неладное назревает. Потому и не давил на него, когда он, нарушая график работ, от рейса отказался. Пришлось на тебя надавить, уж извини. Но, все хорошо, что хорошо кончается. Теперь ты у нас — кандидат наук, молодой, перспективный ученый.

— Какой кандидат? Надо еще утвердиться.

— Так ты, оказывается, не знаешь самого главного! — хлопнул в ладоши Палпалыч: — Тебя утвердили через два месяца после защиты. Диплом твой, кандидатский, уже около месяца лежит у ученого секретаря. Беги скорей. Не забудь букет. Но об Угорьке, помни.

Сергей выскочил из кабинета и вскоре ввалился к ученому секретарю с охапкой роз и огромной коробкой конфет.

— Ба, наш мореход вернулся, да еще и с дарами моря! — заулыбалась она.

Сергею стало неловко, что заявился он не с каким-нибудь «колониальным товаром», а с банальным и буднич-

ным презентом, но делать было нечего, не бежать же, право, домой за кораллом.

— Вы, конечно, за дипломом? Иначе и не вспомнили бы старую, сварливую секретаршу Совета?

— Да что вы!? Я только приехал. Только сейчас узнал. Я собирался. Правда!.. — косноязычно оправдывался он.

— Ладно, ладно. Забыли. Вот ваш диплом, любуйтесь на здоровье. Не забудьте сделать несколько копий, зарегистрировать их у нотариуса, одну отдать в отдел кадров, а другие запрятать подальше и в разных местах. Вдруг потеряете оригинал, чем черт не шутит. Да, и обратите внимание вашего отдела кадров на дату выдачи, чтобы надбавку начислили своевременно. Поздравляю вас! Вы — молодец!..

Вот и завершилась его кругосветка. Вот и диплом кандидата наук в руках. Все сложилось вполне удачно. Отчего же так тревожно на душе. То ли в море опять потянуло, то ли тяжелые предчувствия замутили голову: что-то изменилось в стране, пока он куролесил по свету. На работе шептались по углам о каких-то переменах, кое-кто из друзей уехал на запад, что-то совсем уж непонятное творилось в верхах, в Москве.

Но некогда, да и незачем предаваться хандре. Сергей собрал дома друзей, и, что называется, проставился — обмыл свой приход и свою кандидатскую. Друзья галдели, глазели на ковры и кораллы, на маски и открытки, на диапозитивы и фотографии. На душе стало спокойней: «Бог не выдаст, свинья не съест».

Волчѣк стоит пока вертится, и Земля существует пока вертится, и человек живет пока вертится. Земля круглая, Сергей сам это видел и испытал. Круглая и вертится.

Надо вертеться! А там... как жизнь сложится.

Послесловие от автора

Дорогой читатель!

Вы познакомились с повестью, которая вполне может быть названа «Сборник рассказов о морских экспедициях», экспедициях, в которых автору

приходилось участвовать в разных морях, на разных судах (походить, как говорят моряки) в разные годы в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов прошлого века. Поверьте, очень трудно уложить пережитое в рамки короткой повести. Хочется написать обо всём, всем поделиться. Но — обо всём не напишешь. Писать о работе? Тогда получится научно — производственный отчет. Описывать каждый поход отдельно? Тоже как-то сухо и узко-темно, тоже на отчет будет смахивать. Вот автор и решил сложить вместе все свои морские походы в один — кругосветный. В повести описаны реальные события, которые происходили с автором, или с его товарищами по работе, только происходили, в разное время, с разными людьми, на разных судах, в разных портах СССР и Мира. Получился эдакий синтезированный, но вовсе не вымышленный кругосветный рейс, и обобщенные, но отнюдь не вымышленные герои.

Есть такие поговорки: «Весь мир делится на мужчин, женщин и моряков»; и — «Люди делятся на живых, мертвых и плавающих». Только столкнувшись с реальной морской практикой, — не с путешествием на собственной яхте, или на круизном лайнере, — а с многодневной, однообразной морской работой, связанной и с опасностями, и с непростыми человеческими отношениями, можно приблизиться к пониманию морской жизни, к пониманию настоящей «морской души».

Повесть вовсе не претендует на то, чтобы раскрыть эту «морскую душу», поведать читателю, что скрыто в ней, какие драмы и трагедии разыгрываются в нелегкой судьбе моряков или морских геологов, геофизиков, океанологов и других научных работников, изучающих море, его воды и его дно, его флору и фауну. Автор попытался описать

лишь некоторые события, которые происходили в научно-исследовательских организациях, имевших отношение к морской тематике и в морских рейсах научно-исследовательских судов тридцать-сорок лет назад.

Нынче мы живем в новом тысячелетии, в иной жизни. Наша страна сменила свое имя, политическое и экономическое устройство. Многие тогдашние события, описанные автором, такие, например, как отоварка, все переживания, связанные с ней, все страсти, ею порожденные, многим покажутся сегодня наивными, смешными и странными — у вас, мой читатель, они могут вызвать даже саркастическую улыбку. Но в те далекие уже времена, когда в нашей стране любого студента могли исключить из института или выгнать из комсомола, только за то, что он надел джинсовый костюм, или отрастил бороду, когда пластик жевательной резинки был мечтой пятиклассника, а мечтой мужчины — подержанный «Жигуленок», все эти мелочи купли-продажи составляли весьма солидную часть нашей жизни, ее тайную, скрытую и оттого весьма волнительную и соблазнительную сторону. Приобретение различных, недоступных для советского человека, товаров, в шутку называвшихся «колониальными», становилось важной причиной поиска работы на судах заграничавания. Эти товары отодвигали на второй план романтику дальних берегов и морских походов.

Рассказ о защите диссертации, которым начинается повесть, в принципе, не имеет отношения к морским экспедициям, но и эта история не вымышленна. Диссертационные события могут быть интересны и тому, кто когда-нибудь сам защищался, и тому, кто собирается это делать.

Если, прочитав эту повесть, вы, мой читатель, представите себе ту, другую, уже невозврат-

тимую нашу жизнь, преломленную сквозь призму морского кругосветного путешествия, если задумаетесь над ее противоречивыми ценностями, над тем, в каких условиях в те годы формировались характеры, умы и души людей, — если это случится, автор будет считать свою задачу выполненной.

Зарисовки
.....

РЫНОК

По-черепашьи бредущая публика, как бы нехотя рассматривает разложенные на лотках товары. Лица индифферентные: нельзя показать свою заинтересованность, или торопливость, иначе, враз подсунут что-нибудь с тухляцей. За прилавком стоит бабуся и с таинственной миной на лице продает птицу, судя по размерам, молодую.

— Почем цыплята?

— Прошу тридцать,— бабуся внимательно смотрит на покупателя, потом делает выразительную паузу и говорит почти шепотом, чтоб никто не слышал:

— Отдам за двадцать.

— Так этот цыпленок у всех продавцов и стоит двадцать рублей,— покупатель пытается еще больше сбить цену.

— Прошу тридцать, — громко извещает бабуся.

— Так тридцать, или двадцать?

— Отдам за двадцать, — почти шепотом.

Покупатель озабоченно жует губами, зачем-то тычет в бок курицы указательным пальцем, показывая, что понимает толк в товаре, и отходит к другой продавщице.

— Женщина, а ваша курочка почем?

— По тридцать.

— Такая маленькая и по тридцать?

— Какая есть.

Покупатель, пожевав воздух, отходит к продавцу-соседу.

— Мужчина, почем курочка?

— По тридцать рублей.

— Хм, а по двадцать не пойдет?

— Не, у меня по тридцать.

Покупатель возвращается к бабусе.

— Давайте вашего цыпленка по двадцать.

— Так я же вам говорила, что прошу тридцать.

— А за двадцать?

— Нет, все за тридцать и я за тридцать.

Покупатель, явно ничего не понимая, разводит руками, нехотя, чертыхнувшись, достает тридцать рублей, отдает бабусе, берет курочку, уходит.

Дома жена разворачивает пакет.

— Ты что же это купил? Это же цыпленок. Ему красная цена пятнадцать рублей, а ты за тридцать взял. Куда же ты смотрел?

— Вот в следующий раз сама ходи на свой базар. Там бардак, ничего не понять. Хорошо, что хоть лягушку не подсунули. Я не специалист по курам. Что продали, — то и принес.

БЕСПЛАТНАЯ МЕДИЦИНА

— Кто последний? — спросил больной, показывая свое направление на сдачу анализа крови.

Длинная очередь молчит.

— Кто последний? Неужели все первые?

Молчание.

— Это очередь на кровь?

Молчание. Наконец, кто-то из очереди сжалился:

— На кровь. Последние были в коридоре, за углом.

Пошел за угол.

— Кто последний на кровь?

— Вот эта девушка за мной занимала.

Девушка скромно молчит.

— Девушка, Вы последняя на кровь?

— Нет, за мной еще двое занимали.

— Где же они?

— Не знаю.

— Так я буду придерживать вас?

Молчание. Подходит другая девушка. Весьма симпатичная.

— Кто последний?

— Я. Но передо мной, говорят, еще два человека.

Подходят сразу три девушки. Все, как на подбор, черноволосые. Явно, не русские.

— Кто последний?..

Занимают очередь за симпатичной и сразу куда-то уходят.

Подходит средних лет мужчина, становится за симпатичной девушкой. Очередь продвигается. Черноволосые возвращаются.

— Вы за ними, — говорит мужчине симпатичная девушка.

— Угу, — мужчина не доволен, он рассчитывал, что девушки ушли навсегда.

Черноволосые девушки подходят к двери в лабораторию, внимательно читают расписание приема анализов, а когда дверь открывается, втроем ныряют внутрь.

— Вы куда!?! — истошно кричит дождавшийся своей очереди пациент.

— А мы по платному направлению, — успевает выкрикнуть одна.

— Ну, и что! Очередь для всех одна! — кричит пациент.

— Нам сказали, по платному — без очереди, — выкрикивает последняя, исчезая за дверью.

Очередь взволнована.

— Понаехали, проходу от них нет!

— А что им делать без прописки?

— Значит, без прописки — без очереди? — спрашивает больной с направлением.

— Заплатите и идите без очереди.

— Так я бы и заплатил, но ведь никто не предупредил...

Пока очередь гомонила, возмутительницы спокойствия убежали, а из-за двери выглянула лаборантка и предупредила, что ровно в десять прием закончится. Стали разбираться, кто за кем. Больной с направлением поднял руку.

— Я за этой девушкой, — указал на молчунью. — Кто еще за ней? Никого? Больше никого не пущу.

Молчание.

Медленно считает: — Раз, два, три, четыре, пять. Все. Больше никого не пускаю. Стою за этой девушкой.

Время — 9 часов 55 минут. Молчаливая девушка вошла в лабораторию. Появляется миловидная старушка. Говорит больному с направлением:

— Я за ней занимала. Она вас предупреждала?

— Так я же сто раз спрашивал!..

Но спорить не стал, — старушка все-таки. Пошла старушка. Вышла. Время — ровно десять. Больной с направлением зашел в лабораторию. Три лаборантки сидят за столами, что-то пишут. Больной стоит, ждет.

— Девушки, я вам заплачу. Кто может взять у меня кровь?

Молчание, все пишут.

Заходит симпатичная девушка, говорит:

— У меня санаторная карта. Мне очень нужно. Срочно. Пожалуйста.

Одна из лаборанток, молча, кивает на стул.

Больной с направлением стоит. Ждет. Тем временем в лабораторию вбегает еще один пациент:

— Я по платному.

Ему кивает вторая лаборантка.

— Девушки, да что ж это такое?.. — чуть не плача, говорит больной с направлением

Третья лаборантка кивает, смотрит на направление, говорит:

— Двести рублей.

Берет деньги. Берет кровь.

— Ответ у врача завтра.

Больной, наученный опытом, получив направление на флюорографию, идет в кассу, ибо стоять длинную очередь не хочет. Спрашивает кассиршу:

— Платная флюорография есть?

— Есть.

— А очередь большая?

— Не знаю.

— А по платному без очереди?

— Все по одной очереди.

— Как по одной? А за что тогда платить? Мне сказали, что по платному без очереди.

— Мужчина, вы что, глухой? Я вам русским языком говорю: везде, на все анализы и на флюорографию — по платному направлению, по бесплатному — все в порядке живой очереди.

Больной платить не стал, пошел по направлению врача в кабинет флюорографии.

А там — ни души. Есть все-таки в жизни счастье!

ПЛАТНАЯ МЕДИЦИНА

Пациент:

— Мне к доктору на консультацию можно?

Работник регистратуры:

— Да, конечно. Но у нас доктора платные, тысяча двести за прием.

— Хорошо.

— Платит.

Пациент выписывает чек, идет к доктору.

Доктор:

— На что жалуетесь?

— У меня хроническая язва желудка.

— Разденьтесь, посмотрим.

Пациент раздевается, доктор, осмотрев его, говорит:

— Надо сдать анализы. Можно у нас. Потом снова на прием.

Выписывает направление на анализы.

Пациент:

— Сколько приблизительно будут стоять анализы?

Доктор:

— Около трех тысяч. Может, немного больше.

Пациент, вздыхая, берет направление.

Весь следующий день он сдает анализы в ближайшей к дому амбулатории, платит четыре тысячи. Через день

получает часть анализов, идет к доктору, снова заплатив за визит тысячу двести рублей.

Пациент:

— Вот часть анализов, остальные обещали завтра.

Доктор смотрит бегло на анализы, потом с некоторым удивлением:

— А почему не у нас? У нас было бы дешевле.

Пациент:

— К вам далеко ехать, а поликлиника рядом с домом.

— Что ж, если рядом... Но у нас было бы дешевле.

Будем делать обкалывание. Раздевайтесь, ложитесь.

Пациент быстро раздевается, ложится, готовится к процедуре. Доктор берет маленький шприц, делает несколько уколов в нижней части груди, вокруг желудка.

— Все. Можете одеваться. Курс лечения включает десять таких процедур.

Пациент одевается, уходит.

Через два дня снова приходит уже со всеми анализами, платит в регистратуре тысячу двести рублей, идет к доктору. Доктор, не обращая внимания на новые анализы, снова берет небольшой шприц, снова обкалывает желудок. Один из уколов попадает в чувствительное место.

Пациент вскрикивает.

Доктор:

— Что, попало, почувствовали?

Пациент радостно:

— Да.

— Ну, вот видите, работает.

— Что работает.

— Метод работает. Вставайте. Через два дня приходите на следующую процедуру.

Через два дня пациент снова приходит, снова платит тысячу двести рублей, снова ложится для обкалывания и спрашивает у доктора:

— Доктор, вот вы сказали, что «попало». Значит ли это, что вы занимаетесь иглоукалыванием?

Доктор деловито:

— Нет, это не иглоукалывание.

— А что же это? Простой укол?

Доктор, помолчав несколько секунд:

— Это не укол, это обкалывание. Все. Одевайтесь. Следующая процедура через два дня.

Дома пациент призадумался. Иглоукалывание — метод требующий специальной квалификации. Если так, то эту процедуру должен делать квалифицированный доктор. Ему же делают обычные уколы. С этим легко справится любая процедурная медсестра, но за куда как меньшие деньги. Почему же его колет доктор? Почему за пять минут работы шприцом он платит, как за консультацию специалиста? Что-то не понятно. А если не понятно, лечиться бесполезно. Да еще за такие деньги! Если принять десять процедур, надо заплатить двенадцать тысяч, плюс четыре тысячи — за анализы. Многовато. Может быть лучше заплатить две тысячи и сходить к знакомому профессору? Конечно, потраченных денег уже не вернешь, но что поделаешь.

Однако опять поехал на обкалывание, опять заплатил тысячу двести рублей, но сообщил доктору, что денег больше нет, и попросил выписать копию из истории болезни о пройденном лечении, объяснив, что это понадобится, если вдруг придется снова обращаться к врачу. Доктор удивился тому, что лечение прекращается, удивился, что пациенту нужна выписка, но пообещал её сделать завтра, сославшись на занятость.

Пациент, получив справку о том, что он прошел курс лечения у того-то и там-то (о том, как его лечили — ни слова), пошел посоветоваться к участковому врачу. Врач посмотрел анализы, сделал большие глаза, сказал, что анализы, это, конечно, хорошо, но для обследования состояния язвы желудка прежде всего нужна фиброгастроскопия, а не анализы.

— Вам через рот должны были ввести зонд и на экране монитора с помощью этого зонда внимательно осмотреть стенки желудка. Очень неприятная процедура, но очень эффективная и надежная.

Потом подумал, подумал и добавил:

— А на будущее, запомни: если тебе назначают анализы на несколько тысяч рублей, беги от такого доктора

без оглядки, ибо, вслед за анализами, он пропишет тебе еще и уколов на несколько тысяч рублей, таблеток на несколько тысяч за упаковку, и еще, и еще, и еще, и так — до бесконечности. Это врачи не для лечения, а для вытягивания из пациентов денег. Они лишь развлекают больных разными иголками и гипнозами, а лечить потом приходится нам, но уже бесплатно.

Вот такая у нас платная медицина, к счастью, не вся.

МЕТРО

Выгороженный лабиринт для прохода в помещение станции метро разбивает страждущую толпу пассажиров на несколько аккуратных шеренг. Длинная людская очередь, извиваясь в лабиринте, медленно, как стадо баранов, движется к входу. Самые нетерпеливые молодые, а то и не очень молодые люди либо перепрыгивают через ограждение и втискиваются в шеренги сверху, либо подныривают под перила и влезают в них снизу. Некоторые законопослушные пассажиры вяло ропщут, другие отворачиваются в сторону, делают вид, что ничего не замечают. Точно так же ведут себя и следящие за порядком милиционеры.

Миловидная девушка решительно подходит к устью лабиринта и ограждений сбоку, и пытается втиснуться в очередь. Пожилой мужчина, увидев ее, вытягивает руку вперед, хватается за поручни ограждения, перегораживая ей дорогу. Пропустив мужчину, девушка пристраивается за его спиной, обиженно выговаривая ему:

— Что толкаетесь то? Места что ли мало?

— Я не толкаюсь, я держусь своей очереди, — нарочито спокойно говорит мужчина, уворачиваясь от очередного прыгуна.

Очередь, толкаясь и раскачиваясь, продвигается к турникетам, минует их и суетливо вступает на ступени эскалатора, плывущие в подземелье.

— Дайте дорогу! — то и дело раздаются команды слева — бежит нетерпеливая молодежь, бегут солидные мужчины с кейсами и женщины отрядной наружности.

Им явно мешают пожилые люди, с сумками и ручными тележками, да и те, что без поклажи.

— Бегать по эскалатору запрещено, — пытается урезонить бегущих некто, стараясь при этом втиснуть себя в правый ряд стоящих вплотную людей и освободить бегущим дорогу.

С гоготом и свистом, жуя мороженое, сметая стоящие на ступеньках сумки, расталкивая всех и вся, чуть ли не кувыркком несется вниз стайка подростков.

Наконец, эскалатор вышвыривает пассажиров на перрон. Подходит поезд, открываются двери. В вагон влетают те, что побойчей, да пошустрей, расталкивая остальных, пытающихся не отстать, не упустить вагон, не дать закрыться дверям. Влетают и сразу останавливаются, не давая другим войти. Толпа продавливает «шустрых» вглубь вагона.

— Что толкаетесь то? Места что ли мало? — кричат шустрые, удаляясь все дальше и дальше от входа. Наиболее догадливые из них быстро занимают свободные места и начинают оживленно общаться, не замечая нерасторопных стариков и старушек, стоящих в проходе. Одиночки-интеллектуалы, захватившие сиденья, достают яркие книжки и глянцевые журналы, внимательно их изучают, не видя никого вокруг.

Во входных — выходных дверных проемах устраивается другая порода любителей чтения. Они успешно перекрывают собой входные проемы, урезая тем самым наполовину их пропускную способность. Как и следует ожидать, во время входа-выхода их постоянно толкают. Это им неприятно.

— Что толкаетесь то? Места что ли мало? — ропщут они, не отрываясь от чтения и мешая пассажирам войти и выходить из вагонов.

Одного, особо упирившегося, выдавили-таки на перрон. Он тупо остановился на пути потока входящих и выходящих, мешая тем и другим. — Что толкаетесь то? Места что ли мало?

Наконец, поезд приходит на конечную станцию. Пассажиры, освобождая вагоны, вываливаются на перрон и,

обгоняя друг друга, спешат к единственному работающему на подъем эскалатору. У входа на эскалатор — выгородка с ограждением, образующая небольшой коридор. Счастливики, первыми выскочившие из вагонов, влетают на эскалатор без суеты и давки, остальные подходят к нему одновременно, единой толпой. Снова появляются «ныряльщики» и «прыгуны», однако, есть и новые — «качки», или «переталкиватели», — ребята молодые и мускулистые. Справа, или слева они подходят к толпе и, как бы нехотя, давят на нее. Толпа, состоящая из «нестойких» людишек, которым не за что цепляться, чтобы сохранить свое местоположение, отваливается в противоположную сторону. «Переталкиватели» проникают в коридор и степенно проходят к эскалатору. Эта процедура раскачивания толпы повторяется до тех пор, пока она не рассыпается. Однако, бывают случаи, когда очередь не успевает рассосаться до прихода очередного поезда. Тогда в ее конец врзаются новоприбывшие, и все повторяется вновь.

Зато на эскалаторе, плывущем вверх, люди ведут себя мирно: скоро — воля, скоро — солнце, скоро — матушка-земля. Но и тут есть торопыги, бегут наверх наперегонки со ступеньками, опять же — расталкивая стоящих.

— Извините, подвиньтесь, извините, подвиньтесь, извините, извините, — бросают они на ходу. А вослед им — все то же:

— Что толкаетесь-то? Места, что ли, мало?

Но звучит уже это беззлобно, почти умиротворенно; так говорят, делая небольшую услугу другому, сознавая, — торопится, иначе, зачем бы ему бежать-успевать, когда можно ехать себе неспешно на эскалаторе? А вот и выход на свободу! Путешествие в метро закончено. Счастливого всем пути и до новых встреч под землей!

ТЕЛЕВИЗОР

Благосостояние трудящихся выросло до невероятных размеров. Куда ни глянь, везде телевизоры: в гостиной, в спальне, на кухне, у некоторых, особо продвинутых, — даже в ванной. А там, где ванны совмещены с унитазом, соответственно можно и мыться и... Вот люди и смотрят.

Программ-каналов — море, но смотрят, в основном, сериалы и новости. Всё более-менее интересное, почему-то показывают ночью. Вечерами, перед сериалами, показывают «Диалоги с властью». Телеведущий представляет очередного начальника, который уверяет аудиторию в неуклонном повышении ее благосостояния, говорит о том, как много, ну просто не покладая рук, не оставляя ни минуты на личную жизнь, он работает. Правда, следя за теленовостями, легко установить, что этот начальник, в основном, перерезает красные ленточки, открывая строения или заведения, болеет за футбольную команду своего приватизированного района, города, или области, старательно следит за своим имиджем, своевременно меняет наряды и прическу, или участвует в телешоу.

Вот одно из них, посвященное проблемам ЖКХ.

Телеведущий:

— У нас, кажется, звонок. Мы вас слушаем, говорите, пожалуйста.

На экране появляется старушка, ей кто-то подносит ко рту микрофон.

— Иван Иванович! Иван Иванович! Вы меня слышите?

Начальник важно кивает головой. Телеведущий напоминает старушке:

— Назовите, пожалуйста свое имя. Как вас зовут? Мы вас слышим, говорите.

Старушка:

— Евстигнеевна я, Магдолина Евстигнеевна. В войну медсестрой работала в медсанбате, под Ленинградом.

Телеведущий немного нетерпеливо:

— Какой у вас вопрос к Ивану Ивановичу?

— Так какой вопрос. Простой вопрос. В коммуналке я живу, так соседи не хотят платить за ступеньки, а у меня пенсия и без того маленькая, вот, если бы прибавили...

Телеведущий:

— Иван Иванович к пенсиям отношения не имеет. Какой у вас вопрос?

Старушка:

— Так я ж и говорю, что ступеньки у нас прогнили, дом старый, ходить невозможно, а свои деньги платить никто не хочет, так нам бы ступеньки починить.

Иван Иванович деловито:

— У вас ТСЖ или ЖЭК?

Старушка:

— Не знаю я. Но какие-то люди приходили лет пять назад. Обещали все исправить. Не исправили. Потом года три тому назад была комиссия. Тоже обещали исправить. Не исправили. А наемни, Глафира, со второго этажа, провалилась. Она, по правде, растолстела слишком, какая ступенька такую дурищу выдержит...

Телеведущий:

— Ближе к делу, пожалуйста.

Старушка:

— Так я и говорю, что Глафира провалилась, а комиссия приехала вместе со «скорой». Быстро приехали. Тоже обещали починить. А Глафиру увезли. Сейчас она на костылях ковыляет...

Телеведущий:

— Так в чем Ваш вопрос?

Старушка:

— Так Глафира-то уже два месяца, как ковыляет, а ступеньку-то никто так и не отремонтировал.

Чиновник:

— Дорогая Магнолия Евстигнеевна! Мне Ваш вопрос понятен. По какому адресу вы проживаете?..

— Магдолина я, а Магнолия в соседнем подвале живет

с пьяницей мужем. Плохо живет. А адрес: поселок Живалово, Пушкинская, 2, квартира, 10.

Чиновник:

— Дорогая Магдолина, э-э...

Телеведущий подсказывает шепотом:

— Евстигнеевна она.

— Спасибо... Евстигнеевна! Я завтра же на совещании глав районов подниму этот вопрос и возьму его под личный контроль.

Телеведущий:

— Ну, а мы не можем взять под личный контроль дорогое телевизионное время, а потому — реклама.

Через неделю на том же канале, тот же телеведущий ведет ту же программу.

Телеведущий:

— Дорогие телезрители, на прошлой неделе мы встречались с руководителем нашей области Иваном Ивановичем. Он обещал помочь пенсионерке, участнице ВОВ Магдолине Евстигнеевне отремонтировать ступеньку в доме, в котором Магдолина Евстигнеевна проживает с довоенных времен. Мы съездили к Магдолине Евстигнеевне и посмотрели, как выполняет свои обещания Иван Иванович. Смотрите репортаж нашего корреспондента с места событий. Анатолий!

На экране появляется юный Анатолий. За его спиной — ветхий деревянный, двухэтажный дом.

Анатолий:

— Мы находимся в поселке Жевалово по адресу Пушкинская 2. Посмотрим, как выполняет свои обещания руководитель области.

Подходит с микрофоном к старушкам, сидящим у входа.

— Здравствуйте, бабушки. Скажите, пожалуйста, как нам пройти к Магдолине Евстигнеевне?

Первая старушка:

— Так а нет ее. Она на праздновании.

— На каком праздновании?

— Так вместе с Глафирой поехала в Дом культуры. Там

банкет по случаю завершения строительства, вот их и пригласили: одну, как пострадавшую, вторую, как кинозвезду (смеется, прикрывая рот платком).

Анатолий:

— Какая кинозвезда? Кто это?

Вторая старушка:

— Так наша Магдолина — Мандолина. Вона, как по телевизору ловко пела.

Корреспондент:

— Понятно, вы про Магдолину Евстигнеевну?

Третья старушка:

— А про кого же еще.

Анатолий:

— Ну, а ступеньки вам сделали?

Старушки хором:

— Сделали, сделали, хорошо сделали. Пока сам Иван Иванович не приказал, ничего не делали. А сейчас сделали. Вот и празднуют. И Магдолина с Глафирой там же.

Корреспондент входит в дом. Телекамера выхватывает из темноты свежеструганную ступеньку. Голос Анатолия:

— Вот реальный результат работы нашей телепередачи. Иван Иванович выполнил просьбу ветерана войны, пенсионерки Магдолины Евстигнеевны. Теперь весь дом может жить спокойной, счастливой жизнью. Ну, а мы посмотрим, как отмечает это важное событие поселок Желово.

На телеэкране — небольшой зал Дома культуры; вместо кресел — отменно сервированные столы. Десятки добротного упитанных мужчин и женщин пьют разные вина и коньяки, аппетитно закусывая бутербродами с рыбными, икорными и мясными начинками. Под сурдинку играет музыка, звучат громкие речи.

Ведущий:

— Сегодня у нас большой день. Мы завершили строительство, начатое несколько лет тому назад, и завершили его, благодаря личной инициативе Ивана Ивановича.

Все хлопают в ладоши, умудряясь не выпускать из рук бутерброды.

Иван Иванович скромно машет рукой, дескать: ну, что вы, что вы. Говорит:

— Я всего лишь выполнял свой долг перед уважаемыми пенсионерами и ветеранами войны. Мы все должны быть внимательными к старости, мы все должны уважать стариков, помогать им. Выпьем за это, тов... (запинается, не знает, как сказать, наконец, находит нужное слово). Выпьем, коллеги, за наших стариков-ветеранов.

Дружно пьют за ветеранов и едят за них.

Вдруг камера выхватывает из толпы празднующих двух старушек, семенящих к двери. Одна — Магдолина Евстигнеевна, вторая ковыляет с палочкой. В руках у них огромные позванивающие пакеты.

Корреспондент:

— А вот и наши герои, вернее — героини. — Обращается к Магдолине Евстигнеевне:

— Магдолина Евстигнеевна, что бы Вы хотели сказать нашим телезрителям?

Магдолина Евстигнеевна с радостным лицом:

— Ой, уж такое большое спасибо! Это ж сколько времени мы мучались с этой ступенькой! Вот Глафира так даже ногу себе сломала, с палочкой теперь ходит. Хорошо, что я ей помогаю бинтовать и шину накладывать. Кому ж еще? Чай, она у меня не первая и даже не сотенная, я ведь на войне и после войны столько перевязывала. Не счесть.

Корреспондент:

— А что бы вы сказали Ивану Ивановичу!

— Ой, побольше бы нам таких Иванов Ивановичей! Уж до чего добрый человек! И ступеньку помог исправить, без него ведь никто не смог, и на праздник пригласил. Вот мы тут с Глафирой и поработали.

Корреспондент:

— Как поработали?

— А вот бутылки насобирали. Смотри, какие красивые! У нас таких нет.

Подносит к объективу телекамеры мешок с бутылками. Корреспондент быстро загораживает своим телом камеру, входит в кадр:

— На этой радостной ноте, словами двух благодарных женщин мы и заканчиваем наш репортаж. Михаил!

Телеведущий:

— Мы продолжаем разговор об успехах нашего ЖКХ. Сегодня у нас в студии руководитель Едаловского района нашей области Петр Петрович. Кажется, у нас звонок...

Эссе

.....

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Прочитав название моего эссе, кто-то подумает: ну вот, родилась еще одна, новая, неведомая миру «Теория». И что же она такое? Это наука? Или литература? А может, это религия? Другие же, пробежав глазами пару страниц, сочтут, что все, написанное здесь, наивно и вторично. Третьи скажут, что мои умозаключения не соответствуют известным постулатам экологии и экономики. Четвертые — что колесо давным-давно создано и открывать его снова — занятие пустое и праздное...

Я заранее согласен со всеми этими и подобными им замечаниями, но буду рад, если кто-то прочитает мое сочинение до конца. А если, прочитав мой опус, этот кто-то задумается над тем, почему человечество, а вместе с ним и сам он, мой читатель, так упрямо движется в направлении самоуничтожения, если он восстанет против столь пагубного курса и попытается обсудить со мной такие, например, проблемы как отставание духовно-нравственного становления личности от развития технического прогресса, или — все громче и отчетливее звучащие (особенно среди молодежи) лозунги: «Бери от жизни все!», «Оторвись со вкусом!», — я буду считать, что моя задача выполнена.

Решения, объяснения, научные или религиозные концепции могут быть разными и обязательно будут разными. Главное — не замалчивать эти большие, скажу больше, кровоточащие проблемы. Главное — приступить к их обсуждению.

Я заранее прошу верующих извинить меня за попытку объяснения некоторых религиозно-исторических

фактов и материй. Получив глубоко антирелигиозное воспитание в школе и в институте, уже позже, занимаясь научной деятельностью в области геологии и геофизики, я пришел к пониманию роли Всевышнего путем собственных размышлений. Однако, я не нашел в классических религиях, вернее, в деяниях иерархов церкви искреннего желания совершенствоваться и бороться с такими «недугами», как лицемерие и стремление присвоить себе исключительное право выступать от имени Всевышнего. Только это вынуждает меня иногда критически относиться к религиям, но никакие другие причины никогда не позволят мне неуважительно относиться к верующим людям. Ибо человека без веры просто нет и не может быть.

Оно раскрылось неожиданно. Облака куда-то исчезли, ветер прекратился. Я сидел, уютно устроившись на пеньке, на небольшом пригорке, блаженно отдаваясь покою. Мне, профессиональному геологу, стыдно признаваться в таком «грехе», но, что поделать, — я часто плутал в лесу, когда ходил по грибы. Вот и в этот раз долго, до темноты, бродил по лесу, пока не вышел на этот пригорок и не увидел невдалеке знакомую дорогу домой. Сел передохнуть, не обращая внимания на серое осеннее небо. И вдруг понял, что наступает темнота. Уже собрался было бежать к дороге, чтобы не потерять ее из вида окончательно, и... Остался сидеть, пораженный невиданной красотой приближающегося заката и ночного неба. Казалось, оно повсюду, казалось, оно окружает меня со всех сторон, заманивает в свою таинственную глубину, зовет к себе...

Сколько раз я всматривался в него? В океане оно казалось надо мной многозвездным зонтом в убаюкивающем ритме морской зыби, или в рычащих толчках штормовых валов. На севере оно звало к себе, хищно переливаясь змееподобным полярным сиянием. На льду Северного океана я всматривался в него через объектив теодолита, чтобы найти днем при ярком солнечном свете хоть одну из миллиона звезд, так ярко сверкающих но-

чью, и определить с ее помощью свое место в бескрайнем белом безмолвии. И всегда, глядя в его беспредельность, меня охватывало чувство восторга. Я спрашивал себя: почему ночью, в пасмурную погоду, когда небо с овчинку, когда не видно ни звезд, ни Луны, берет оторопь, ну а если судно попадает в шторм, или самолет теряет ориентиры — мороз по коже, зато в звездную, пусть даже и лютую погоду страх уходит, тебя наполняет чувство восхищения, почти экстаза?..

Вот и сейчас: сижу на пригорке, и радостно всматриваюсь в абсолютное безмолвие, как будто жду, что кто-то поманит меня туда, ввысь, в неведомое и навсегда возьмет с собой. Почему я не бегу к дороге, которая вот-вот окончательно скроется в дымке вечернего тумана, стелящегося у моих ног? Кто меня позовет в это звездное безмолвие? Почему я так страстно жду этот зов? Что мне там нужно? Кто меня там ждет?..

Никто, конечно же, меня там не ждет, но всегда, вглядываясь в звездное небо, мне кажется, что я соприкасаюсь с тайной, которая где-то рядом, близко-близко, но которую я никак не могу разгадать. Что-то похожее случается во сне, когда ты нашел нечто очень важное для тебя, очень дорогое, ценное и прекрасное и держишь его в своих руках крепко-крепко, а, проснувшись, видишь, что в руках пусто. Вот так же и с этим моим ночным звездным небом. Смотрю в его бездну безмолвия и жду, что еще секунда, еще мгновение и я познаю какую-то главную, величайшую тайну и этого необъятного мироздания, и своей такой короткой и такой заковыристой жизни. Сижу и жду...

Эйнштейн, создал свою гениальную теорию относительности для физических процессов, происходящих во времени и пространстве, и, судя по всему, не задумывался над тем, что его теория может быть применена и к человеку, и вообще ко всему, что нас окружает, и с чем мы живем. Благодаря Эйнштейну, мы знаем, что скорость, с которой пассажир едет в трамвае, и которая кажется ему черепашьей по сравнению со скоростью самолета, на са-

мом деле может быть значительно больше скорости реактивного истребителя в случае, если тот движется против скорости вращения Земли, а трамвай, — наоборот. Действительно: в первом случае пассажир несется в космическом пространстве со скоростью вращения земли плюс скорость движения трамвая, а самолет — со скоростью вращения Земли минус скорость полета самолета. Но это, если мы сравниваем скорости наших машин в рамках нашей же солнечной системы. А, если сравнивать их в рамках нашей галактики? Тогда все может измениться диаметрально противоположно. А, если сравнивать в рамках туманности, в которой блуждает наша галактика? А если... И так далее, и так далее... Получается, что скорость объекта будет разной, в зависимости от позиции, с которой мы измеряем эту скорость. Эйнштейн полагал, что это положение не относится лишь к скорости света, которая остается неизменной вне зависимости от позиции. Однако, в последнее время появились сообщения, что и скорость света тоже относительна. Наверное, и эту «относительность» можно понять, если речь идет о природе, о физических процессах. Мы же говорим сейчас о другом, мы говорим о человеке и человечестве. Как быть с ним? С собой? С нами? Как быть с проблемой «духовно — экологической катастрофы», которую активно обсуждают сегодня многие ученые и политики?

Суть экологических проблем понятна. То, что поверхность нашей планеты, ее недра и воздух уже не выдерживают давления всяческих материальных проявлений жизнедеятельности человека не знает разве что младенец или пациент больницы на Прямке. Природа не справляется с антропогенным сором; это столь же очевидно, как и то, что «за собой надо убирать», не выбрасывать все в больших объемах продукты сгорания в атмосферу, вторичные отходы — в леса и поля, промстоки — в реки и моря, иначе сами скоро задохнутся в собственной грязи. Что же мешает нам, осознавая эту очевидность, жить чище? Да ничто, пожалуй, кроме ментальности временщика, непреодолимой алчности и лени и той самой духовной деградации общества, в которой злобность и агрессивность, как спо-

соб выживания, — удел одних; жизнь как чудо, как вечная радость, как цель и средство удовлетворения желаний, — смысл существования других; отрицание института семьи и брака — выбор третьих.

***Может быть мы просто не понимаем
своего места в пространстве и во времени?***

Наделенный разумом и способностью воспроизводить окружающую реальность в образах и предметах человек всегда считал себя центром вселенной. Даже когда ему мнилось, что Земля лежит на трех китах, а эти киты плавают по океану, он полагал себя властелином всего и вся, и только лишь природные катаклизмы и звериная жестокость врагов-соседей, несущих голод и смерть, все отчаянней заставляли его искать помощи в ком-то или в чем-то, неведомом, добром и сильном. Но если охота случилась удачной, урожай — обильным, а враг разбит, нужда в «неведомом» отпадала, ибо, что поделать, человек так устроен, что видит и воспринимает происходящее с ним и вокруг него наиболее полно и ярко посредством своих органов чувств. Получается, что он вместе со своими органами восприятия, своими ощущениями и своими мыслями всегда в центре события, а вернее, он — Центр события, ибо они, его мысли и чувства — «своя рубаха», а все остальное — лишь все остальное. Огромные горы вдалеке кажутся лишь причудливыми изгибами рельефа, а ночные звезды — крошечными сверкающими булавочными наколками на черном небосводе. Также и собственные проблемы и заботы — единственны и чудовищны, а остальное, и в том числе чужие беды, — мелочь на фоне личных невзгод. Следуя этим путем, мы склонны болезненно реагировать на промахи и ошибки соседа по коммуналке, да что там соседа, самых родных и близких людей: их слабости кажутся непоправимы, изъяны — ужасны, тогда как собственные недостатки — пустяки, ерунда. Почему так? Потому что «Я» — центр мироздания.

На заре истории, чтобы защитить себя, не самого сильного, быстрого, зоркого и ловкого, словом, вполне заурядного, человек был вынужден бороться за выжива-

ние со значительно большей затратой серого вещества, чем его противники, что, с одной стороны, развило со-держимое его черепной коробки, а с другой, сделало его самым изощренным и кровожадным хищником. Позже, когда он победил зубастых и когтистых, когда заставил одних служить себе сторожами или домашними живыми игрушками, других же стал возвращать себе на прокорм, он вовсе не избавился от той доисторической памяти, которая хранила смертельный ужас его пусть и очень давнего, но неизгладимо мучительного детства. Жива эта память и ныне, и чем труднее выпадают времена, чем тяжче приходится жить-поживать, тем громче она напоминает о себе, тем звероподобней себя проявляет. Вот почему сегодня мы все чаще говорим о браконьерах, с которыми нет никакого сладу ни на суше, ни на море, и, вообще, о диких животных, которых приходится защищать от полного истребления... Защищать от человеков, что, как известно, звучит гордо.

Точно так же, не щадя живота своего, человек боролся с природой, с ее холодом и мраком, засухой и потопом, с ее испепеляющим огнем и уносящими в небытие ветрами. О, она, природа, была самый страшный, самый коварный, самый непобедимый враг! Была и есть! Это тоже сидит под коркой, мучает, свербит, не дает покоя и взывает к защите и мести. Вечной защите и вечной мести... Сегодня и природу нам надо спасать от самих себя, потому что, кажется, мы и ее победили. Но человек все равно борется, отстаивая свое право на абсолютность. С кем же теперь он борется? За что? Наверное, теперь он борется с себе подобным. И вовсе не для того, чтобы защитить свою жизнь, но дабы доказать окружающим свою абсолютность, свою «самость», свое превосходство.

Поглощенный этой борьбой, он словно бы и не заметил, что перешагнул границы Земли, вырвался за ее пределы, начал торить свой таинственный и прекрасный путь в космос и, стало быть, пришла пора больших перемен: надо менять себя, вытравливать свою алчность, праздность и кровожадность и кардинально менять свое

отношение к окружающему Миру, распахнувшему свои необъятные дали.

Но, увы, как учит история человечества, наша психология, наш социальный менталитет меняется значительно медленнее, чем технический прогресс и все, что так или иначе связано с ним, от личного комфорта до атомных боеголовок. Очевидно, что с имеющимся старым, оставшимся еще со времен доисторического развития, духовным «багажом», владея при этом огромными военно-техническими возможностями, человечество может погубить самое себе. Значит, надо меняться. И это уже не перемена одного социально-экономического строя на другой, не советско-российская перестройка, которая длится без малого четверть века, а конца ей по сей день не видно, не межрелигиозные или межнациональные взаимные уступки. Нет, нам предстоит операция кардинальная: надо, распрощавшись со «сладкой» психологией своей исключительности и венцености, прийти к пониманию своей полной и окончательной относительности, своей исчерпывающей и безусловной зависимости от всего, что дано нам Жизнью, Судьбой или Богом, будь эта данность чем угодно, камешком на ладони, случайным встречным собратом или звездной бесконечностью.

***Посмотрим, каково
положение человека в космосе***

Представим себе, что нам посчастливилось, и мы можем взглянуть на Землю с расстояния 10 в десятой или одиннадцатой степени метров. К сожалению, мы вряд ли ее заметим, ибо с такого расстояния даже Солнце будет казаться лишь небольшой звездочкой. С расстояния 10 в пятнадцатой или шестнадцатой степени (приблизительно один световой год) уже вся наша солнечная система будет казаться меленькой светящейся точкой на небосклоне. А с расстояния в миллион световых лет вся наша галактика превратится в такую же мерцающую точку и мы едва ли увидим ее даже с помощью самого мощного телескопа. А если улететь еще дальше?... Трудно представить, во что превратится то, что мы называем Миром, Космосом, Бесконечностью. Но одно мы обязаны понять

и как-то представить себе: наша Земля лишь пылинка в безграничном пространстве.

А теперь пойдем обратным путем: направим на себя микроскоп и станем пристально рассматривать самих себя. При увеличении до 10 в минус шестой степени можно рассмотреть молекулы, из которых мы состоим. Увеличение до 10 в минус двенадцатой позволит различать клетки и атомы наших молекул, а при минус 16... При минус 16 мы увидим протоны, все поле зрения в микроскопе окажется заполненным некими туманностями и россыпью светящихся точек, нашим глазам предстанет удивительная картина, отдаленно напоминающая звездное небо в ясную летнюю ночь, а мозг, потрясенный увиденным, будет вопрошать, как зачарованный: Это я? Неужели это я? Неужели?!

Увеличивать себя дальше не позволяет техника, но невольно напрашивается вопрос: «а что же дальше?». Что бы мы увидели, если бы могли рассмотреть еще более мелкие частицы? Можем мы исключить вероятность того, что там мы найдем подобие нашей галактики? Нет, не можем. Но, если мы можем найти подобие известных нам Галактик, но в другом пространстве, то какие там могут быть цивилизации? Какие там могут быть... Люди. Или Боги?.. Понятно, что на эту тему: «Кто там? Что там?» — можно спорить бесконечно, но суть не в этом. Нам нужно было выяснить лишь одно: Кто мы? Имеем ли мы право считать себя исключительными, единственными, особенными, абсолютными?..

Не знаю, как вы, мой читатель, но я никак не могу поверить в то, что мы одиноки в своей планиде, наоборот, мне мнится бесчисленное число разумных цивилизаций, а наша, земная, вряд ли имеет какие — либо преимущества перед другими. Другое дело: есть ли подобные нам культуры с аналогичным (или хотя бы похожим) уровнем развития. Однако, как ни крути, у нас нет никаких оснований предполагать, что мы абсолютны и неповторимы. Вернее, мы, скорее всего, действительно неповторимы и чем-то отличаемся от всех других цивилизаций, но мы вовсе не

единственны и далеко не абсолютны. А если так, то встает вопрос: в какой временной точке мы пребываем?

Попробуем оценить наше положение во временном пространстве

Начало «эры человека» в геологии определено довольно точно. Это — Четвертичный период, или «антропоген», возраст которого около двух миллионов лет. А самые древние живые организмы появились где-то 500–600 миллионов лет тому назад. Время, в пределах которого отмечено появление живых существ, называется фанерозоем, который включает кайнозой, мезозой и палеозой. Если учесть, что геологический возраст Земли (заметим, — только геологический,) оценивается в 4,5 миллиарда лет, тогда как более или менее внятно историю развития человечества мы можем проследить лишь за последние 3–5 тысячелетий, то, даже согласившись с тем, что возраст Хомо сапиенс — два миллиона лет, по сравнению с 5 (пятью!) миллиардами лет, время его жизни иначе, как «мгновение» назвать трудно. А сколько времени существует наша цивилизация? С какого момента можно начинать ее отсчет?

Нам предстоит долгий путь вглубь веков, в недавнее и очень отдаленное прошлое, чтобы хотя бы на шаг, на полшага приблизиться к ответу: как, когда и откуда мы появились?

А что нас ожидает в будущем?

Если только за время жизни одного поколения человечество изобрело телевидение, испытало на себе атомную бомбу, слетало в космос, создало Интернет и мобильную связь, научилось клонировать живые существа, что же оно понаделает за одну, две тысячи ближайших лет? Трудно предсказать, еще труднее представить это не столь уж отдаленное время, глядя окрест, видя наши трубы и свалки. Выдержит ли Земля такие нагрузки, не надорвется ли человек в своей сумасшедшей гонке наперегонки с братьями и самим собой? Тревожные, если не сказать брутальные мысли лезут в голову, думая о нашем «счаст-

ливом» завтра. Если за время, равное приблизительно 0,00001 % от времени существования Земли (заметим, — только ее геологического времени) человечество приблизилось к разрушению планеты, что ждет его впереди? Какими гигантскими прыжками несется оно, сломя голову... куда? К чему? А может, эти вопросы — пустая риторика?..

Мы уже предположили, что цивилизаций в пространстве может быть бесчисленное число. Если бы они, некогда возникнув, существовали вечно, то и Вселенная, поскольку и она вечна, была бы наполнена мириадами разумных цивилизаций. Но мы этого не видим, и, следовательно, можем предположить, что культуры возникают и исчезают так же, как возникают и исчезают звезды, созвездия, галактики: вспыхнут и угаснут, вновь вспыхнут и вновь угаснут. Возможно, какие-то цивилизации живут дольше, чем породившие их планеты, исчерпав их (планет) ресурсы, они, перебравшись на другие планеты, продолжили свое существование, но жить вечно они никак не могли. Тогда спрашивается: а чем мы хуже или лучше других? Пожалуй, ничем. А коли так, то это значит, что и во времени мы относительны, и стало быть у нас нет никаких оснований утверждать, что мы можем когда-либо достичь абсолютности, или бессмертия. И переживая эту данность, мы потому часто так и живем: одним днем, одним мигом и — «после нас...»

***Но может быть,
мы сможем стать вечными Богами?***

Правы ли отцы церкви, внушая человеку, что он может приблизиться к Богу, стать бессмертным, абсолютным, культивируя абсолютность самого Бога? Ведь именно этот «приз» — вечную жизнь, бессмертие — разыгрывают все религии, обещая своим послушникам, в случае выполнения наказов Яхве, Христа, Магомеда, место в раю, в райских кущах, на благодатных небесах.

Интересно, однако, что вечное неземное блаженство обещают не все религии. В известной книге «Бхагавад-Гита, как она есть» утверждается, что Божество Брахма живет всего сто дней, но каждый день и каждая ночь

Брахмы составляют около 3-х миллиардов лет. То есть, сутки (день плюс ночь) Брахмы оказываются равными приблизительно геологической жизни Земли. А если учесть, что мы не знаем сколько лет Земля жила до геологического времени, то, предположив, что она существовала несколько десятков миллиардов лет до нашей эры и столько же просуществует еще, — вполне можно условно приравнять срок жизни Брахмы к сроку жизни Земли. Из каких источников древние брали эти цифры, есть ли тут связь с продолжительностью жизни планет? — еще одна тайна, которую человечество будет разгадывать столько, сколько суждено ему быть. Было бы очень интересно разобраться в этом вопросе, но для нас важно то, что хотя цифры могут быть любимы, суть остается одна: древние мудрецы (которыми слыли оракулы, жрецы и шаманы) понимали, что Жизнь конечна.

Понятно, что связь продолжительности жизни Бога Брахма с продолжительностью жизни Земли весьма условна и является лишь нашим предположением. Но это предположение позволяет выстроить некую космическую последовательность и предположить, что, например, время жизни Всевышнего Господа (в понимании Бхагавад-Гита) будет во много раз больше и равно, приблизительно, времени жизни солнечной системы, более Высшего Бога, — времени жизни Галактики и т. д.

Конечно, можно придерживаться ортодоксальных позиций основных религий и утверждать, что наш Бог — бессмертный, что Он всегда был, есть и будет, но вот вопрос: а где был наш Бог, когда нашей Земли не было? И куда Он денется, когда Она исчезнет?..

Позволим такое допущение: существует лишь единственный Бог, который «патронирует» не только земную цивилизацию, но и все, возможно, бесконечное множество иных. Однако для обсуждения этого вопроса у нас нет вообще никаких аргументов. То есть, можно, конечно, предположить абсолютность вселенского Бога, но уж очень это допущение выглядит «натянутым», тем более что даже среди земных религий нет единства на сей счет, пример чему те же буддисты, которые полага-

ют, что Боги конечны, хотя и живут много дольше простых смертных. Кстати, все живое на земле до крайности разнится по времени своего существования: одним отпущены секунды, другим — столетия, а человек по сравнению со всеми прочими надежно занимает среднюю позицию. «Но ведь это до крайности несправедливо! — возмущенно восклицает он. — Я так тяжело выживал, я столько пережил и столько узнал о себе и мире, что должен, просто обязан жить вечно». И он призывает Бога и признает Его абсолют, а себя — Его глашатаем и оруженосцем. А коли так, то все, что мы творим, продиктовано Его волей и освещено Его дланью.

Никак себя не проявляя, Всевышний никогда не мешал и не мешает ныне вершить самые страшные дела: убивать, насиловать, грабить. Религии всегда либо оправдывали, либо обслуживали тех правителей, которые лояльно к ним относились.. Человечество помнит, как христиане — католики резали христиан — протестантов. Человечество не забыло, как одни православные издевались над другими — староверцами. Человечество знает, как «огнем и мечем» крестоносцы уничтожали все на своем пути к Гробу Господню. Князей церкви, а тем паче их паству ничуть не смущало даже то, что Иисус, обращаясь к Богу просил его: «Прости их, ибо не ведают, что творят». Все забыли ради своих амбиций: жгли, казнили всех, кто сомневался, или был не согласен с ними. При этом те, кого казнили, просили у Бога спасения от тех, кто просил у того же Бога удачи в войне, или в сожжении очередного «дьявола».

К сожалению, и сегодня канонические религии, подчеркивая абсолютность человека, «подогревают» его амбиции, обещая, что именно он (православный, католик, иудаист, буддист или мусульманин) является истинно богоугодным человеком, что именно он и его единоверцы приближены к Нему, а остальные, те, кто придерживается другой веры, — еретики, «неверные». Почему «неверные»? На каком основании?

Когда удастся собрать «за круглым столом» представителей разных религий, все пастыри, все муллы и клирики, будь они в чалме, или в клобуке, соглашаются с тем, что Бог един. Но, разойдясь по своим приходам, они снова на-

чинают призывать своих прихожан бороться с ересью, с неверными. Почему? Да все по той же причине: нет другого пути завоевания душ верующих, как внушения им их избранности, их абсолютности, их блаженной близости к Богу.

Но зачем, почему это нужно человеку? Повторю еще раз: потому что человек слаб и инертен по своей природе, и просто устал бороться, за свою жизнь, в которой было и есть слишком много боли и скорби. Ему проще жить, сознавая, что кто-то о нем заботится, кто-то им руководит. Ему легче нести бремя ответственности за свои проступки и преступления, если он может сказать себе и людям: «Я не причем, мною руководил Всевышний и, если я не прав, он меня накажет или простит».

Практически, все деспоты и тираны просили прощения перед смертью у Бога (или у Богов). А священники почти всегда даровали им это прощение. Так было, так есть. Иногда люди задавались простым вопросом: «почему Бог простил изверга, нарушившего все Его заповеди, а невинного младенца покарал насильственной смертью? Это несправедливо!». Но церковники нашли лазейку: «младенец тоже несет ответственность — он страдает за ваши грехи, то есть — за грехи своих предков». Может быть, кого-то такое объяснение и устраивает, меня же оно коробит.

В былые времена, когда наука, как аккумулятор и систематизатор знаний, только-только зарождалась, когда технический прогресс ограничивался усовершенствованием оралов, топоров и копий, когда наши предки были вынуждены бороться со всем и вся за свое существование, такое мышление можно было объяснить их дикостью и отсталостью. Но теперь-то, теперь!?. Мы перешагнули космические рамки, каждый день мы получаем новые знания и едва ли не тонем в пучине информационных потоков, льющихся на нас отовсюду. Однако, копни поглубже, и окажется, что духовно-нравственное состояние человека остается тем же, каким было оно в до— и раннехристианские времена. Объяснить это можно, по-моему, только двумя причинами: первая — человек привык считать себя абсолют и никак не может избавиться от этой скверной привычки, и вторая — наше сознание, наш

духовный менталитет, то, что мы называем иррациональным, очень инертны. Они, конечно, меняются, но столь медленно, что просто не успевают обуздать свою вторую ипостась, свое «рацио», создающее еще вчера казавшиеся фантастическими ноу-хау, но совершенно не озабоченные проблемами Добра и Зла.

И тут передо мной опять встает вопрос религии как института Веры. При всей ее, религии, небыстроте, при всем ее догматизме я не вижу иного института кроме этого, способного заставить человека остановиться и оглядеться на содеянное им в веках и свершаемое им сегодня, и попытаться понять разницу между добром и злом, между «вето» и «табу». Она, религия, безусловно, выполняет чрезвычайно важную роль в деятельности человечества, ибо, не смотря ни на что, озабочена развитием его духовности. Можно быть верующим или неверующим, но не понимать реальности духовной составляющей, бытующей параллельно с материальной и делающей человека Человеком, сегодня уже нельзя. Многие ученые и, кстати, великий Эйнштейн были верующими людьми.

Форма религии, конфессиональная принадлежность, понимание ее устоев и корней могут быть разными. Можно называть носителя духовной составляющей Богом, можно — информационным пространством, можно — особым видом материи, суть от этого не меняется.

Однажды мне попала на глаза молитва оптинских старцев. Она начинается словами:

«Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день... — и заканчивается: — Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить».

Человеку будет очень трудно принять, как должное, идею своей относительности, условности. Может быть, молитва оптинских старцев, как и многие другие идеи, изложенные в многочисленных религиозных книгах, помогут ему. Надо только научиться отделять осмысленное, истинное и глубинное в этих книгах от привнесенного и надуманного, с лихвою содержащегося в них.

Не опасаясь быть уличенным в плагиате, ибо вряд ли можно выразить мысли и ощущения точнее, чем это сде-

лано в молитве оптинских старцев, я возьму на себя смелость выразить приблизительно аналогичные мысли, но применительно к неоспоримому, на мой взгляд, факту относительности человека и сущности вообще. При этом, я считаю возможным обращение к Всевышнему, будь это реальный духовный образ, представитель патронирующей нас более высокой цивилизации, фрагмент информационного пространства или некто другой, или нечто другое, авторитет чего, или кого мы смело можем принимать в качестве Высшего авторитета:

«Отче наш!

Дай нам знаний, чтобы понять относительность нашего существования во времени и в пространстве!

Дай нам мужества, чтобы, поняв относительность нашего существования, не погрузиться в бесконечную тоску и страх перед будущим!

Дай нам мудрости, дабы, преодолев тоску и страх и приняв конечность нашего существования, не поддаваться злобности, жадности, зависти, ревности, лености, стремлению к богатству и к наслаждениям!

Дай нам понимания того, что мы ничто не возьмем с собой в небытие, а нашим продолжением может быть только память, которую мы оставляем о себе, но не богатства, не материальные ценности, которые люди всегда будут принимать от нас с благодарностью!

Отче! Научи нас беречь для потомков наших, ради которых только и стоит жить, то, что Ты дал нам на Земле нашей и радоваться дарованным Тобой!

Научи нас радости и счастьем дарения радости и счастья другим людям!

Дай нам терпимости к ближним, которые не понимают нас и научи нас убедить их в этом!».

Что можно суммировать?

1. Человеческая цивилизация не единственна; она — всего лишь одна из бесчисленного множества космических разумов.

2. Темпы развития технической (физической) составляющей нашей цивилизации превосходят темпы развития нашей Земли.

3. Темпы развития духовной составляющей цивилизации существенно отстают от темпов развития технического прогресса (технической составляющей).

4. В результате такой диспропорции, овладевший космическими технологиями и военной мощью, но крайне разделенный материально и духовно, не обремененный нравственным законом человек, может разрушить свою собственную планету, значительно ускорив время ее естественного разрушения, что может привести и к преждевременной гибели цивилизации.

5. Поскольку мы не одни во Вселенной, можно предположить, что разделение космических цивилизаций по степени своего развития далеко превосходит все наши самые смелые фантазии и предположения. Но даже если какие-то из них чем-то напоминает нас, землян, скорее всего, они настолько отличны от нас, что говорить о каком-то «товариществе», или «сотрудничестве», или «соперничестве» с ними просто не реально.

6. Осознание своей условности и относительности — наисложнейший акт для человека, привыкшего к мысли о своей приближенности к Богу, мысли о своей «избранности», «особенности», абсолютности. Дополнительные сложности привносят и религиозные догмы, основу которых всегда составляли и составляют ныне идеи абсолютности Бога, и, следовательно, исключительности человека. Однако без осознания своей относительности человек не сможет ни сохранить природу, ни продолжить свой род, ни, тем самым, выполнить свое космическое предназначение.

7. У человека есть шанс достичь реальной гармонии своих идей и стремлений с тем, что зовется природой, пространством и временем, в которых он существует. Однако, достижение этой гармонии возможно на пути признания своей относительности и при условии совместных усилий науки, религии и политики.

Небо над моей головой окончательно очистилось. Млечный путь обозначил небесную дорогу, по которой когда-нибудь обязательно должен пройти человек, а

Луна осветила тропинку, ведущую к дому. Но уходить и терять эту красоту не хотелось. Да и усталость все еще давала знать о себе и уговаривала посидеть в тишине, помечтать, полюбоваться ночными далями. Однако вдалеке уже наметилось большое темное облако, которое грозило закрыть и Луну, и звезды, и Млечный путь, и мою тропинку к дому.

Надо подняться и идти дальше.

Пора.

КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНСТВА МАТЕРИИ И СОЗНАНИЯ

Факт первичности материи по отношению к сознанию мы еще совсем недавно считали незыблемым фундаментом всех наук. Однако, по моему мнению, этот факт нуждается, по меньшей мере, в солидных уточнениях, с чем, на мой взгляд, согласятся далеко не все ученые и даже просто образованные люди, знакомые с азами философских наук. По этой причине и предлагаю вниманию читателя это эссе.

«Концепцию единства материи и сознания» следует воспринимать в порядке постановки вопроса. Естественно, в этом же порядке постановки вопроса следует рассматривать и все вытекающие суждения политического характера. Но я очень надеюсь на то, что, несмотря на «сырость» и отсутствие проверок практикой высказанных мною положений, сама идея позволит рассмотреть многие важные стороны нашей жизни (главным образом, политику и взаимоотношения между людьми) с новых позиций и приблизит, или упростит разрешение некоторых важных проблем, которыми озабочены многие люди, активно размышляющие и ищущие наиболее рациональные пути и мотивации собственного поведения и развития общества.

Среди большого количества проблем, которые сегодня волнуют многочисленные политические партии России, практически, отсутствует главная проблема — теоретическая основа. В период политического междувластия это объяснимо, но в период строительства — без теоретического базиса не обойтись.

Даже поверхностный анализ феноменального успеха псевдокоммунистического (большевистского) движения, захватившего в начале века почти все цивилизованное человечество, позволяет сделать вывод о том, что основой этого успеха была принятая на вооружение надежная теоретическая база, созданная Марксом и Энгельсом для построения коммунистического общества, а также мощный призыв к вечной мечте человечества — всеобщему счастью. Конечно, нельзя снимать со счета и гениальной практика и уникального циника-Ленина, возглавившего это движение и руководившего им. Огромную роль сыграли и лозунги, умело составленные большевиками и дошедшие до самых глубин души многих слоев населения тогдашней России, населения, уставшего от бессмысленной войны, от безнравственного правительства, от долгих ожиданий результатов дарованной в прошлом веке свободы : «мир хижинам, война дворцам», «хлеб рабочим, земля крестьянам », «свобода, равенство, братство». Эти и другие лозунги, созвучные временам Французской революции, были лживыми, большевики их и не собирались выполнять, но свою роль они сыграли.

Солидная теоретическая основа и понятные цели позволили большевикам на протяжении многих лет (до, во время и после революции 1917 года) пользоваться поддержкой народа и успешно бороться с церковью, цинично уничтожать миллионы людей, увлекать массы обывателей самыми неразумными и пагубными идеями, формировать кумиров, которые попросту издевались над людьми, бесконечно доверявшими им. Если эта сила (имеется в виду теоретическая база) позволила авантюристам куражиться над многомиллионным демосом, то каких же результатов можно достичь, если такую силу

использовать в добрых целях? Не нужно быть крупным теоретиком, чтобы предположить, что более или менее быстрый путь к возрождению нашего государства немислим без поддержки народа, который сегодня уже никому не верит. Получить такую поддержку можно только при наличии неизменных атрибутов, которые массы должны понять и поддержать: теоретическую базу, лидера, способного их увлечь, четкого обозначения понятной конечной цели государственного строительства -лозунгов. Только при наличии этих факторов возможна успешная деятельность любой партии и широкомасштабное народное движение. Рассмотрим эти основные составляющие более подробно.

Теоретическая основа

В качестве теоретической основы предлагается принять положение о единстве Мира, что означает единство материи и сознания. Это положение коренным образом меняет устоявшуюся концепцию марксизма, основанную на первичности материи по отношению к сознанию. Именно эта ошибочная концепция и породила большую часть противоречий и спекуляций, как истинных (искренних) марксистов, так и огромной армии авантюристов, цинично использовавших марксизм для удовлетворения своих личных амбиций. Создание новой основы (базиса) потребует переработки многих теоретических положений, которыми до сегодняшнего времени пользуются не только коммунисты, но и демократы, и либералы и прочие партии и группировки, зачастую даже не подозревая об этом. В связи с этим отметим весьма удивительное явление, наблюдающееся в наше время, — попытка сотрудничества некоторых религиозных организаций с политическими. Ведь фундаментальная основа всех религий, — признание первичности сознания по отношению к материи. О каком реальном сотрудничестве может идти речь, если базовые (исходные) положения идей этих организаций различны?

Смена базовой концепции на первый взгляд ничего существенного не может привнести в политическую жизнь

страны. Однако, напомним, что многие научные и политические воззрения, были основаны на признании первичности материи по отношению к сознанию, на поиски доказательств этой первичности и на борьбе этих двух понятий. В результате весь мир человека (духовный, материальный, социальный) был разделен на две части во всех областях (верующий-неверующий, бедный-богатый, наш — не наш, партийный-беспартийный, вплоть до абсурдных: пьющий (наш)-непьющий (не наш), рабочий (наш)-дворянин, интеллигент (не наш), и т. д.). Две части Мира боролись и продолжают бороться. Естественно, что концепция борьбы автоматически формирует образ врага, который и укоренился в системе псевдокоммунистической борьбы за светлое будущее — коммунизм. Само по себе это уже абсурд, так как настоящий коммунизм не может быть основан на борьбе и никакого отношения к этим большевистским (псевдомарксистским) идеям отношения не имеет. И тем не менее, мы вынуждены признать, что в основе нашей деятельности в течении последнего столетия была борьба. Борьба во всем, со всеми и с самими собой. Борьба была квинтэссенцией нашей жизни, ее основой. Мы не могли жить без борьбы, и мы не можем уже жить без нее, мы продолжаем бороться, сделав борьбу смыслом жизни всего Государства. Мы всегда боролись (сначала — за свободу, потом — за урожай, за знания, за космос, за социализм и так далее и тому подобное) даже не понимая того, что борьба, — это не нормальное состояние человека, а экстремальное.

Следует признать, что совсем без борьбы, к сожалению, не обойтись. В экстремальные периоды жизни человечества борьба просто необходима. В первобытном обществе, когда человеку приходилось постоянно бороться с внешним миром, он постоянно находился в этом экстремальном состоянии. Уже в наше время, во время Великой Отечественной Войны борьба была естественным состоянием нашего народа, ибо речь шла о защите своей свободы и жизни. Именно поэтому, попав в естественное состояние борьбы, народ совершил не только героический подвиг, собственной кровью залив пожар

фашизма и компенсировав предвоенные зверства и глупость наших руководителей, но и восстановил свой интеллектуальный потенциал, свое стремление к свободе, практически полностью уже уничтоженное «Гением всех народов». Именно в эти годы, когда наш народ жил в экстремальных условиях борьбы, — но это были нормальные, военные условия, а не условия искусственной борьбы, — и были заложены основы будущего возрождения. Война, разрушив наше хозяйство, уничтожив массу населения, помогла возродить наше национальное (в смысле «российское») достоинство, наш национальный потенциал, до полного разрушения и физического уничтожения которого в предвоенное время оставались уже считанные годы.

В наше время — время мирного строительства — борьба является неестественным состоянием и, как и следует ожидать, приводит лишь к разрушению всего подряд: и нужного и не нужного, и близкого нам и далекого от нас. Последнее страшное разрушение мы совершили, сломав государственные институты и государственную собственность во время Перестройки. Как и во время первого великого «слома» (разгрома) нынешнего столетия — Великой Октябрьской Революции, и от этого — второго «слома» выиграть смогли только ловкачи и воры. Сегодня мы пожинаем плоды. Сложилась удивительная и поучительная ситуация, ибо в обоих случаях замысел был весьма позитивный. Первая революция совершалась для того, чтобы прекратить издевательства, которые вершили над народом остатки феодалов и вновь народившиеся «буржуи». Однако в результате деятельности экстремистов-большевиков (псевдокоммунистов) эти издевательства уже после Революции не только не уменьшились, но и многократно возросли, достигнув уровня физического истребления целых «пластов» населения. В конечном итоге, после ряда преобразований и «дворцовых» переворотов, когда все ресурсы так, называемого «развитого социализма» были исчерпаны, и стране грозило разрушение, руководством страны было принято решение приступить к Перестройке.

Это было не простое решение, ибо на деле Перестройка означала отход от социализма и изменение, как экономического, так и политического обустройства страны. По существу произошла «тихая» Вторая революция, особенностью которой было то, что она насаждалась не «снизу», а «сверху», а также то, что она, в отличие от Первой, означала не «шаг вперед», — к более прогрессивной государственной и экономической системе, а «шаг назад», — возвращение к капитализму. Дело в том, что большевиками был искажен смысл идей Маркса и Энгельса, и России, еще далеко не достигшей последней стадии капитализма, необходимой для создания экономического базиса социализма, сразу после Первой революции грубым, жестоким и насильственным путем был навязан социалистический путь развития. Народ понимал, что ошибку надо исправлять и корректировать ситуацию в стране, поэтому такой «шаг назад» был поддержан, практически, всеми слоями населения.

Кроме того, наше общество на примере других поняло, что на современном этапе без рыночных отношений страна просто не выдержит конкуренции с развитыми странами, культивирующими рыночную систему экономических взаимоотношений. И по этой причине все слои населения поддержали «шаг назад» в надежде на улучшение своего положения — жизненных условий. Однако, как и в Первой революции, так и во Второй революции бразды правления оказались в руках авантюристов — экстремистов, которые создали в нашей стране в первом случае «дикий лагерный социализм», а во втором — «дикий капитализм».

Этот дикий капитализм, естественно, принес населению не улучшение положения, а ухудшение. При этом надо отметить, что, как и во время Первой революции, так и во время Второй были достигнуты некоторые улучшения, в отдельных сферах деятельности Государства: например, после Первой революции существенно выросли возможности бедного населения для получения образования, страна из, практически, аграрной стала одной из ведущих промышленных держав, резко «подняв

тяжелую промышленность, а после Великой Отечественной Войны выросла и военная мощь страны, ставшей солидным «противовесом» всему западному альянсу. После Второй революции значительно увеличились возможности для частного предпринимательства, появилась возможность контактов с западными странами, появилась возможность приобретения разных товаров. Однако, общая тенденция развала страны осталась неизменной. В первом случае это выражалась в «пустых полках», в развале легкой промышленности и сельского хозяйства, в существовании огромного количества «нахлебников», которых по идеологическим соображениям поддерживало наше Правительство. Во втором случае это выражается в объективных цифрах рождаемости и смертности, снижении национального валового продукта, сокращении социального обеспечения населения, снижении реального участия населения в управлении Государством, которое было достигнуто в первые годы Перестройки, в снижении военного потенциала, снижении роли Закона. Разница лишь в том, что в результате Второй революции появился некий слой людей, аномально разбогатевших на присвоении себе общенациональных ценностей (природные ресурсы, передовые производства, культурное наследие). Такой слой людей был уничтожен в результате Первой революции и не появился даже в период «развитого социализма».

Сегодня мы вынуждены констатировать, что задачи Второй революции так же не выполнены, как и задачи Первой революции, ибо не решена главная задача всех преобразований, — повышение жизненного уровня народа и мощи государства. И в первом и во втором случае («попытке») причина неудач кроется в том, что этими разными по времени и по своей сути процессами (переходом от феодализма — капитализма к социализму в начале прошлого столетия и переходом от социализма к капитализму в конце столетия) руководили экстремисты-авантюристы. Во время Первой революции это были большевики, а во время Второй революции, — «крайние» демократы и либералы.

Нет сомнений в том, что, если бы в 17-м году к власти в нашей стране пришли бы не большевики, а умеренные социалисты, — Россия могла бы стать настоящей демократической республикой (примером может служить Франция). Нет сомнений в том, что, если бы в 90-х годах к власти пришли умеренные демократы, Россия могла бы тоже стать настоящей демократической республикой с реальным народовластием на всех уровнях. Реальное народовластие, конечно, предотвратило бы расхищение народного достояния и не допустило бы такого положения, когда народу вновь приходится «вставать с колен».

Если мы не сделаем выводов, дальнейшее развитие событий может привести наше Государство к полному упадку и развалу. Корректировку курса необходимо начинать с научного базиса. Необходимо концепцию «борьбы» заменить концепцией «единства». Необходимо обеспечить и научить людей жить в нормальных условиях (работа, строительство, обучение, семья, дом и проч.), а не в условиях борьбы, которая иссушает душу и разрушает все. Начинать создание нового научного базиса должна новая партия, как собрание единомышленников всех форм собственности, понимающих, что этот развал не выгоден никому, так как под обломками этого развала погибнут все (кроме тех, кто успеет перебраться в другие края): нынешние «новые русские», бывшие «старые русские» и те, у кого отняли все сначала «старые», а затем «новые», — все погибнут лишь с той разницей, что «новые» и «старые» — в своих коттеджах, а обобранные ими — в разваливающихся жилищах. Только партия, вооруженная надежным теоретическим базисом, независимая в своих суждениях и оценке ни от государственных, ни от финансовых, ни от криминальных структур, способна донести эту простую истину до всего населения страны. Корректировка курса не должна означать передела собственности. Каким бы преступно-несправедливым и безграмотным не был раздел нашей собственности — он совершился (так же, как совершилась национализация в начале века). Возврата к старому нет. Но необходим передел государственной

идеологии и совершенствование государственного механизма.

Целью государственного строительства должно стать создание свободного, демократического общества с гарантированным исполнением принятых законов для всех граждан без исключений и контролируемым распределением главного продукта, создаваемого любым обществом, — прибавочной стоимости (по Марксу и Энгельсу). По существу это означает, что Государство должно гарантировать «защищенность» всех слоев населения. Под этим термином понимается защищенность от всего: материальная, моральная, физическая. Сегодня за псевдокоммунистов голосуют не потому, что они кому-то нравятся, а лишь потому, что при старой власти защищенность людей была существенно выше. Высокий рейтинг доверия, оказанный второму Президенту Российской Федерации ранее, и оказанный третьему Президенту в недавнее время, объясняется только тем, что одна половина народа поверила в то, что новый Президент вернет ей хотя бы старую, пусть и ущербную, но защищенность, которой сейчас практически нет вообще, а вторая половина народа поверила в то, что новый Президент разовьет реформы, без которых нет перспективы ни у кого.

Практически, должно быть достигнуто единство целей, задач, методов решения задач и результатов, чего мы, к сожалению, не наблюдаем сегодня. При этом в качестве теоретической основы может быть принята «Концепция единства материи и сознания».

Лидер

Конечно такого тактика, как Ленин сегодня нет, или пока нет. Но есть Президент, пользующийся поддержкой большей части населения страны. Задача состоит в том, чтобы Президент был адекватен теоретическим основам и лозунгам. Это в конечном итоге и создаст предпосылки успеха. Очевидно, что для реализации поставленных задач необходим исполнительный механизм-партия. Такой партией могла бы стать «Единая Россия», однако эта

партия появилась искусственно в результате объединения разных партий, которые были созданы «сверху», в результате чего появилось много дополнительных сложностей. Главная сложность в том, что любые позитивные изменения в нашей стране, и тем более, — попытка привести в соответствие, или добиться единства обещаний и реальных действий всех ветвей власти, не могут быть поддержаны олигархами, бывшей партийной номенклатурой и большинством чиновников, особенно высших, которые и объединились в «Единой России». Эти изменения не будут поддержаны и криминальными структурами, которые формально не входят в партийные альянсы, но реально влияют на многих политиков и представителей власти, создавая «коррупцированные структуры власти». К сожалению, приходится признать, что у этого «меньшинства» находится основная часть материальных и организационных ресурсов, то есть, — на порядок больше, чем у основной части населения. Надо также помнить, что эти силы поддерживаются иногда негласно, а иногда и гласно мировым бизнесом, активно пытающимся сделать нашу страну своим сырьевым придатком и полигоном для технических отходов.

Однако, понимая это, не следует отчаиваться, так как всегда можно так сгруппировать свои силы и так построить тактику, чтобы шансы хотя бы уравнились. При этом главное условие — надежность союзников, — тех частей населения, которые заинтересованы в создании новой России. Это, прежде всего, предприниматели и коммерсанты, готовые работать в условиях нормальной конкуренции и рынка, таких не очень много, но они есть и за ними, а не за олигархами, разбогатевшими на горе народа, будущее. Заинтересована в создании новой России интеллигенция, учащиеся, военные, основная масса трудового населения, естественно, в том числе -и сельского, пенсионеры. Может сложиться впечатление, что старый лозунг «война дворцам», а также противопоставление и, как следствие, — борьба разных слоев населения, становятся вновь актуальными. Однако, это не так, ибо в сегодняшних условиях нет места антагонизму, ко-

торый проповедовали последователи Маркса и Энгельса, объясняя это необходимостью объединения пролетариата для борьбы против всего капитала, всех капиталистов и всей капиталистической системы взаимоотношений вообще. Сегодня, практически, все население заинтересовано в реформах, но в реформах, которые проводятся в интересах всех слоев населения, а не в интересах небольшой группировки, присвоившей себе с помощью различных экономических уловок все достояние России.

Народы бывшего СССР на собственном опыте поняли, что на современном этапе развития человечества без рынка, без накопления капитала успехов не достичь. Поэтому сегодня целесообразно объединиться всем трудящимся и, в том числе, честным капиталистам для строительства нового общества, в котором нет места криминальному капиталу, но есть главенство закона, есть независимость судебной системы, равенство возможностей и ответственности для всех слоев населения, есть реальная демократическая система управления страной. Сегодня все слои населения — союзники, т.к. завтра криминальный капитал погубит и честный капитал и рядовых трудящихся. Только в этом единении и можно искать зерна успеха. Объединение этих сил -главная задача Президента или другого Лидера, который должен стать «гарантом» для всех трудящихся, и для производителей всех форм собственности, а не только гарантом прав миллиардеров.

Лозунги

В принципе, лозунги необходимы лишь на этапе формирования большинства. Это большинство необходимо для проведения законных выборов в законодательные и властные структуры (там, где выборы проводятся), которые должны взять на себя ответственность за проведение в жизнь корректировки системы управления страной. Во времена Первой революции, когда «средствами массовой информации» были маевки, собрания, демонстрации или листовки, лозунги были часто решающим аргументом и средством агитации, в силу простоты запо-

минания и передачи. Сегодня, когда появились технические СМИ, а информация стала существенно разнообразнее и доступнее, естественно, что основным средством агитации стали СМИ, а лозунги можно рассматривать лишь, как вспомогательное средство, которое передает основные цели реформ в концентрированной форме. Разработка лозунгов дело не простое и требует специальной и длительной работы. Можно предложить лишь основные направления, которые должны быть понятны и поддержаны всеми слоями населения, например: «Единая для всех социальная справедливость», «Единый для всех закон», «Гарантированное исполнение законов всеми ветвями Власти», «Право на обязательное образование для всех», «Право на предпринимательскую деятельность для всех», «Приоритет личности», «Неприкосновенность частной собственности», «Неприкосновенность сельскохозяйственных угодий», «Государственные приоритеты — образование, медицинское обслуживание, безопасность граждан (внутренняя и внешняя)». Естественно, что появятся и другие лозунги. Главное, чтобы они соответствовали единству целей, задач, методов и результатов, а также, — чтобы они в короткой и сжатой форме демонстрировали стратегию партии, которая возьмет на себя задачу корректировки системы управления страной.

Тактика

Исторический опыт учит нас, что тактика может исказить все. Особенно, если принята тактика революционного достижения целей, и, если эту тактику проводят в жизнь циничные экстремисты-авантюристы. На разработку тактики потребуется не мало времени. Но одно ясно уже сегодня: необходимо категорически отмежеваться от любых форм проявления революционности, крайней степенью которой является экстремизм, насаждавшийся большевиками и насаждающийся сегодняшними псевдокоммунистами и псевдодемократами.

Разработка основополагающих тактических идей должна привести к созданию стройной картины Государ-

ственной политики и строительства на ближайшую и дальнюю перспективы.

Отметим, что концепция первичности материи по отношению к сознанию позволяла на фоне борьбы идей и идеологий легко подменять понятия, манипулировать терминологией, искажать цели. Концепция единства существенно более строга в доказательствах и подходах. Политическая группировка, взявшая на себя ответственность за реализацию этой концепции, должна понимать, что ей придется отказаться от привычных для нашей страны и государственного строительства системы подмены понятий, формирования элитных группировок, давлений. Всеобщее понятие единства распространяется и на партийное строительство, требуя единства целей, результатов и методов. Напомним, что понятие «единство» уже давно привилось в науке. Из числа привычных для слуха можно напомнить «единство формы и содержания» — в философии, «единство измерений» — в технике. Понятие единства многогранно и в различных ситуациях «работает» либо как инструмент, либо как тест, либо как методология или конкретная технология.

Вместе с тем, необходимо понимать, что эта концепция может приводить к неожиданным выводам в весьма деликатных вопросах. Например, она приводит к мысли о единстве Бога. Для верующих эта проблема далеко не очевидна и потребует серьезного обсуждения разными религиозными конфессиями, равно, как и проблема первичности сознания, которую концепция «единства» подвергает сомнению. Для промышленности эта концепция создает существенные трудности при оценке нагрузок на природную среду, которая уже в наше время не выносит варварского отношения к ней.

Важным обстоятельством, которое придется учитывать, является и то, что эта концепция должна стать базовой для формирования планетарной политики и межгосударственных отношений.

Предложенные соображения нуждаются в доработке и обдумывании, после чего можно будет приступить к

разработке основополагающих документов и Программы партии, принявшей концепцию Единства. Не исключено, что многие термины и положения после этих доработок будут выглядеть иначе. Но я полагаю, что альтернативы этой работе нет. Вернее она есть, но это уже будет не работа, а продолжение интриг, которыми так долго занимались псевдокоммунисты, а затем и псевдодемократы. Ожидаемый результат мы спрогнозировали. Он нас устроить не может. Надо начинать создание партии, базирующейся на фундаменте концепции Единства. Нас не должно смущать, что концепция Единства и название одной из бывших партий «Единство» совпали, а эта партия влилась в нынешнюю партию «Единая Россия». Совпадение слов — случайность. К сожалению, ни в «Единстве», ни в «Единой России» никто не удосужился подумать о том, что означает это сложнейшее понятие «Единство». Однако, хочется думать, что в этих партиях, как и в других, есть много людей способных понять и присоединится к концепции Единства. Будем оптимистами и будем действовать для достижения в нашем Отечестве истинного единства — единства свободы, равенства, возможностей и защиты для всех, а не только для авантюристов, оседлавших ранее новую, но романтическую идею коммунизма, или нынче — старую, но прагматичную идею капитализма.

В какой форме эти люди, задумавшись над будущим своего Отечества и своих потомков, объединятся: в одной из существующих партий, либо в новой партии, — не важно. Важно, чтобы это произошло как можно скорее, ибо время не ждет, а оно сегодня «работает» не на нас.

**Сказка про то,
как один мужик двух премьеров снял**

.....

Жили-были мужики-гравики. И не сухопутные гравики, а морские. И ходили эти мужики на ладьях своих по всем морям и океанам со своими гравиметрами и измеряли везде силу тяжести. А гравиметры эти были хитрые-прехитрые. Чуть не углядит мужик за ним, он шасть и сбежал. Но не сам сбежал, сам он остался на месте, в ладье, а сбежал нуль-пункт. Нуль-пункт этот хранится в пружинке, которая сидит в гравиметре. Её умельцы выют из кварца. Тонюсенькая-притонюсенькая, а на ней грузик из золота, маленький-прималенький (а может быть и не из золота, но не из кирпича, или алмаза, — это точно). Где растянется пружинка сильно, значит там и сила тяжести большая, растянется меньше, значит — меньше. Ну, точь-в-точь, как в пружинных весах, которыми на рынках картошку вешают. А бывает, что эта пружинка убегает: сама норовит растянуться, когда сила тяжести вовсе и не меняется. А как она растягивается? Быстро, медленно? Вот это и называют нуль-пункт. И как этот нуль-пункт меняется надо уяснить точно, а иначе, как узнать: сама эта поганка так растянулась, али ее сила тяжести земной растянула? Не узнаешь, как да что, — цена всем измерениям, типа того — псу под хвост. А уж генералы — начальники за это такое выдадут — не приведи господь!

И что только мужики не придумывали: и в термостат ее, поганку, сажали, и грели, и трясли, или, наоборот, не трясли и замораживали. Ничего не помогает, убегают нуль-пункт, хоть ты тресни. А тут еще закавыка: измерить нуль-пункт, можно только в особом месте, ОГП называется (по ученому — Опорный Гравиметрический

Пункт). Там сила тяжести измерена точно, и никогда не меняется. Он, этот ОГП, водится только на суше, в горах, да у причалов, а в океане его нету, потому что привязать его там не к чему, нет твердой опоры, сплошная вода кругом. Вот генералы — начальники и написали указ: доставлять гравиметры на ОГП через каждые три недели, поскольку за три недели ноль-пункт далеко не убежит, и поймать его мужики смогут, изловчившись, естественно.

А как доставлять гравиметры через три недели, к примеру, из центра Тихого океана? Оттуда хоть пропеллер поставь на ладью, хоть сто парусов, хоть тыщу винтов — не успеть обернуться. А не приплывешь — приказ нарушишь, да и сам запутаешься в этой самой силе тяжести...

А генералы гнут свое:

— Вы, мужики, хоть тресните, а силу тяжести нам в океанах дайте. Потому, как мы спутники запустили, а у них орбиты тоже гуляют, их тоже корректировать надо. А вдруг наш спутник залетит к кому в гости без корректировки? Стыдоба будет. Ну, а, к примеру, если нам понадобится ракету куда запустить? Как мы ее точно на цель наведем? Она же, поганка, тоже может отклониться, если сила тяжести будет в ней указана не та, что есть. Не, мужики, хоть тресните, а дайте нам точные измерения.

Мужики, пригорюнились. Что делать не знают. Тут Иван-мужик и говорит:

— А что, если на каждой ладье поставить десяток гравиметров с пружинками?

Один покажет больше, другой меньше, третий правильно, четвертый опять меньше, пятый опять больше, а в среднем будет то, что надо... А, мужики?..

— Ну, ты, умник, даешь! Это сколько ж гравиметров понадобится для всех ладей? У нас столь гравиметров и в помине нету, — говорит старшой гравик.

— Ну, а если не на все ладьи ставить, а на одну? Она все точно измерит, на другие ладьи точные значения передаст, а мы потом подсобим, по всему морю-океану эти точные значения разнесем. И пошли они со своими ОГП через каждые три недели...

— Дело говоришь, Иван, — весело загалдели мужики: — Только где мы такую большую ладью найдем, на которой все это и уместится?

— У начальников денег надо попросить на постройку.

— Легко сказать. Дать денег на такую ладью может только премьер-министр.

— Ну, тогда не знаю.

— Вот то-то же. Слушай сюда. Чтобы премьер дал денег, кланяться ему должен только самый главный по ладейному делу Академик. Тебя премьер слушать не будет, а Академика, может, и выслушает. Но, чтобы Академик тебя послушал, надо, чтобы ему о тебе шепнул Особый человек — его помощник. А чтобы этот Особый человек тебя выслушал, тебе надо получить прошения к нему от нескольких генералов да директоров. А чтобы генералы да директора такое прошение подписали, тебе надо выступить на ихних научных советах. Смотри дальше: если научные советы примут решения, да генералы и директора подпишут эти решения, а Особый человек согласится с этими решениями и представит твое прошение самому главному по этому ведомству Академику, а тот напишет челобитную премьеру, тогда, может быть, премьер и даст денег. Уразумел?

— А чего мне разуместь. Ты — старшой, ты, видать, калач тертый, тебе и ходить по их души. А я че? Я предложил, и даже название придумал «Опорный Гравиметрический Пункт на подвижном основании». Плянь, как звучит: ОГППО. Начальникам понравится — почти ОГПУ.

— Это что за «подвижное основание», это на ладье что ль?

— Ну да, я ж тебе все разобъяснил: все пучком, звучит ладно, говорится складно. Тебе только рот раскрывать, да по кабинетам коньяк распивать. Даю тебе карты в руки, а сам пойду в свою избу дальше что-нибудь придумывать.

— Нет, шалишь Иван! Сам придумал, сам и иди, пробивай свое «ноу-хау».

— Что за «хау» такое?

— Знание новое — вот что. Только это — язык не русский, заморский. «Ноу» — знаю, «хау» — как? Понял, темнота?

— Понял.

— Ну, значит так, мужики. Иван у нас пойдет свое «ноу-хау» пробовать, а нам уже и похмельиться пора, а то скоро по домам, а у нас еще ни в одном глазу. Стыдно.

Мужики выпили, закусили, сидят, разговаривают, а Иван не ест, не пьет, думает. И придумал. Взял свою толстенную телефонную книгу и ну звонить по всем знакомым, советов спрашивать. Узнал куда, к кому надо идти с разговорами, написал трактат об ОГП на подвижном основании, подписал его у своего старшого и пошел вверх по лестнице, которая должна была его привести аж к самому премьеру. Колобка у Ивана не было, нити путеводной тоже, а посему начал он с ближайших институтов, в которых сидели такие же мужики с такими же проблемами, но с другими гравиметрами.

Долго ли, коротко ли бродил Иван по институтам, военным частям, производствам и чиновникам, долго ли втолковывал им, что к чему, получал разные бумаги, протоколы и собирал подписи, сие науке не известно. И чего только не было на его пути тернистом: кто-то угощал его чаем, а кто-то коньяком; кто-то смеялся, а кто-то спорил; кто-то говорил, что сам уже давно это самое «подвижное основание» придумал, а кто-то ничего не понимал и говорил: «это не к нам, берите свои бумаги и не отнимайте у нас время»; кто-то говорил: «это не к нам, но ради Вас и мужиков-гравиков так и быть поддержим»; кто-то задавал коварные вопросы при обсуждениях; кто-то удивлялся, что такие мужики — гравики есть на свете и расспрашивал о море, о ладьях, о силе тяжести, а потом вежливо просил покинуть помещение, или с радостью от желания помочь хорошим мужикам подписывал нужную бумагу. Как бы там ни было, но в результате долгих хождений были получены согласия на участие и поддержка этого нового дела от многих организаций, среди которых были и научные, и военные, и морские, и сухопутные институты, ведомства, производства, и даже Академии разные, и еще что-то и кто-то.

И вот с мешком бумаг дошел Иван аж до Особого человека, который только и имел доступ к главному Академику, имевшему право писать челобитную Премьеру. Посмотрел Особый человек бумаги, предложил все доложить на Большом Совете. Ох, не простой это был совет, и назывался он громко: «Межведомственный научный Совет», и советы он давал не абы кому, а «Государственной комиссии Совета Министров СССР» (понятно, какой комиссии) и «Государственному комитету СССР» (понятно, какому комитету), при которых он состоял, и которые ему денежки платили за его советы.

Задрожал Иван, ноги подкосились, а Особый человек улыбается и говорит:

— Ничего, вьюнош, ты столько протоколов и писем нам принес, что даже с поллитрой без тебя нам в этом мешке не разобраться. Докладай, не робей.

Доложил Иван и на этом Совете, и Особый человек подготовил письмо — обращение самому Заместителю премьер-министра, подписал его у главного Академика и направил письмо в правительство.

А Иван полетел домой на поезде, аки на крыльях. Встретил мужиков и говорит:

— Ну, все, мужики. Других инстанций нет. Теперь только ждать.

Долго ждали. Вдруг — телеграмма из министерства, и вызывают Ивана «на ковер».

Приехал Иван в министерство, а там все вокруг него ходят, смотрят, как это такой простак, да такое дело завернул.

— Мы такую, — говорят, — бумагу получили от Кабинета министров, да за подписью аж первого заместителя Л. Рябева, что теперь не знаем, какую, Ваня, должность тебе отвалить, или какой выговор вклеить. Вот подождем, когда деньги придут. Если мало, дадим выговор, а если много, тоже дадим выговор.

— Это почему так?

— А что нам делать? Там же сказано: «Прошу рассмотреть с учетом важности проводимых работ» и адресовано: в Минобороны, в Госгеодезию, в Академию наук, в

Госстандарт и нам, — в министерство? Кому исполнять то? Кто все это заварил? Если исполнять нам, а денег нет, — кому выговор? На кого всех собак повесят? На нас, чиновников. А ты что же, в стороне? Нет. Значит выговор тебе полагается. А если деньги дадут? Как, скажи на милость, мы их реализуем за три месяца до конца года? Никак. Стало быть — невыполнение плана, и нам — по шапке. А ты, что, в стороне? Нет. И тебе выговор полагается.

И поехал Иван домой дожидаться выговора.

Ждал, ждал и... дождался. Премьер оказался членом ГКЧП, путчистом, мать его, государственным изменником. Его чуть к стенке не поставили, а всех его замов уволили. Денег никаких, естественно никто не дал, но и выговора Иван не схлопотал; хоть тут повезло. Только вот дело встало. Столько сил на него положил, и все — псу под хвост.

— Чо делать, мужики? Как генералов теперь ублажать будем, достанут ведь.

— Тебе же прямо сказали: в любом раскладе — выговор. А нам твой выговор — ни к чему, у нас и так денег на водку не хватает. Ты там по верхам коньяку, поди, нажрался, тебе-то что, а у нас трубы горят, нам нельзя. Ты заварил, тебе и расхлебывать...

Закручинился Иван, да делать нечего. Звонит Особому человеку, спрашивает:

— Как там ваш Большой совет, живет, еще не разогнали?

— Что ему сделается, — говорит Особый, — это министры за власть бьются, вот их и увольняют, а мы сами по себе. А ты что, тебя еще в генералы не произвели?

— Да, какой там — в генералы! Это мне от генералов с их ОГП житья нет, да и от своих мужиков теперь тоже. Засмеяли. Говорят: «Как ты, Ваня, свое прошение подал, так всех министров сразу в отставку. Получается, это ты все правительство завалил. А потому нам денег не выдали, да и с продуктами стало плохо, и водка подорожала, приходится пить разбавленный спирт». В общем, получается, я во всем виноват. Что делать-то? Посоветуй, мил человек.

Подумал Особый человек и говорит:

— Документы твои вроде бы еще не устарели, можно попробовать новому премьеру письмо написать, но со старым протоколом не пойдет. Нужно тебе, Иван, снова на нашем Совете речь толкнуть, всех прослезить, а я уж с новым письмом подсоблю.

И снова поехал Ваня в Москву, снова взобрался на трибуну Совета, снова произнес речь, снова получил протокол, а Особый человек подготовил точную копию старого письма, но с новым обращением к новому премьеру и, подписав бумаги у Академика, отправил их в новое Правительство, теперь уже не СССР, а Российской Федерации.

Некоторое время спустя, Ивана снова вызвали в министерство и показали (правда, издалека) визу Гайдара Е. Т., согласно которой — «надо делу дать ход немедленно», снова ему пообещали выговор, если денег не дадут, а должности, сказали, не жди.

Должности он и не ждал, но, сидя с мужиками на берегу синего моря, ждал обещанных денег на новую большую ладью, а когда ждать уже сил не стало, собрался было звонить в Москву, и вдруг сообщили, что Гайдар Е. Т. с должности сняли.

Пришел Иван к своим мужикам с этой вестью, а они уже ее знают и говорят:

— Что же ты Иван учудил? Мы тебе что поручили? Мы тебе поручили денег немного на новую ладью попросить, а ты что учудил? Премьеры тебе наши не нравятся? Ты зачем их подставлять взялся? Точно говорят: «заставь дурака Богу молиться, — он и лоб разобьет». Иди уж, крути пружинки у гравиметров, а в Москву боле ходить не моги. Не твое это дело.

Так с тех пор и крутит пружинки Иван.

А премьерам очень понравилось сменять друг друга уже и без помощи Ивана. До того они «наменялись», что денег в казне совсем не стало, и все измерения в океане прикрыли, а ладьи порубили на дрова. Зато, как симпозиум какой в гравиметрической избе, или просто опохмелка, все к Ивану пристают:

— Расскажи-ка, Иван, как это ты двух премьеров снял?

Иван скромничает:

— Не я это все заварил, не я эту перестройку задумал, не я премьеров менял. Отстаньте, ребята, лучше стаканчик налейте.

И отстают и наливают. Мужики у нас добрые, отходчивые. Наливать-то наливают, но знают, кто во всем виноват: конечно, Иван. Кто же еще?

На лесной полянке

*Одноактная
археологическая фантасмагория*

•••••

Действующие лица: Петенька и Машенька — дремучие пенсионеры.

Отряд пионеров.

Экскурсовод-пионервожатая.

Человек в шинели Братинский, он же Братан.

Поднимается занавес. На сцене темнота. Зажигается слабый свет, постепенно усиливающийся. В полумраке проявляется лесная поляна, свет нарастает, становится нормальным, вся поляна хорошо видна. Посередине стоит чурбак. В стороне видны очертания шалаша, далее кусты. На чурбаке сидит человек с бородкой и пишет, иногда поглядывая на небо и покусывая карандаш. Человек одет в серые брюки, белую рубашку, черную жилетку, кирзовые сапоги.

Петенька (*немного картавит*): Чертовски соскучился по работе. Машенька, ау! А не испить ли нам кофейку?

Из кустов медленно, вразвалку, выходит пожилая, но моложавая женщина. Она одета в длинную черную юбку, серую шерстяную кофту. Из-под нее выглядывает белый воротничок. На ногах сапоги.

— Так денег нет, Петенька.

— Как так «денег нет»? Разве деньги еще не отменили?

— Почти отменили, Петенька. Когда на них нечего было купить. Все — или по талонам, или по благу, или с «заднего хода». Считай, Петенька, почти отменили, когда полки магазинов стали совсем пустыми. А потом деньги как бы опять ввели. Это когда товары появились, да еда разная. Но, — дорогущие. А на нашу пенсию, сам пони-

маешь, кофию не попьешь.

— Как так, «полки стали пустые»? Рабочие, что, не везли в деревню мануфактуру? Крестьяне не везли в город продукты? Они, что, опять устроили продрозверстку? Я же говорил, что надо применить Новую Экономическую Политику! Что они там, в ЦК сдурели?

— Ну, была у нас нэп, Петенька, была. Пару лет, полки были полными. А потом нэп отменили, вот полки и опустели. А потом — война, потом — застой, а потом — перестройка, совсем шаром покати. Кофе у нас и раньше, поди помнишь, крестьяне не выращивали. А теперь они вообще, почитай, ничего не выращивают, все из-за границы привозят в фурах.

— В каких еще фурах, Машенька?

— Ну, большие такие фуры, которые к нам из Финляндии идут.

— Из Финляндии? Продукты? В Россию? Нет, надо срочно применить Новую Экономическую Политику. Вот допишу только эту статью «Шаг вправо, шаг влево — расстрел», и сразу займусь нэпом. Архи важная вещь, Машенька. А чайку не найдется? Можно и без сахара, ну, если, конечно, нет. А с сахарком было бы лучше. А, Машенька?

— Сахару есть немного, но тут, детишки местные, голодные.

— Нет, нет, тогда мне без сахара. Сахар детям нужнее. Непременно отдай, Машенька, сахар детям. А мне, если и чая нет, можно просто кипяточку.

Продолжает писать. Машенька выходит на минуту, потом снова приходит на поляну с кружкой дымящегося кипятка.

— Вот кипяток, горячий. Пей скорей, Петенька, а то у нас и с керосином проблемы.

— Как?! И с керосином проблемы? Мы же все скважины у Нобеля отобрали. Где же керосин?

— Так снова отдали скважины.

— Нобелю? Ай, молодцы! А ты знаешь, Машенька, я

вот тут на досуге думал, думал и решил, хорошо бы все скважины Нобелю вернуть. Смотри ведь, что он учудил! Премии ученым раздает, а наука плюс социализм, — это и есть коммунизм. Получается, что он с нами. Хорошо, что отдали.

— Ты же раньше говорил, что коммунизм, — это социализм плюс электрификация всей страны.

— Так это было раньше! А диалектика то не спит, она, батенька Машенька, работает, шарики то вращаются, — он покрутил рукой у макушки. — Наука — вот основной движитель прогресса. Прекрасная мысль, не правда ли? Надо срочно записать, а то забуду.

— А керосина все равно нет.

— Ну, что ты мне, Машенька, все про керосин. Норвежцы — хозяйственные ребята. Вот Нобель разберется со своими учеными, и всех керосином обеспечит.

— Так скважины, Петенька, не Нобелю отдали, а своим.

— Как своим? Пролетариям? Это кто же придумал? Ведь разворуют все. Где же мы будем брать керосин?

— Не пролетариям, олигархам. Хаймовичу, Парамонову, Дислеру.

— Ну, Машенька, совсем ты меня запутала. Откуда в России олигархи? Запомни навсегда: для того, чтобы появилась олигархическая буржуазия сначала надо пройти стадию развитого капитализма, потом этот капитализм должен слиться с властью и образовать олигархический капитализм, и только потом он может стать компрадорским, начнет продавать свою родину. На все это надо много времени. А так, «с бухты барахты», олигархи не появляются.

— Не знаю я, Петенька, не знаю, как олигархи появляются по-научному, но у нас они появились в одночасье. Своим людям просто взяли и раздали все народное достояние. Кому досталось побольше, тот стал крупным бизнесменом, кому поменьше, мелким, народу — шиш. Вот крупные бизнесмены и стали олигархами.

На поляну выходит отряд пионеров с пионервожатой (или с экскурсоводом).

Пионервожатая: Ребята, вот здесь, с этого места, — указывает на пенек, на Петеньку и на шалаш рядом с ним, — и начиналась революция.

Пионер: Какая революция? Перестройка?

— Нет. Перестройка была после революции. Революция уничтожила эксплуататоров и все отдала народу, а перестройка, — наоборот.

Пионерка: Отняла у народа и отдала бизнесменам? То есть — эксплуататорам?

— Нет, Наденька. У нас нет эксплуататоров, у нас есть только бизнесмены.

Петенька прислушивается к разговору. За сценой поют: «Мы смело в бой пойдем...»

Пионеры: «И мы за вами...».

За сценой: «И, как один, умрем...»

Пионеры: «Ну, блин, попали!..»

Убегают вместе с пионервожатой за сцену.

Петенька (*задумался, шевелит губами, разговаривая сам с собой*): Это как же все народное отдать бизнесменам? Знаю, как все отнять у богатых и отдать бедным: сложить в одну кучу и разделить поровну, а кучу назвать общегосударственной собственностью. А вот как всю эту государственную собственность разделить между несколькими бизнесменами — уму непостижимо? Выкупить её они не могли, потому как после революции больших денег ни у кого в этой стране не было: почти всех богатых раздраконили, спрятать ничего не успели. Конечно, со временем легально появились люди состоятельные, но не настолько, чтобы выкупить Путиловские заводы и Зимние дворцы. А все Корейки ходили под расстрельной статьей. Видимо, что-то новенькое изобрели. (*Задумался, покачал головой.*) — Машенька! Спасибо за кипяточек, хорошо по жилам прошел! (*Опять задумался.*) — А помнишь, как мы с тобой в Швейцарии?..

Машенька подходит к нему. Петенька хлопает ее по попе.

— Фу, противный! Помню, помню, как ты волочился за какой-то тощей француженкой. И что ты в ней нашел?

— Она была боевая подруга подполья.

— Знаем мы этих боевых подруг. Что-то сюда, в шалаш, комаров кормить она к тебе не торопится. Как шалаш, так Машенька, а как Швейцария, так боевая подруга.

— Ну, Машенька, ты ведь там тоже время не теряла. Выучила английский, французский язык, пока я готовил революцию.

— Да, выучила, и не только английский и французский, но и немецкий, шведский, португальский...

— Стоп, стоп! А китайский?

— А на китайский времени не хватило. Ты, Петенька, поссорился со своей боевой подругой и опять переехал жить со мной.

— Да, да, припоминаю. Ну, извини, извини. Но китайский ты напрасно не выучила. Сейчас с китайскими товарищами надо говорить на их языке. Ах, Машенька, какое время было, какое время! А помнишь, как мы с тобой в бронированном вагоне, вместе с товарищами по партии...

— Теперь, Петенька, ездят в бронированных «мерседесах».

— Как?! Товарищи по партии ездят в «мерседесах»? Это же предательство! Они должны скакать на вороных с шашками в руках и рубить всех буржуев! С предателями партии у нас разговор короткий: расстрелять!..

— Успокойся, Петенька. Товарищей по партии Коба уже наказал. А теперь в стране отменена смертная казнь. Иначе с нами Евросоюз разговаривать не будет.

— Какой Евросоюз? Антанта, что ли? Мало получили они под Архангельском, под Владивостоком? Мы можем им и еще наподдать.

— Не можем, Петенька.

— Это почему же не можем? Чапаев, Фрунзе, Ворошилов, Буденный могли, а мы не сможем? Почему вдруг?..

— Потому, милый, что, если мы будем махать шашками, или грозить пушками, они не будут покупать наши нефть и газ. Жить нам тогда будет не на что, и полки магазинов опять будут пустыми.

— Как не на что!?! Что ты такое говоришь, батенька Машенька!?! Разве заводы наши не производят мануфактуру? Разве крестьяне не производят продукты? Мы же весь мир можем своим хлебом накормить! Что у тебя с головой? Вспомни, в тринадцатом году...

— Петенька, ты все забыл, а помнишь только Цюрих и тринадцатый год. Другое время, дорогой, совсем другое. Теперь, повторяю, за сибирскую нефть мы закупаем продукты, потому что наши крестьяне их не производят. Так что лозунг страны: «нефть, нефть и нефть».

— Э-э, Машенька, плагиатом занимаешься! Только: я что говорил? Я говорил: «Учиться, учиться и учиться!»

— Никакого плагиата. А твое «учиться», знал бы ты, всем боком вышло. Ты с ним, Петенька, дал слабину. Научили на свою голову всяких там диссидентов, инакомыслящих, правозащитников. Вот теперь и «чихаем» от них — перестройкой, ваучерами, капитализацией-прихватизацией. А как хорошо было; ты сказал: «социализм плюс электрификация»! И все. И никаких вопросов. А теперь? «Цепь удлинили, лаять разрешили, миску отодвинули так, что не достать». Вот и посуди сам: «Куда крестьянину податься? Белые пришли — граблют, красные пришли, — тоже граблют, теперь правые пришли, — обратно граблют». Ах, Петенька, все от учености. Одно дело — языки изучать, другое — какие книжки читать. Им теперь Морган лучше Маркса. Болтают, что хотят. И какие умные стали, какие умные. Никаких тебе бесплатных институтов, а все учатся. Бедные, нищие — а учатся. Работать некому, а все учиться лезут. Куда их столько, ученых?

— Ну, ты Машенька, очень меня удивляешь! Как это не учиться? А кто будет промышленностью управлять? Дурак и неуч не справится.

— А мы иностранцев пригласим. Опыт есть. Рюриковичи как ладно всех перемирили! А кого не перемирили, того перерубили.

— Это ты сама придумала?

— А что тут думать-то. Разве ты не знаешь, что свои или разворуют, или пропьют твою промышленность. Самые большие начальники кричат, как резаные, что в правительстве дикая коррупция, что деньги в регионы уходят, а туда не приходят, что государственные резервы надо хранить в иностранных банках, так надежней. Кого ж ставить руководить производством? Олигархов? Они и так все, что можно, продали, перепродали, выручку вывезли за границу, а что не смогли вывезти, развалили до руин. А теперь государство, то есть, мы, народ, у них все должны выкупить за огражденные деньги.

— Постой, постой, Машенька, я что-то тебя не понимаю. Ты говорила, что им все отдали бесплатно? А теперь за это «бесплатное», да еще обобранное и разваленное надо платить? Как это?

— А ты что думал? Тебе хорошо. Ты спал и сны революционные видел, а мы тут с этими твоими учениками теперь мучаемся. Они — не те, что с шашкой наголо. Сплошь ученые. Сначала они попробовали деньги в коробках изпод ксерокса выносить. Попались. Поумнели, сообразили. Потом ваучеры придумали, закладные аукционы, кредиты. Собрались в стайки. Один сидит в банке и выдает второму кредит. Второй кредит берет и идет на аукцион. Третий банкротит завод и выставляет его на аукцион за бесценно. Второй покупает этот завод. Потом они все втроем выжимают из завода все, что можно, а деньги переводят за границу. Кредит, естественно, не возвращают, в завод ничего не вкладывают, а наоборот, берут новые кредиты в банках под залог завода. А теперь у них этот завод надо еще и выкупить. Так уж лучше нанять иностранца, с которого можно будет хоть что-то спросить.

— Машенька, это же архигениально! Оказывается формула Маркса и Энгельса «товар-деньги-товар» не работает! Оказывается деньги можно делать из воздуха, без товара!

— Ты, Петенька, совсем отстал от времени. Ты, дорогуша, про финансовые пирамиды еще ничего не знаешь! Эти грабят народ уже подчистую по формуле: деньги к деньгам.

— Спираль, Машенька! Закон спирали! Не забыть бы! Конгениально! Я на пороге величайшего открытия! Диалектика работает! Мы на втором витке, но вниз головой! Понимаешь? На втором...

— Как вниз головой?

— Ну, это же элементарно! Цель революции — отобрать собственность у богатых и распределить её между бедными, то есть — раздать всему народу. Правильно?

— Правильно. Ну и что?

— Как что? Теперь, по закону спирали, идет обратный процесс: отобрать все у бедных и раздать богатым. Ты поняла?

— Поняла, конечно. Это все давно поняли. Ничего тут нет гениального.

— Нет, батенька Машенька, ты не поняла. Мы с тобой кто? Мы с тобой профессиональные революционеры. Наша профессия — делать революции. Судя по всему в России, а может быть и во всем мире, наступила революционная ситуация, когда «верхи не хотят, низы не могут». Поняла? Значит, что? Значит все лозунги нашей революции стали прямо противоположенными. Например, был лозунг «Хлеб рабочим, мир солдатам, землю крестьянам». Хороший лозунг?

Машенька, молча, кивает головой, не закрывая рта.

Петенька продолжает:

— А в теперешней революционной ситуации, этот лозунг должен звучать так: «Хрен рабочим, война солдатам, фиг крестьянам». Правильно?

— Петенька, ты, действительно, гений!! Все точно! Так нынче и в газетах пишут, и по телику показывают! Ты их не читаешь, а все знаешь! Откуда ты все знаешь, Петенька?!

— А вот тебе еще подарочек! Было — «Мир хижинам — война дворцам»; стало — «Мир дворцам — война хижинам».

Машенька захлопала в ладоши: — Снесем хижины и построим новые дома, как мечтали раньше, при социализме, да, Петенька?

— Не понимаешь, дуреха! Все наоборот: революция наоборот, лозунги наоборот! Ну, сообрази! Даю подсказку: какой был основной лозунг нашей революции?

— Грабь награбленное!

— Умница! Ну, все поняла? Хижины надо грабить, и не просто грабить, а — «до основания, а потом...»

— А что потом?

— А потом, суп с котом! Вот, что потом. Ты мне сначала пирожок испеки, а потом я тебе скажу, что потом.

— Я сейчас, я мигом, по сусекам подмету, наскребу тебе на пирожок.

Машенька убегает. Петенька радостно потирает руки, сам себе:

— Сегодня рано, завтра будет поздно. Надо вызывать Братинского. *(Звонит по мобильнику. С кем-то разговаривает. Входит Машенька. Несет пирожок. Петенька быстро его съедает.)*

— Машенька, прости, я, кажется, весь пирожок съел, и тебе ничего не оставил!

— Ничего, Петенька, *(глотает слюни)* тебе надо сил набираться, Зеркальную Революцию Новую делать!

Петенька вскакивает с пенки, обегает шалаш с криками:

— Что ты сказала? ЗЕРКАльную Революцию Новую? Это же конгениально! Вот она истина! Вот оно пришло! ЗЕРНО! Вот он главный лозунг новой революции: «Мы наш, мы новый мир построим, отделим зерна от плевел!».

— А с этим: «кто был никем, тот станет всем» — что делать?

— Ну, Машенька, это же элементарно. Применяем ЗЕРНО, и после несложных расчетов, получаем: «кто был всем, тот станет никем».

— А как же олигархи? Куда они-то со своими деньжищами?

— Подожди, Машенька, вот закончу работу «шаг

вправо, шаг влево — расстрел» и разберусь с ними. Эта работа — первый фундаментальный труд после Маркса, Энгельса, Петра... — Петенька осекся, задумался на минуту: — Как тебе такая аббревиатура — МЭП? А научное направление «мэппизм»? Звучит актуально?

— Архиактуально, Петенька! Архи! А как дополняет твой «нэппизм»? Ты — гений! Чудо!..

— Ну, хорошо, хорошо. Спасибо. Успокойся. Спасибо. И не думай, пожалуйста, что моя терминология тебя красит. «Архи» — мое слово, оно из сути моей, из глубины моего эго и... — Петенька помолчал, подумал, почесал лысину: — Хотя, знаешь, слово «архе», кажется, лучше, точнее. Кстати, как писать правильно: «Архиология», или «Археология»?

— Было «археология», а как сейчас — не знаю, сейчас, как хотят, так и пишут. Я нынче все время путаю, когда надо писать «сир», когда «сыр», а когда «сэр».

— А ты запомни цитатку: «сэр несет сыр своему сиру».

— Ах, Петенька, вот бы нам сейчас сырку..

В этот момент на полянке появляется человек в длинной военной шинели, в фуражке, с усами. Взгляд пронзительный.

Петенька: — А, Братан.

Человек в шинели: — Не Братан и не Братинский. Меня нет, но я есть. Меня скинули подъемным краном и отвезли на свалку, но я остался в сердцах, я всегда готов.

Машенька: — Ты как пионер: «Будь готов, всегда готов!»?

— Нет, меня не надо призывать «быть»! Я был, есть и буду есть. Извините, просто буду.

Машенька (*немного игриво*): — Что просто буду? Жить?

Человек в шинели: — Нет, буду работать, работать и работать на счастье всего человечества.

Петенька: — Ну, вот и правильно. Чертовски хочется поработать. У нас тут сложилась революционная ситуация. Пора браться за дело. Явки старые остались?

Человек в шинели: — Кое-кто в подполье сидит, кое-кто в Интернете. Найдем.

Петенька: — А как с оружием? Немцы денег не дадут. На них рассчитывать не стоит.

Человек в шинели: — Накопаем. После войны в земле его много осталось. Этим я, пожалуй, сейчас и займусь.

Братан закладывает правую руку за отворот шинели и с достоинством уходит.

Петенька, потирая руки: — Вот постреляем, вот постреляем, вот...

Машенька прерывает: — Ты, Петенька, сначала расскажи, что потом...

Петенька (*не слезая с пенька, обхватывает Машеньку, сажает её к себе на колени, говорит с восторгом*): А потом заживем, как люди.

— Опять потом (*Машенька еле сдерживает слезы*). Всю жисть ждем: сначала — пока царя да капиталистов уничтожим, потом, — пока белых не победим, потом, — пока контрреволюцию не изведем, потом, — пока война не окончится, потом, — пока культ личности не преодолеем, потом, — пока застой не кончится, потом, — пока перестройка не кончится, потом, — пока капиталистов снова не наплодим. Так когда ж, наконец, заживем, Петенька?

— Скоро, Машенька, скоро! Ни сегодня завтра баррель нефти будет стоять (задумался, шевелит губами, считает), — сто долларов, и — заживем!

— Так ведь стоил уже. И даже больше. Все же разворовали.

— Все, Машенька, теперь не разворуют. Теперь Братан революционный Закон исполнять будет. Теперь, взяв за основную идею ЗЕРНО, мы будем проводить политику мэппизма! И мы ее проведем, Машенька! Всенепременнейше проведем!

За сценой поют песню: «Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры дети рабочих...» Сцена постепенно гаснет. Занавес.

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГОСВЕТКА. Повесть

1. Защита	7
2. Отход	26
3. Атолл	40
4. Сингапур	49
5. Гонолулу	57
6. Куба	73
7. Дакар	81
8. Антверпен	94
9. Возвращение	104
<i>Послесловие от автора</i>	113

ЗАРИСОВКИ

Рынок	119
Бесплатная медицина	120
Платная медицина	123
Метро	126
Телевизор	129

ЭССЕ

Теория относительности человека	137
Концепция единства материи и сознания	153
<i>Теоретическая основа</i>	155
<i>Лидер</i>	161

<i>Лозунги</i>	163
<i>Тактика</i>	164

Сказка про то, как один мужик двух Премьеров снял	167
На лесной полянке. <i>Одноактная археологическая фантасмагория</i>	177

Литературно-художественное издание

Николай Николаевич Ржевский

КРУГОСВЕТКА

Оформление *С. А. Булачевой*

Макет *М. А. Райцной*

Издательство «Журнал „Нева“»
<http://www.nevajournal.spb.ru>

Подписано в печать 25.10.2009. Формат 84×108 в 32°.
Гарнитура Таймс Тэн. Печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 7,75. Тираж 260 экз.
Отпечатано в ИПЦ «Журнал„Нева“». Зак. 005